

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 29 ДЕКАБРЯ 2017 Г.

В ШЕСТИ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 2

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 29 декабря 2017 г.

В шести частях
Часть II

Белгород
2018

УДК 001
ББК 72
Н 72

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МАН, академик РАН, Почетный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

Н 72 **Новая парадигма социально-гуманитарного знания** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 декабря 2017 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. – Часть II. – 140 с.

ISBN 978-5-6040519-0-0

ISBN 978-5-6040519-2-4 (Часть II)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Новая парадигма социально-гуманитарного знания», состоявшейся 29 декабря 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам истории, права, политики.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Баззаев Н.А.</i> «ПЕРЕГИБЫ» ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ	6
<i>Далгат Ф.М.</i> М.М. ДАЛГАТ И МЕДИЦИНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	11
<i>Зеленский Ю.В.</i> ВТОРОЙ ПОХОД СВЯТОСЛАВА НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	14
<i>Пажвак С.Б.</i> ГРУЗИНО-ЮЖНООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ (2008 г.) И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В СМИ ГРУЗИИ	16
<i>Тедеев Х.В.</i> ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	19
СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	23
<i>Алиева Э.Б.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ	23
<i>Багдасарян А.С.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ	26
<i>Богданова Н.В., Юданова Л.А.</i> К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЕ ФАКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК ПРЕДМЕТА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА .	29
<i>Бондарева А.В.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	32
<i>Гайнетдинова Т.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ВСЛЕДСТВИЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ .	35
<i>Дорохов Н.И.</i> ОСОБЕННОСТИ И ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА	38
<i>Еспергенова Е.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 319 УК РК «НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТА», С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ	44
<i>Зарубина Ю.С.</i> РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РЕГУЛЯЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ОПАСНЫХ ОТХОДОВ	47
<i>Зеленина С.А.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ (СТ. 302 УК РФ)	51

Зеленина С.А. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ (СТ. 302 УК РФ)	53
Игнатьев А.В., Перепелкин В.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЕМА И РЕГИСТРАЦИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	56
Кенжебаев М.С. СТАДИЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА КАК ЭЛЕМЕНТ ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА	59
Козин А.В., Морозова Т.И. ЗАКОННОСТЬ – МЕРА ДЕЙСТВИЯ ПРАВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ.....	63
Козин А.В., Морозова Т.И. РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ	66
Молдагаипов Ж.М. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СОГЛАШЕНИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАЗАХСТАНА.....	69
Нестерова К.К., Перепелкин В.И. К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	73
Оруджев Х.В. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УЧЕТА МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ.....	76
Педько М.С. ВЕЩНЫЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	80
Самбиева С.А. ПОМЕЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО- ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА КАК АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ	83
Самбиева С.А. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОМЕЩЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
Сейтжанова Н.К. О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	89
Семенова В.Е., Черячукина Е.А. ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	92
Симонова С.В., Черячукина Е.А., Пунина И.С. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	96
Тарасова Е.Б., Перепелкин В.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	99

Умнова (Конюхова) И.А.	
КОНСТИТУЦИИ ГОСУДАРСТВ И ТРАНСГРАНИЧНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ	102
Устинов С.Г.	
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РФ	112
Хабилов Д.Г.	
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	117
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	120
Гафурова З.А., Сметанин А.Г.	
ИДЕИ НАЦИОНАЛИЗМА И НАЦИЗМА КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ ГЕРМАНИИ	120
Жукова Ю.Н.	
КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	122
Каргаполов Е.П.	
ИДЕЯ: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ	127
Мальцева К.С.	
УЧАСТИЕ НКО В РАБОТЕ ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	133

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

«ПЕРЕГИБЫ» ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Баззаев Н.А.

аспирант кафедры новейшей и отечественной истории,
Северо-Осетинский государственный университет, Россия, г. Владикавказ

В статье проанализирован процесс коллективизации сельского хозяйства в контексте допущенных советским государственным и партийным руководством «перегибов», наличие которых позволяет ассоциировать данный процесс со страшной трагедией, в первую очередь, социального характера. Делается вывод об объективной неизбежности злоупотреблений, допущенных в ходе осуществления коллективизации в силу особенностей крестьянской психологии, социальной структуры крестьянского населения региона, исходного уровня развития сельского хозяйства в нем. «Перегибы» коллективизации ассоциируются с уголовными преступлениями, разных составов – преступления против личности и ее свобод, кража и рейдерский захват имущества, преступная халатность. Вместе с тем подчеркивается позитивный итог коллективизации с точки зрения государственных интересов, поскольку благодаря данному процессу были созданы предпосылки для осуществления масштабной индустриализации отечественной экономики – ключевой задачи государственного развития того периода времени.

Ключевые слова: Южная Осетия, коллективизация, кулачество, «перегибы».

Сюжеты, связанные с советской историей, будут волновать еще не одно поколение ученых. Данное обстоятельство определяется «методологической перегрузкой» исследовательской парадигмы современной исторической науки, избавившейся от диктата марксистско-ленинского подхода к анализу исторического процесса.

Вместе с тем это, несомненно, положительное обстоятельство породило серьезную проблему. В условиях наличия «методологического вакуума» историческое исследование все больше превращается в конъюнктурный проект, призванный служить исключительно политическим интересам в ущерб научной объективности. Эта проблема сегодня весьма актуальна именно для изучения отдельных аспектов советского исторического прошлого. Одним из них является противоречивый по своему содержанию и последствиям феномен коллективизации.

Примером его «ненадлежащего» изучения является позиция современных украинских историков, рассматривающих коллективизацию исключительно как преступное явление, приведшее к геноциду украинского народа (Голодомору). Сугубо односторонне рассматривают коллективизацию и некоторые отечественные историки, понимая под ней неспровоцированную тотальную акцию по ликвидации крестьянства, осуществленную лично Сталиным, который рассматривал крестьянство как единственную силу, реально угрожавшую существованию режима и его личной власти.

Другие историки рассматривают коллективизацию в качестве необходимой составной части глобального модернизационного процесса, объективно необходимого советскому государству. В связи с этим они определяют коллективизацию в качестве стратегического направления и метода мобилизации материальных и трудовых ресурсов, а в конечном итоге, в качестве базовой, объективно необходимой основы индустриализации [3, с. 28].

Вышесказанное определяет необходимость осуществления объективного научного исследования феномена коллективизации, предполагающего ответ на вопрос – действительно ли коллективизацию следует рассматривать исключительно в качестве средства тотального уничтожения зажиточного и среднего крестьянства. Архивные данные, доступные современным историкам, позволяют однозначно констатировать наличие «репрессивных перегибов» в процессе осуществления коллективизации. Причем данный факт признавала и сама власть, в частности, лидер государства И. В. Сталин. Свидетельством этого стала известная публикация «Головокружение от успехов».

С учетом вышесказанного, предметом настоящей работы является выяснение степени «перегибов», допущенных властями в период проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства в одном из регионов огромной страны СССР – в Южной Осетии.

Представляется, что для разрешения поставленной проблемы необходимо, в первую очередь, составить представление о сущности процесса коллективизации. В других наших работах, посвященных анализу данной проблематики, были сформулированы важные выводы. С одной стороны, о том, что возникновение колхозного движения не было следствием развития производительных сил в деревне и переворота в системе производственных отношений, что позволяет рассматривать колхозное движение как искусственно создаваемое и поддерживаемое сверху. Но с другой мы согласились с мнением В. А. Ильиных о том, что И.В. Сталин и его окружение в высших эшелонах власти, начиная форсированную коллективизацию, все-таки верили в благотворное влияние массового колхозно-совхозного строительства на сельское хозяйство. И задача осуществления индустриализации за счет фактического ограбления деревни и тем более голодомора первоначально не ставилась [3, с. 29].

Указанные выводы позволяют сделать важное предположение о том, что «перегибы» и злоупотребления при осуществлении коллективизации сельского хозяйства были неизбежными, однако, они не могли определять сущность данного процесса.

Обратимся к характеристике фактологического материала, иллюстрирующего осуществление процесса коллективизации юго-осетинских крестьянских хозяйств.

Архивные данные показывают, что первые коллективные хозяйства возникают в регионе, начиная с 1923 г. преимущественно в форме кооперативов. Этот процесс приобрел достаточно значительные масштабы, вследствие чего уже в 1924 г. был основан союз кооперативов Южной Осетии – Югосельхоз. К 1926 г. в кооперативные хозяйства образовывали 1706 индивидуальных хозяйств, что составляло значительную часть общего количества хозяйств в регионе [5, с. 11]. В дальнейшем тенденция образования коллективных хозяйств в более совершенных организационных формах усилилась – в 1928 г. в регионе были созданы молочные артели членство в которых позволяло крестьянам значительно улучшать уровень своего материального состояния за счёт более высоких закупочных цен на продукцию хозяйств. По данным И. В. Хабалашвили, членство в молочной артели позволяло получать крестьянам сыра на сумму 200-400 рублей, при том, что индивидуальные хозяева получали только 150 руб. [5, с. 11].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что стремление к участию в коллективных формах хозяйствования являлось объективной тенденцией намере-

ний части югоосетинских крестьян. В связи с этим применение административно-директивных методов имело, в первую очередь, организующее значение, но не мотивирующее.

Вместе с тем, следует обратить внимание на два обстоятельства – во-первых, большинство югоосетинских крестьян склонялись к участию в коллективных формах хозяйствования исключительно из соображений экономической целесообразности, не подвергая сомнению возможности осуществлять деятельность в рамках индивидуального хозяйствования, а во-вторых, такие намерения характеризовали преимущественно бедняцкие хозяйства.

Учитывая то обстоятельство, что организационно колхозы, признаваемые с 1927 г. главной (зачастую и единственной формой) организации коллективных хозяйств предполагали гораздо более жесткие требования по отношению к единоличникам, говорить о стремлении участвовать в данном процессе со стороны абсолютного большинства крестьянства, сохраняющего мелкобуржуазное мировоззрение, не приходится.

Примечательно, что такой вывод разделял и советский историк югоосетинской коллективизации И. В. Хабалашвили. Утверждая, что коллективные хозяйства сыграли определенную роль в перестройке и реформировании сельского хозяйства Южной Осетии, исследователь констатировал их организационную слабость, вызванную объективными причинами [5, с. 12]. Учитывая последнее обстоятельство, историк определял необходимость вмешательства партийного руководства в процесс формирования «правильного советского крестьянина», иначе говоря, борьбы с «правым уклоном», отстаивающим право сохранять для широких масс крестьян выбирать альтернативные варианты ведения своей деятельности. Естественно, что в таких условиях «перегибы» в процессе «перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы» (именно так характеризовали процесс коллективизации советские историки) являлись неизбежными.

Они находили свое выражение, в первую очередь, в административно-директивном диктате, осуществляемом со стороны партийных руководящих органов. В ходе первоначального этапа развития коллективизации была использована инициатива батрацко-бедняцких слоев крестьянства, подверженных соответствующей идеологической обработке со стороны как органов экономического планирования, так и структур государственной безопасности и партии. При этом сколь-нибудь значительное противодействие этой тенденции со стороны других слоев крестьянства не допускалось.

В этом смысле главный «перегиб» коллективизации заключался в планировании ее темпов, которое осуществлялось исключительно на основе официальной риторики сторонников сталинского варианта социально-экономической модернизации и спущенных сверху показателей. Естественно, что местные условия, так же как и настроения подавляющего большинства крестьянства не учитывались. Показательным стало решение Юго-Осетинского ЦИК партии от 3 декабря 1929 г., определяющее темпы осуществления сплошной коллективизации – в 1930 году коллективные хозяйства должны были составить 25 % всех крестьянских хозяйств области, в 1931 г. – 75 %, а окончательно коллективизация должна была завершиться к 1932 г. [5, с. 22]. При этом никакой подготовительной работы по аналогии с практикой 1920-х гг. не предусматривалось.

«Локомотивами» коллективизации в соответствии с данным документом должны были стать «бригады», формируемые из партийных работников, социаль-

ная принадлежность которой определялась логикой ленинской социальной философии (беднейшие слои крестьянства – естественные союзники пролетариата в деле социалистического переустройства общества) и посылаемые во всех сельсоветы области. При этом численность таких «бригад» последовательно возрастала от 30 до 100 человек.

Как представляется, налицо было фактическое возвращение к практике деятельности комитетов бедноты, последствия которой всем известны. На местах «строители колхозов» действовали предельно жестко, оперативно проводя организационные мероприятия, связанные, в первую очередь, с экспроприацией личной крестьянской собственности. Успех такой деятельности был обусловлен надежным «прикрытием» со стороны органов государственной безопасности. Спустя год областной ЦИК партии пересмотрел темпы осуществления коллективизации в направлении их увеличения, что, естественно, определил еще большее «рвение» участников вышеуказанных структур.

И. В. Хабалашвили в своем исследовании наглядно иллюстрирует их деятельность, основными характеристиками которой, по его мнению, являлось прямое администрирование, запугивание крестьян, необоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности руководящих работников из состава «колхозных бригад» [5, с. 22]. Такая деятельность осуществлялась на фоне ликвидации кулачества «как класса». Именно этот аспект проведения коллективизации справедливо рассматривается в качестве преступного «перегиба» руководства страны.

И. В. Хабалашвили, в целом разделяя традиционную точку зрения советской историографии по данной проблематике, которая заключалась в констатации справедливости борьбы с середняками и зажиточными элементами в крестьянской среде, воспринимаемой в качестве неизбежных ответных мер на их вредительскую деятельность. На осуществление такой деятельности кулаков обращалось внимание в официальных сводках ОГПУ. В сводке от 19 февраля 1928 г. указывалось, что крупные держатели хлеба – кулаки и зажиточные – продолжают оказывать упорное сопротивление хлебозаготовкам, придерживая хлеб. При этом отмечено значительное число фактов укрытия кулаками хлеба в ямах, раздачи его на хранение знакомым и беднякам. Бедняки, нуждаясь в хлебе, за незначительную плату укрывают кулацкие хлеба [4, с. 694-695]. Кроме того, ОГПУ констатировало усиление пропагандистской работы кулаков и зажиточных среди бедноты в форме запугивания тем, что в результате раскулачивания у бедняков исчезнет возможность обеспечивать свои потребности в хлебе, поскольку государство этого сделать не сможет [4, с. 697].

Вместе с тем И. В. Хабалашвили подчеркивал некоторые «ошибки» в осуществлении «раскулачивания». В качестве примера назывались такие факты, как экспроприация всего личного имущества у торговцев и промышленников г. Цхинвали г. Ленингори, произведенное сотрудниками «колхозной бригады» за один день с последующим его расхищением, насильственное выселение и лишение правоспособности не только «кулацких» элементов, но и «бедняцких» элементов крестьянской среды, не желающих оперативно вступать в колхозы [5, с. 26].

Представляется, что указанные факты следует рассматривать не в качестве ошибок или «перегибов», а в качестве планируемых преступных деяний, квалифицируемых как разбой и рейдерский захват, субъекты которых должны были привлекаться к суровой уголовной ответственности. Примечательно, что архивные данные свидетельствуют о том, что даже к середине 1930-х гг. партийным структу-

рам и органам государственной безопасности не удалось решить проблему кулацкого саботажа, выражающегося в осуществлении массового забоя скота – количество его поголовья имело устойчивую тенденцию к падению [1].

Архивные данные свидетельствуют и о других «перегибах» процесса осуществления сплошной коллективизации. Среди них следует назвать следующие:

- отсутствие четкого представления о критериях социальной дифференциации в крестьянской среде, в результате чего при формировании колхозов зачастую нарушались права «классовых союзников» пролетариата – беднейших масс крестьянства;

- отсутствие нормативно-правового обеспечения регламентации труда колхозников, в результате чего имели факты эксплуатации труда женщин и подростков;

- неучет характеристик географического и климатического положения региона при планировании мероприятий, связанных с коллективизацией;

- неучет низкого уровня промышленного и культурного развития региона, что порождало невозможность оказания необходимой «методической» поддержки крестьянству со стороны пролетарских элементов, а также их крайне низкого уровня правосознания;

- отсутствие в регионе достаточного количества партийных организаций, а также большая «текучка» партийных руководящих кадров, часть из которых необоснованно подвергалась дисциплинарной и нередко уголовной ответственности.

Следует отметить, что партийное руководство осознавало часть из указанных проблем, в связи с чем, начиная со второй половины 1930 г. в регионе проводились мероприятия, направленные на преодоление их негативного влияния.

Так, в частности, огромное значение имело формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность колхозов (принятие устава сельскохозяйственной артели), улучшение их материально-технического обеспечения. Эти мероприятия позволили достигнуть реального роста уровня производительности труда колхозов – в 1934 г. план по сельскохозяйственному производству был выполнен на 125 % [5, с. 35].

Итак, проведенный анализ позволяет констатировать следующее. Юго-Осетинский опыт осуществления коллективизации сельского хозяйства являлся частным случаем реализации данного процесса в масштабах всей страны. Соответственно, его следует оценивать противоречиво.

С одной стороны, несомненно, что посредством осуществления коллективизации сельского хозяйства государством были созданы необходимые предпосылки для проведения масштабной индустриальной модернизации экономики. Сельское хозяйство автономной области было модернизировано, имела место устойчивая тенденция повышения его производительности. Стратегическая задача радикальной модернизации экономики была в целом успешно решена в 1930-е гг., что являлось несомненным достижением советского правительства и ВКП (б).

С другой стороны, посредством проведения коллективизации сельское хозяйство страны в целом и югоосетинского региона в частности, было принесено «в жертву» индустриальным потребностям страны. Насильственная ломка мелкобуржуазной психологии крестьянства сопровождалась очевидными «перегибами», которые следует рассматривать в качестве откровенно преступных действий, в первую очередь, в отношении личности и имущества наиболее перспективной с точки зрения обеспечения прогрессивного развития отрасли, социальных слоев крестьян – зажиточного и середняцкого.

Кроме того, имела место откровенная преступная халатность в отношении недооценки местных условий, организационно-правовых проблем, квалификационного уровня и качества руководящих кадров. Вышеуказанные «перегибы» позволяют судить о коллективизации Южной Осетии как о страшной трагедии в истории ее сельского хозяйства, смягчал последствия которой лишь изначально невысокий уровень развития сельскохозяйственного производства в регионе.

Список литературы

1. Центральный государственный архив Южной Осетии. Ф. 4 Д. 516. Л. 1,4,6.
2. Габдулина А. Ж., Трефилова Ю. Советская коллективизация: цели, практика, последствия // Наука и современность. – 2012. – № 5. – С. 37-43.
3. Ильиных В. А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. – № 4. – 2013. – С. 27-33.
4. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.2. – М.: РОССПЭН, 2000. –1168 с.
5. Хабалашвили И. В. Ветераны колхозного строя в Юго-осетии. – Цхинвали: Ирыстон, 1971. – 256 с.

М.М. ДАЛГАТ И МЕДИЦИНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Далгат Ф.М.

доцент, канд. ист. наук,

Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала

Статья посвящена активному участию крупного общественно-политического деятеля Кавказа в деятельности Терского Медицинского общества в указанных хронологических рамках.

Ключевые слова: дагестанец, благотворительное общество, медицина, Терская область, Кавказ.

Деятельностью благотворительных медицинских, просветительских обществ отмечена общественная и культурная жизнь России, в том числе и северокавказского региона в конце XIX – начале XX вв. В этот период в стране открылось более 120 научно-медицинских обществ, а их членами состояло более половины всех врачей. Заметную роль в развитии медицины в Северной Осетии играло Терское Медицинское общество. В декабре 1890 года Министерство здравоохранения рассмотрело проект Устава Терского медицинского общества, а в январе 1893 года состоялось учреждение первого собрания медицинского общества. На нём было избрано правление в составе председателя Н.А. Капацинского, секретаря Н.А. Полякова, казначея Л.А. Горошко. Согласно уставу, общество состояло из почётных и действительных её членов. В состав общества входили не только врачи, но и провизоры, фармацевты, ветеринарные врачи. В почётные члены Терского медицинского общества сроком на пять лет в декабре 1896 года был избран дагестанец, работавший на протяжении более двадцати лет сначала окружным, а затем городским врачом в городе Владикавказе. У себя на родине его знали как доктора Далгат. В 1900 году он был вновь избран в числе девяти почётных членов в состав Терско-

го медицинского общества. Заседания общества проходили не чаще одного раза в месяц и на них врачи выступали с научными сообщениями. В 1900 году было проведено 8 заседаний Медицинского общества. Исследователи выяснили, что М.М. Далгат участвовал в заседаниях общества, состоявшихся 9 декабря 1897 года, 26 февраля, 27 марта, 21 апреля, 10 октября, 18 ноября 1900 года. 26 февраля 1900 года на заседании Общества было заслушано сообщение Магомед Далгата на тему «Случай аномалии большой грудной мышцы» [1, с. 78]. В третьем заседании Медицинского общества, которое состоялось 27 марта 1900 года, участвовало 26 её членов, а также начальник Терской области и почетный член Общества С.Е. Толстов. М.М. Далгат участвовал в прениях по докладу, посвященному паломничеству российских мусульман в Мекку и Джидду и случаям их гибели из-за антисанитарных условий проживания, отсутствия качественной воды. 21 апреля М.Далгат выступил с обстоятельным докладом «О санитарном состоянии города Владикавказ». В заключение своего доклада доктор высказал пожелание, чтобы Терское медицинское общество пришло на помощь городу в борьбе с антисанитарными условиями. Докладчик предложил проект разделения города на 15 санитарных участков и надзор за санитарным состоянием участков возложить на участковых врачей города и на помощников-добровольцев из интеллигенции. После состоялось обсуждение доклада. В прениях по докладу М.М. Далгата приняли участие и обменялись мнениями врачи А.Н. Благоданов, В.С. Варавин, Э.Н. Иванов, П.Г. Рубец и другие, что свидетельствовало о заинтересованности коллег и значимости содержания доклада городского врача. Выступавший В.С. Варавин предложил «познакомить публику с докладом доктора М.М. Далгата через печать», прежде чем говорить о вмешательстве врачей в проблему санитарного состояния города» [1, с. 82]. Выступившие на заседании врачи настаивали на необходимости проведения периодически не только химического, но и бактериологического анализа воды реки Терека. С целью популяризации медицинских знаний и ознакомления врачей с научными достижениями медицины, медицинским обществом уже в первый год существования была создана библиотека. Ею мог пользоваться любой желающий. Библиотека получала до 25 периодических изданий по хирургии, терапии, гинекологии, педиатрии и другим отраслям медицинской науки. В библиотеку поступали также книги, купленные на деньги общества, пожертвованные и полученные в обмен на «Записки Терского медицинского общества». Это издание начало выходить в свет с 1894 года. В «Записках» публиковались сообщения и доклады, сделанные на заседаниях общества.

В 1905 году председателем Медицинского общества был избран статский советник П.А. Шульгин, а Товарищем председателя – коллежский советник М. М. Далгат. В 1907 году, спустя два года, городской врач Далгат становится уже председателем Терского медицинского общества, а врач Владикавказского окружного военного госпиталя Н.А. Поляков – товарищем председателя [4, с. 58]. Деятельность врачей Медицинского общества была направлена на решение актуальных проблем медицины: борьбу с эпидемическими заболеваниями и их предупреждение, улучшение санитарно-эпидемического дела, повышение практических знаний врачей, статистическое изучение характера заболеваемости населения и другие. Несмотря на все усилия врачей медицинского общества, направленные на организацию медицинской помощи населению, необходимых результатов добиться не удалось в полной мере. Многие предлагавшиеся меры и проекты общества от-

клонялись высшим начальством. С началом Первой мировой войны Терское медицинское общество прекратило своё существование, так как военные врачи, составлявшие её костяк, были направлены на фронт.

Заслуги Магомеда Далгата в качестве одного из активных членов Терского медицинского общества отмечены современниками. В апреле 1907 года в адресном письме его коллеги через газету писали о том, что когда во Владикавказе уже собралось более или менее заметное число врачей и возникла мысль объединиться для научно-практических целей, Магомед Магомедович одним из первых откликнулся и вошел в Терское медицинское общество. Его коллеги говорили о крупных пожертвованиях доктора Далгата в фонд Медицинского общества. Начальник Терской области и атаман Терского казачьего полка генерал Михеев считал М.М. Далгата членом-учредителем Терского медицинского общества, которому доктор «помог материально», называл его также в числе первых членов совета Михайловской лечебницы. В течение нескольких десятков лет он оказывал бесплатные медицинские услуги в Михайловской городской лечебнице. Она была открыта 27 июня 1867 году по приказу наместника Кавказа. Магомед Далгат оказывал бесплатный прием для приходящих больных Михайловской лечебницы с 1897 года, а затем стал попечителем этой больницы [2, с. 16].

Лечебница размещалась в 4 комнатах частного дома. Наёмных врачей в лечебнице не было. Оказывали врачебную помощь населению поочередно врачи, состоявшие членами Совета лечебницы, которые без всякого вознаграждения жертвовали своим трудом и временем. Членом Совета лечебницы считался каждый врач. Владикавказские врачи Д.А. Науменко, М.М. Далгат, А.Я. Шмиргельд, В.Д. Кулаев, М.С. Вольфсон, К.И. Чудовский, П.Е. Митник, Г.Я. Островский и другие поочередно вели приём в лечебнице. Обычно доктор Далгат бесплатно принимал больных во вторник, доктор Качановский – в воскресенье, а врач Руневич – в понедельник. Объявления о приёмных часах врачей для пациентов Михайловской лечебницы публиковались практически в каждом номере газеты «Терские ведомости» [3, с. 78]. Бесплатная помощь городского врача выражалась в предоставлении советов и врачебной помощи неимущим больным, снабжением лекарствами за счёт лечебницы. Для поддержания лечебницы Городская управа ежегодно выделяла из своих средств 2500 тысяч рублей. Фонд лечебницы пополнялся за счет платных услуг, оказываемых врачами состоятельным гражданам, которые платили символическую сумму за каждое посещение – по 10 копеек.

Таким образом, городской врач М.М. Далгат занимался активной благотворительной деятельностью, в частности в области медицины. Он оказывал бескорыстную медицинскую помощь нуждающимся жителям Терской области, выдвигал перед властями проблемы санитарного состояния города.

Список литературы

1. Аликова З.Р., Гурциев О.Н., Салбиев К.Д. Очерки истории здравоохранения. – Владикавказ. 1995.
2. Гиоев Н.А. На страже здоровья. – Орджоникидзе, 1987.
3. Далгат Э.М., Магомедова С.А. Далгат Магомед Магомедович. Личность и общественно-политическая деятельность. – Махачкала, 2013.
4. Терский календарь на 1907 г. Вып. 14. – Владикавказ, 1905.

ВТОРОЙ ПОХОД СВЯТОСЛАВА НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Зеленский Ю.В.

заведующий отделом археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается вопрос о достоверности похода князя Святослава Игоревича на Северный Кавказ в 968-969 гг. Делается вывод, что поход был совершён либо черноморскими русами, либо независимой от киевского князя варяжской дружиной.

Ключевые слова: князь, дружина, хазары, Хазарский каганат, черноморские русы.

В 965 г. князь Святослав Игоревич совершил поход против Хазарского каганата. В ходе этого похода Святослав захватил хазарскую крепость Саркел (и град их Белую Вежу взял) и одержал победу над ясами и касогами (и ясов и касогов победы) [1, стб. 53].

Большинство историков предполагают, что ясы – это аланы, а касоги адыги или предки адыгов. Поэтому они предполагают, что поход Святослава 965 г. затронул территорию Северного Кавказа.

Историки считают, что Святослав Игоревич спустился в ладьях по Волге до Каспийского моря, а затем со своей дружиной прошёл через Калмыцкие степи. Однако Р. Б. Схатум резонно предположил, что данного похода не было [7, с. 154-157].

А. П. Новосельцев утверждал, что из летописей ясно, что после взятия Белой Вежи Святослав воевал против ясов (живших на Дону) и касогов (живших в Прикубанье). С этим же походом исследователь связывал занятие русами Тмутаракани [4, с. 194].

Однако если летопись содержала косвенные доказательства, что ясы были побеждены на Дону (рассказ о победе над ними содержался сразу же после сообщения о взятии Саркела, который располагался как раз на Дону) то о победе над касогами в районе Тмутаракани летопись ничего не сообщала.

А. П. Новосельцев предположил, что в 965 г. уничтожения Хазарского каганата не произошло [4, с. 194]. Одни исследователи предполагали, что он прекратил существование в результате похода русов в 968-969 гг. При этом Й. Маркварт и Ф. Вестберг предполагали, что поход был совершён варягами, независимыми от киевских князей. Т. М. Калинина и А. П. Новосельцев приписывали его киевским русам. Такие историки как В. В. Бартольд и В. Ф. Минорский считали, что похода не было.

Арабский географ X в. Абу-л-Касим Ибн Хаукаль ан-Нисиби писал в своём трактате «Книга путей и стран».

В хазарской стороне есть город, называемый Самандар, он между хазарской стороной и Баб-ал-Абвабом (Дербентом), были в нём многочисленные сады; говорят, что содержали они около 40 тысяч виноградников, а я спрашивал об этом в Джурджаве в 58 году (358 г.х.) то есть в 968/969 гг., вследствие близкого знакомства с этим городом и сказал тот, кого я расспрашивал: «Там виноградник или сад такой, что был милостыней для бедных, а если там осталось, что-нибудь, то только лист на стебле». Пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни

изюма. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев других религий и идолопоклонники, и ушли они вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдёт и трёх лет, и станет, как было. И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и совершили свой набег эти русы на всех, кто был на берегу Итиля из числа хазар, болгар и бургасов и захватили их и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абвab и укрепился на нём, а часть их – на острове Сийах-Куих, живущие в страхе [3].

Ибн Хаукаль также писал: «Булгар – город небольшой, нет в нём многочисленных округов, и был известен тем, что был портом для государств и опустошили его русы и Хазаран, и Итиль, и Самандар в 358 году и отправились тотчас же после к стране Рум и Андалус [3].

Таким образом, мы видим, что в 968/969 гг. какие-то русы захватили Семендер. После этого они отправились в Рум (Византию) и Андалус (Испанию).

Однако большинство исследователей полагают, что русы совершили только один поход против Хазарии. К такой точке зрения склонялись В. В. Бартольд, А. З. Валиди Тоган, А. Ю. Якубовский, М. И. Артамонов [4, с. 196-197]. Для монографии В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» разделы о восточной политике Древней Руси были написаны А. П. Новосельцевым. Он писал о двух походах Святослава против хазар [5, с. 91]. С. А. Плетнёва предположила, что поход был один. Сначала он прошёл через территорию Поволжья от Волжской Булгарии до столицы каганата Итиля, затем он взял Самандар, разбил алан (ясов) и касогов и захватил Саркел [6, с. 71]. Т. М. Калинина также пришла к выводу о двух походах [2, с. 90].

Известно, что в 968 и 969 гг. Святослав Игоревич находился в Киеве. Поэтому лично он не участвовал в походе против хазар, в ходе которого и был захвачен Семендер. Он мог отправить в этот поход дружину, но данное мероприятие не получило отражение в русской летописи. Следует помнить, что после захвата и разорения Семендера русы ушли в Рум и Андалус, но некоторые из них могли задержаться на Северном Кавказе.

С. А. Чарный предположил существование двух походов. Первый был совершён Святославом Игоревичем в 965 г. по маршруту Киев (или Новгород) – «земля вятичей» – Саркел – Тмутаракань. Второй поход был предпринят норманнами по маршруту Скандинавия – Ладога – Белоозеро – Волжская Булгария – Итиль – Самандар – Чёрное море [8, с. 31].

Таким образом, можно предположить, что в 965 г. Святослав Игоревич захватил Саркел и победил ясов и касогов. При этом военные действия развернулись на территории Подонья и не затронули территорию Прикубанья.

В 968-969 гг. Святослав Игоревич не мог совершить поход на Северный Кавказ. Он находился в это время в Киеве. Поход был совершён норманнами (по мнению Р. Г. Скрынникова и С.А. Чарного), независимой от киевского князя варяжской дружиной или черноморскими русами.

Можно сделать вывод, что не было ни одного похода Святослава Игоревича на Северный Кавказ.

Список литературы

1. Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки славянской культуры. 2001. 648 с.
2. Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР, 1975. М.: Наука. 1976. С. 90-101.

3. Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времени Святослава // [Электронный ресурс] – режим доступа // <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Haukal/frameset4.htm> (дата обращения 13.12.2017).
4. Новосельцев А. Хазарский каганат. М.: Ломоносов. 2017. 272 с.
5. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука. 1968. 474 с.
6. Плетнёва С. А. Хазары. М.: Наука. 1986. 88 с.
7. Схатум Р. Б. О некоторых этнических названиях адыгов в прошлом (зихи, касоги, черкесы) // Историко-археологический альманах. Армавир – М., 2002. Вып.8.
8. Чарный С. А. Восточный поход Святослава Киевского // Древности Кубани. Краснодар. 2000. Вып. 16. С. 26-32.

ГРУЗИНО-ЮЖНООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ (2008 г.) И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В СМИ ГРУЗИИ

Пажвак С.Б.

студентка, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье затрагиваются проблемы информационного сопровождения государствами своего внутри- и внешнеполитического курса, его основные механизмы и эффективность осуществления (на примере современной Грузии). Делается акцент на процессе формирования политических стереотипов в СМИ Грузии во время грузино-южноосетинского конфликта 2008 г. Так же предпринимается попытка оценить роль и результативность различных механизмов, сознательно применявшихся политическим руководством Грузии в целях искажения информации и манипуляцией сознания внутри и вне грузинского общества.

Ключевые слова: информационная война, информационное оружие, манипуляция сознанием, политические стереотипы, грузино-южноосетинский конфликт, СМИ Грузии.

Современный мир отличается огромным ростом объема информации во всех сферах жизни человека. Не меньшее значение имеет и «качество» ее подачи, векторы, технологии и масштабы использования.

Известно, что человечество апробировало массированные «вбросы» информации в различных целях, еще в XX веке в рамках различных пропагандистских кампаний во времена войн или их непосредственной подготовки. В годы «холодной войны» возник термин «информационная война», употребляемый в отношении информационно-идеологического противостояния между двумя сверхдержавами – СССР и США.

На сегодняшний день, кроме уже известных «информационных войн», все более употребляемыми становятся термины «информационные конфликты», «информационные стратегии», «информационное оружие», как средство их непосредственного осуществления.

Под «информационным оружием» в Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности понимаются информационные технологии, средства и методы, предназначенные для ведения информационной войны [3, с. 115].

Исходя из того, что информация – это некоторая величина, она, соответственно, должна описываться через количество и качество информации. Можно

определить область, масштаб и глубину возможного информационного воздействия, зная данные параметры распространяемой информации. Качество и количество информации позволят предположить наличие или информационного конфликта, или информационной войны.

Формирование общественного мнения является целью информационно-психологической войны. Это реализуется путем закладывания установок в подсознание масс, а впоследствии, происходит управление массовым психическим сознанием.

Феномен политических стереотипов, несомненно, часто рассматривается по отношению к различным политическим деятелям, но он может проявляться и как какое-то сформировавшееся мнение о стране [5, с. 116]. Существование политических стереотипов образа страны определяется не только особенностями человеческого мышления, но и, несомненно, ценностными различиями России и Запада [1, с. 90].

Важную роль в формировании стереотипов образа страны играют СМИ. Несомненно, что именно через поток СМИ идут первоначальные представления о политических событиях, тот или иной факт приобретает новый окрас, который не обязательно является правдивым. Через телевизор, Интернет, и другие СМИ человек получает информацию, и не совсем задумывается, насколько ей можно доверять, и, преимущественно, на такую информацию человек ориентируется. Если же в мирное время стереотипы в основном не меняются, то, стоит произойти какому – либо конфликту, и отношение к стране тотчас же меняется. СМИ предпочитают рисовать политическую ситуацию таким образом, каким выгодно каждой из сторон конфликта. Здесь главное не перейти за рамки дозволенного, иначе это может привести к совсем нежелательным последствиям [5, с. 117].

Не секрет, что задолго до начала грузино-осетинского конфликта 2008 г. началась информационная подготовка «почвы» для будущего освещения войны. Были сделаны информационные «вбросы» для формирования образа врага. Например, скандалы со сбитым, якобы российским беспилотником; перехваченной, якобы российской ракетой; задержанием российских миротворцев, которые везли якобы запрещенный груз. Также для ведения информационной войны был создан трехзвенный штаб: Совет Национальной безопасности США – Тбилиси (президент Михаил Саакашвили и его окружение) – Медиа-центр в Гори, который был создан американцами по схеме, которая применялась ими во время вторжения в Ирак [2]. Грузия занималась заготовкой информационных образов: «Россия – агрессор» (шпионы-беспилотники, сбитые ракеты, задержание запрещенных грузов), «Грузия – член цивилизованного мира» (интервью на чистом английском языке, флаг ЕС у Саакашвили всегда за спиной), «НАТО – миротворец» (Грузия обращается за помощью не к ООН, а к НАТО, как «гаранту безопасности и справедливости»). Параллельно с этим в США и Европе шло создание групп сочувствующих из представителей грузинской диаспоры, а также правозащитно-либеральных центров. Информационный центр в Гори обслуживал и грузинских, и иностранных журналистов. При этом российские СМИ и интернет в Грузии были заблокированы, а телемосты с США и Европой проводились регулярно и на английском языке. «Грузия-онлайн», «Имеди», «Рустави-2» и другие грузинские медиа-ресурсы всех видов действовали в тесном сотрудничестве, выступая единым информационным фронтом. В то же время Россия не создала на территории Южной Осетии оперативного

пресс-центра. Отдельная информационная пропаганда проводилась на Западе. Журналистами «Russia today» было замечено то, что CNN использовали снимки Цхинвали, выдавая содержимое на них за грузинский город Гори. «Наша группа снимала сюжет о разрушенном грузинской армией Цхинвали, в частности университет Южной Осетии. Каково же было наше удивление, а потом и возмущение, когда американский телеканал CNN показал эти кадры, утверждая, что это грузинский город Гори, по которому якобы российская армия нанесла удар. У нас сохранился исходный материал снятых разрушений в Цхинвали. А картинка, показанная CNN, наглый подлог и грубая фальсификация!», – заявил корреспондент «Russia today» Николай Баранов [6].

Если вернуться к вопросу, готово ли то или иное государство противостоять информационному прессингу, то на основе вышеизложенных фактов напрашивается однозначный ответ, что без умения управлять информационными процессами современное государство так же бессильно, как не имеющее армию. В каком-то смысле информационная служба так же важна и необходима, как армия [4, с. 39].

Установки и стереотипы массового сознания играют значительную роль в формировании образа мира, как отдельного человека, так и больших социальных и культурных общностей. Мы выявили, что образ мира формируется средствами массовой информации. Любая новая информация должна каким-либо образом вписаться в уже сложившиеся установки и стереотипы или будет отвергнута личностью или группой. Недостаток информации, в свою очередь, компенсируется деталями, взятыми из образа мира. Он предлагает индивидуальному и массовому сознанию не только систему стереотипизированных образов предметов и явлений, но и готовые образцы (модели) поведения в той или иной ситуации.

Таким образом, СМИ на международной арене играют ключевую роль. Именно от них зависит целостность мира и стабильность жизни. На современном этапе наблюдается тот факт, что государства и другие акторы через СМИ успешно добиваются свои целей. Результативность данного процесса бывает весьма сомнительной, как в грузино-южноосетинском конфликте, потому что, с одной стороны, за счет СМИ обеспечивается определенная «прозрачность» и доступность информации, с другой, повышается конфликтность внутри общества.

Список литературы

1. Большаков С. Н., Бодрунова С. С. Формирование позитивного имиджа страны: политические метафоры, стереотипы и параллелизмы // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Т. 4, №6. – С. 87-93.
2. Война в Южной Осетии: информационная составляющая конфликта // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/17455-voyna-v-yuzhnoy-osetii-informacionnaya-sostavlyayuschaya-konflikta.html>
3. Жарова А. К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере. М., 2016. – 246 с.
4. Роменков А. Информационная война против России // Глобализация и общество. – С.38-40. URL: <file:///C:/Users/Home/Downloads/informatsionnaya-voyna-protiv-rossii.pdf>
5. Русских Л. В., Фомина С. В. Формирование политических стереотипов в СМИ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. № 1. – С. 116-117.
6. CNN выдал кадры из Цхинвали за вид разрушенного Гори – российские СМИ. URL: https://ria.ru/osetia_news/20080908/151078965.html

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тедеев Х.В.

аспирант кафедры новейшей и отечественной истории,
Северо-Осетинский государственный университет, Россия, г. Владикавказ

В статье анализируется развитие промышленности Южно-Осетии в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что, несмотря на отсутствие серьезного промышленного потенциала население автономной области под руководством партийных организаций смогло не только обеспечить функционирование всех ключевых предприятий, выполнение большинства плановых показателей, но и осуществить совершенствование материально-производственной базы ряда отраслей, в первую очередь, перерабатывающей и лесной. Эти факты позволяют говорить о беспрецедентном подвиге народа Южной Осетии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Южная Осетия, перерабатывающая промышленность, лесная промышленность, социалистическое соревнование.

Победа в Великой Отечественной войне, несомненно, представляет собой подвиг советского народа, не имеющий аналогов в мировой истории. Несмотря на все стремления отдельных представителей мировой общественности опровергнуть данный факт, особенно в связи с современными процессами, проходящими в мире, очевидно, что он не подлежит никакому сомнению. Победа в страшной борьбе с фашистскими захватчиками была достигнута не только на фронтах в ходе боевых действий. Ее предпосылки были во многом определены характеристиками развития советского государства в тылу, в первую очередь, состоянием советской промышленности, обеспечивающей потребности военно-промышленного комплекса таким образом, что, начиная с 1942 г. было последовательно достигнуто кардинальное преимущество перед фашистской Германией. Такое достижение представляется уникальным, учитывая как характеристики довоенной советской промышленности, только завершившей процесс индустриального перевооружения, так и влияние событий первого периода Великой Отечественной войны, в результате которых большая часть промышленного потенциала была потеряна.

В связи с вышесказанным сохраняет свою актуальность всестороннее исследование развития советского промышленного производства в военные годы в качестве истории еще одного героического подвига советского народа. При этом тенденции развития современной исторической науки предполагают обращение к исследованию состояния промышленного производства в отдельных регионах огромной страны. В связи с этим в центре внимания настоящей работы находится анализ промышленности Южной Осетии в годы Великой Отечественной войны.

Переходя к анализу данной проблематики, необходимо, в первую очередь, отметить, характерную особенность промышленного развития данного региона в предвоенный период. В других наших исследованиях был обоснован вывод о том, что промышленность Южной Осетии в предвоенный период так и осталась на зачаточном уровне, а социально-экономическая основа региона, несмотря на наличие потенциала для поступательного развития отраслей сырьевой и обрабатывающей промышленности в качестве была представлена традиционными примитивными формами сельскохозяйственного производства. В таких условиях невозможно было прогно-

зировать устойчивый рост уровня жизни большинства населения региона, что означало фактическую консервацию его отсталого характера на ближайшую перспективу. Естественно, что в условиях начала Великой Отечественной войны данное обстоятельство многократно затрудняло задачу организации промышленного производства, необходимого фронту.

Однако, героизм советских граждан, проживающих с Южной Осетии выразился в том, что, несмотря на все объективные сложности сразу после начала боевых действий были созданы условия для развертывания на территории региона производственных мощностей. Естественно, что такие результаты были достигнуты, в первую очередь, благодаря использованию традиционных для практики советского государства императивно-директивных управленческих методов. С учетом вышеуказанных характеристик региональной промышленности основной задачей партийного руководства стало формирование ресурсной базы, необходимой для обеспечения бесперебойного промышленного производства.

Для достижения данной задачи уже в начальный период Великой Отечественной войны партийным руководством были сформулированы конкретные задачи. 29 июля 1941 г. Сталинирский горком КП Грузии издал постановление, направленное на активизацию деятельности населения региона по сбору вторичного сырья для промышленных предприятий. Первичные партийные организации были обязаны обеспечить оперативный сбор лома черных и цветных металлов и организовать их доставку на приемные пункты, созданные при крупных промышленных предприятиях. Традиционно на местах (в отдельных учреждениях, населенных пунктах) преимущественно из числа молодежного актива партийных организаций (пионеров и комсомольцев) были созданы инициативные группы для участия в социалистическом соревновании по повышению объемов вышеуказанного сбора. При этом важно отметить, что предусматривалось материальное стимулирование наиболее активных бригад (300 рублей за каждую сданную тонну цветных металлов) [5, с.155]. В результате по данным газеты «Заря Востока» к августу на территории Южной Осетии были собрано свыше 200 тон металлического лома, переданного в фонд обороны [6]. В дальнейшем деятельность по учету вторичных ресурсов, имеющих стратегическое значение для предприятий ВПК, была продолжена и усовершенствована. В частности, в 1942 г. Облисполкомом Южной Осетии была утверждена новая схема учета черных и цветных металлов, а также химикатов и лесного материала, имеющихся на территории автономной области [2].

В августе 1941 г. Областной исполком Совета депутатов трудящихся Юго-Осетинской автономной области постановил обеспечить сокращение финансирования ряда направлений общественной жизнедеятельности. В первую очередь, это решение касалось приостановления капитального строительства, функционирования учреждений сферы образования и культуры, фонда премирования руководящих и рядовых работников. Под угрозой привлечения к жесткой личной дисциплинарной ответственности председатели исполкомов советских органов власти всех уровней обязаны были осуществить финансовый отчет об экономии средств по вышеуказанным статьям бюджета [1].

Ключевые предпосылки для активизации промышленного производства создавал трудовой героизм и инициативность жителей автономной области, преимущественно, молодежи. Юго-Осетинское бюро комсомольской организации докладывало, что в августе 1941 г. на предприятиях легкой промышленности региона имелись случаи перевыполнения месячной производственной нормы на 250 %,

движение «двухсотников» (работников, стремящихся выполнять производственный план в двукратном размере) в автономной области приняло массовый характер [5, с. 158-159].

Важно отметить, что, несмотря на сложные условия военного времени производственные планы предприятий региона не только выполнялись, но и ставилась задача по дальнейшему совершенствованию производственной базы. Так, в частности, в соответствии с Постановлением бюро Юго-осетинского обкома КП Грузии была поставлена задача по запуску к 1 мая 1942 г. шахтной печи в селении Мсхлеб и переустановки печей на Сталинирском черепичном заводе. При этом всем крупным предприятиям перерабатывающей промышленности региона были составлены новые планы деятельности на 1942 г. с возрастающим коэффициентом [5, с. 160-162].

Иначе говоря, даже в условиях непосредственной угрозы потери территорий Кавказа планирование промышленного производства, характерное для темпов индустриального развития народного хозяйства, определенное в рамках первых планов пятилетнего развития было продолжено.

В 1943 г. деятельность по дальнейшему совершенствованию производственной базы была продолжена. В центре внимания партийной организации находился Юго-Осетинский областной лесхоз, которому на строительство инфраструктурных объектов было запланировано выделение денежных средств на сумму 30000 руб. Кроме того, 20000 руб. выделялось на закупку верховых лошадей для лесоводов. Одновременно ужесточалась ответственность за нарушение системы централизованной системы реализации продукции лесхоза в соответствии с требованиями утвержденных нарядов [4].

В отрасли регионального промышленного производства активно применялась система чрезвычайных мер, характерная для всей страны, а именно трудовые мобилизации, осуществляемые в целях обеспечения повышенной результативности производства на стратегически важных направлениях. Так, в частности, в период с августа по декабрь 1943 г. Облисполком Юго-Осетинской области были подготовлены и проведены мобилизационные мероприятия трудовых ресурсов, направленные на обеспечение функционирования рудников треста «Чиатурмарганец», предприятий Наркомчермета СССР, трестов «Ткибулуголь» и «Ткварчелуголь» [3].

1944 г. ознаменовался активной деятельностью по интенсификации промышленного производства Южной Осетии путем практической реализации различных инициатив. На наш взгляд, наиболее значимыми из них являлись следующие, во-первых, была одобрена инициатива по дальнейшему расширению производственной базы региональной перерабатывающей промышленности путем включения в план Кударского свинцово-цинкового предприятия [5, с. 174-175], во-вторых, было инициировано социалистическое соревнование комсомольско-молодежных бригад Тбилисского завода им. Кирова, направленное на повышение плановых показателей изготовления продуктов оборонной промышленности [5, с. 175-179].

Итак, осуществленный краткий анализ развития промышленного производства Южной Осетии в годы Великой Отечественной войны позволяет констатировать, что жители данного региона, так же как и других частей СССР, совершили по истине беспримерный подвиг, не только не допустив остановки промышленного производства, но и активизировав его в целях удовлетворения первостепенных военных нужд. Отчасти была усовершенствована инфраструктура и производствен-

ная база, выросли показатели производства, в первую очередь, в базовой отрасли региональной промышленности – обрабатывающей.

Список литературы

1. Государственный архив Южной Осетии (далее – ЦГА РЮО). Ф.2/4 д. 202. Л. 40.
2. ЦГА РЮО. Ф. 4 д. 814. Л. 215.
3. ЦГА РЮО. Ф.2с/4 д. 235. Л. 10-11.
4. ЦГА РЮО. Ф. 4 д. 844 Л. 92.
5. Цховребов И.Н. Юго-Осетия в период Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) Документы и материалы.
6. Газета «Заря Востока». – 1941. – № 206.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Алиева Э.Б.

доцент кафедры административного, финансового и таможенного права, к.э.н.,
Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала

В статье рассматриваются различные проблемы привлечения к уголовной ответственности за неуплату налогов. Актуальность рассматриваемой темы, в первую очередь, предопределяется относительной распространенностью в последние годы в нашей стране налоговых преступлений, в том числе и квалифицированными по ст. 199.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, их высокой общественной опасностью, выражающейся в причинении существенного ущерба финансовой системе государства и налоговому администрированию.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уклонение от уплаты налогов, преступление, ответственность, налоговое правонарушение.

Исторический опыт установления ответственности в налоговой сфере показывает, что принципы межотраслевого размежевания ответственности за нарушения в данной сфере неоднократно менялись. После разделения права на отрасли за нарушения в налоговой сфере применялись в первую очередь имущественные санкции, что говорит о стремлении государства восполнить имущественные недоимки. Уголовная ответственность предусматривалась в случае упорного, продолжаемого неплатежа, невыполнения обязанности после представленного требования должностного лица о взыскания с налогоплательщика пеней или штрафа за допущенное нарушение. Для устрашения населения или необходимости быстрого сбора средств на нужды государства (в 17-18 веках) прослеживалась тенденция ужесточения ответственности за налоговые недоимки и применения к лицу сразу мер уголовного характера. Выявленные исторические тенденции показывают, что включение репрессивного механизма без учета правовой природы налогового нарушения имело под собой политические (конъюнктурные) основания и не было связано с развитием права [1, с. 64-71].

В законодательстве большинства государств регулирование налоговых отношений обеспечивается (подобно тому, как это имеет место в РФ) нормами налогового (или финансового), административного и уголовного права. Критериями разграничения налоговых нарушений и преступлений в законодательстве зарубежных стран являются: размер недоимки; способы совершения преступления; форма вины; повторность нарушения (неоднократность); административная преюдиция.

Регулирование налоговых отношений и обеспечение финансовых интересов государства – интересы, которые реализуются, в первую очередь, налоговым правом. Карательный характер налоговой ответственности в правовом отношении исключает одновременное привлечение лица к налоговой, административной и уголовной ответственности за одно и то же нарушение. Криминализация налогового нарушения должна осуществляться по принципу дополнения формулы налогового нарушения признаками, посредством которых ему сообщаются характеристики общественной опасности. Именно налоговое правонарушение является первичным

деликтом и должно служить основанием для решения вопроса об установлении административной или уголовной ответственности [2, с. 69].

Неуплата и непоступление средств в бюджетную систему РФ (как последствие неуплаты) является налоговым нарушением. Эта конструкция отраслевого «прототипа», с одной стороны, обуславливает материальную конструкцию и состава налогового преступления. Для уголовно-правового запрета со всеми вытекающими из него уголовно-правовыми последствиями признаков первичного правонарушения («прототипа») недостаточно. Это обязывает законодателя включить в объективные признаки состава налогового преступления такие обстоятельства (дополнительные, по сравнению с отраслевым прототипом), которые способны служить отражением общественной опасности налогового нарушения как преступления. При тождественности объективных признаков первичного налогового нарушения и признаков уголовно наказуемого деяния уголовно-правовое отграничение может осуществляться по признаку размера налоговой недоимки.

В уголовном законодательстве (статьи 198-199 УК РФ) подменили понятие «неуплаты налогов и (или) сборов» понятием «уклонение от уплаты налогов и (или) сборов», в то время как в случае привлечения лица к уголовной ответственности главным является факт непоступления денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации.

Исходя из сущности налоговых преступлений, которые основаны на факте совершения налогового правонарушения, представляется целесообразным привлечение к уголовной ответственности тех же субъектов, что и к налоговой (в случае привлечения к ответственности за преступление, предусмотренное статьей 198 УК РФ): законного представителя и непосредственно налогоплательщика в случае осуществления им деятельности через уполномоченного представителя. Руководители филиалов и представительств могут быть привлечены к уголовной ответственности в случае их непосредственного выполнения обязанностей руководителя или в качестве соучастника преступления, поскольку согласно НК РФ филиалы и представительства российских организаций не могут быть признаны организациями в том смысле, в каком это закреплено в статье 199 УК РФ. Иные служащие организации, в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, либо лица, оформляющие, например, первичные документы бухгалтерского учета, могут быть привлечены к уголовной ответственности по соответствующей части статьи 199, 199.1 УК РФ как соучастники данного преступления, умышленно содействовавшие его совершению [3, с. 270].

Юридическим препятствием для уголовной ответственности за налоговое преступление должно служить аннулирование правового значения налогового нарушения: – истечение давности налогового правонарушения; – освобождение от налоговой ответственности за налоговое правонарушение.

Действующий порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, согласно которому процессуальное решение о возбуждении уголовного дела о налоговом преступлении не обусловлено заключением налогового органа о факте совершения правонарушения налогоплательщиком и правильности расчетов недоимки, говорит о том, что налоговая, административная и уголовная ответственность существуют автономно друг от друга, имея в основе одно и то же правонарушение. Для учета правоприменителем совершенного налогового правонарушения это условие должно быть отражено в объективной стороне состава налогового преступления

Критерием отграничения преступления от налогового (административного) правонарушения для целей применения статьей 198-199¹ УК может служить признак злостности. При установлении данного признака необходимо учитывать, в частности, неисполнение обязанности по уплате налогов и (или) сборов в течение продолжительного времени при наличии возможности выполнить это обязательство; незначительный размер денежных сумм, направляемых налогоплательщиком в счет погашения задолженности, которые несопоставимы с общим размером задолженности по налогам и (или) сборам, незаконные действия в отношении имущества физического лица или организации, утаивание своих действительных доходов полностью либо в большей части, утаивание имущества, на которое может быть обращено взыскание. При закреплении признака злостности в статьях 198-199¹ УК РФ целесообразно исключить из Уголовного кодекса РФ статью 199², поскольку сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов является одной из форм злостного уклонения от уплаты налогов и (или) сборов или злостного неисполнения обязанностей налогового агента [2, с. 46].

Обманные действия налогоплательщика, направленные на неосновательное получение им возмещения из бюджета налога на добавленную стоимость, целесообразно квалифицировать как мошенничество. Несмотря на то, что возмещение НДС совершается в налоговой сфере, характер деяния связан в первую очередь с хищением денежных средств из бюджета.

Криминализация налогового нарушения предполагает в своей первооснове признаки первичного (налогового) нарушения. В состав налогового преступления нельзя включать признаки, не предусмотренные в базовом понятии налогового правонарушения. Представляется недопустимым привлекать налогового агента к уголовной ответственности за действия, которые не рассматриваются НК РФ как формы неисполнения обязанностей налогового агента [1, с. 272].

Назначаемые лицу наказания в пределах санкций, предусмотренных в УК РФ, незначительны по суровости воздействия в сравнении с санкциями, предусмотренными в НК РФ. Это указывает на нецелесообразность имеющих в действующем законодательстве правовых средств противодействия налоговым нарушениям. В случае установления штрафа как одного из наказаний в статьях 198-199¹ УК РФ целесообразно предусмотреть санкции за налоговые правонарушения и преступления кратными сумме неуплаченных налогов и (или) сборов. Минимальный размер штрафа, установленного в статьях 198-199¹ УК РФ, должен быть больше максимального размера штрафа, предусмотренного за аналогичные правонарушения в соответствии с НК РФ. При условии введения в статьи 198-199¹ УК РФ признака злостности специальные условия освобождения от уголовной ответственности за совершение данных преступлений являются нецелесообразным.

Список литературы

1. Дорогин Д.А., Филиппова К.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов / Дорогин Д.А., Филиппова К.И. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. – 2014. – №3. – С. 64-71.
2. Филиппова К.И. Сроки давности для налоговых преступлений / Филиппова К.И. // Налоги – 2015. – №4. – С. 45-47.
3. Филиппова К.И. Проблема применения преюдиции при привлечении лица к уголовной ответственности за налоговые преступления / Филиппова К.И. // Налоги и налогообложение – 2016. – №3. – С. 271-278.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ

Багдасарян А.С.

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается римское право как основа гражданского права правовых систем современности. На примере становления института обязательств в современных правовых системах показано, что в условиях глобализации и правовой интеграции именно римское право выступает универсальной правовой основой для плодотворного международного сотрудничества государств в экономической сфере. Это стало возможным в силу неоспоримого факта рецепции правовых конструкций и понятий римского обязательственного права.

Ключевые слова: обязательства, римское право, правовые системы современности, интеграция, глобализация, гражданско-правовые институты, обязательственное право.

Римское право возникло более двух тысячелетий тому назад, но до сих пор остается фундаментом современных правовых систем всего мира. Этот факт не может не порождать ряд вопросов о его значимости, ценности, эффективности. А самый главный вопрос – что лежит в основе самого права, и римского в частности, что позволяет ему быть интересным юристам различных государств и разных поколений и применимым к правоотношениям и Древнего Рима и современной России, Германии, Франции, Италии. Вне всякого сомнения, такую универсальность и ценность римскому праву придает некие объективные законы мироздания, позволяющие совмещать на первый взгляд, несовместимые вещи и периоды времени. Учитывая то обстоятельство, что правовая система России существует в контексте общеевропейских процессов интеграции, можно с уверенностью утверждать, что экономические отношения через правовую доктрину продолжают сегодня, как и прежде, активно использовать достижения римского права [8, с. 3]. Вследствие этого, изучая современные гражданско-правовые институты, необходимо понять их исходный источник, определяющую их «историко-правовую нагрузку» [2, с. 3-4], для того, чтобы правильно определить юридическую природу обязательственного права и возможные пути гармонизации права.

Происходящие в современном мире процессы интеграции и глобализации порождают разнообразные, интенсивные контакты между культурами, поэтому требуется общая основа ценностей, разделяемая многими для обеспечения гармоничного сосуществования людей, как на местном, так и на международном уровне [1, с. 359]. Для этого необходимо вырабатывать новые способы межкультурного диалога и сотрудничества. Сказанное относится и к сфере юриспруденции. И именно римское право является универсальной правовой и ценностной основой для жизни современного государства и общества. Многие термины, концепции и принципы права являются фундаментом практически всех гражданских и частных кодексов, действующих в различных правовых системах.

Одна из важнейших задач философии – разработка гуманистической пробле-

матики и воспитание гуманистического мышления, в том смысле, что необходимо каждый экономический, технический и т.п. проект подвергать гуманитарной экспертизе, выявлять его человечески смысл, человеческую направленность, гуманистическое содержание. В таком ключе римское право является прекрасным материалом для того, чтобы понять истинный, исходный смысл основных категорий современного гражданского права, имеющих в своей основе именно римские понятия и принципы. И ознакомление с ними у истоков, как раз помогает понять, что многие категории и концепции, такие как владение, право собственности, договор, обязательство возникали не по прихоти государственного или общественного деятеля, а были продиктованы потребностями жизни обычных римских граждан. Именно поэтому эти понятия, получившие абстрактное выражение, но наполненные практическим разумом и потребностями просуществовали тысячелетия и применимы сегодня во всех правовых системах современности.

Частное право Рима было более ценной отраслью права, его значимость и насущная необходимость проверена бесстрастным арбитром – временем. Именно поэтому в XXI веке мы с обоснованной уверенностью можем говорить о том, что частное право представляет собой явление общецивилизационной культуры. И в силу этого обстоятельства в современном мире происходят процессы гармонизации частного права, объединяющие правовые системы, которые на заре XX века немецкий компаративист Эрнст Рабель считал несовместимыми как воду и масло [9, с. 15].

Изучая данный институт, прежде всего, необходимо выделить следующие важные, составляющие его понятия: основания возникновения и прекращения обязательств; предмет и объект обязательств; виды и способы обеспечения обязательств. Понятия и правовые категории римского права являются основой континентальной правовой семьи, поэтому в рамках данной статьи обратим внимание на общие положения обязательственного права Германии, Франции и России.

Обязательственное право в названных государствах, регулируется нормами второй книги ГГУ 1896 г., третьей книги Французского гражданского кодекса 1804 г., и третьего раздела ч. 1 действующего ГК РФ 1994 г. Например, II книга ГГУ содержит общие правила об обязательствах (содержание, основания возникновения, прекращение, исполнение и др.), а также нормы об отдельных гражданско-правовых договорах. В ГГУ отсутствует определение обязательства, но по некоторым общим нормам можно определить их суть. Так согласно § 145 «Лицо, предложившее другому лицу заключить договор, связано этим предложением, за исключением случаев, когда оно оговорило, что предложение его не связывает» и § 241 «В силу обязательства кредитор вправе требовать от должника исполнения обязательства. Исполнение обязательства может состоять также в воздержании от действия» [5]. В противоположность ГГУ, ГК РФ дает понятие обязательства в ст. 307: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [3]. «Соглашения, законно заключенные, – гласит ст. 1134 Кодекс Наполеона, – занимают место закона для тех, кто их заключил». Согласно ст. 1109 «Нет действительного согласия, если согласие

было дано лишь вследствие заблуждения или если оно было исторгнуто насилием или достигнуто обманом» [4]. Сами римляне понимали обязательство очень широко, полагая, что любые отношения между людьми могут породить обязательства [7, с. 62].

В обязательственном праве Франции, равно как России и Германии, содержится много определений и принципов, восходящих к римскому праву: принцип свободы и равенства соглашения, обязательной силы соглашений, неотвратимости ответственности за нарушение обязательства. Так, договор рассматривается как соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются «дать что-либо, сделать что-либо или не делать что-либо» [D. 44.7.3].

Российский законодатель, как и иностранные коллеги, придерживается тех же принципов при регулировании обязательственных отношений. Так, в 22 главе содержатся все вопросы исполнения обязательств, в 23 включает все возможные способы обеспечения исполнения обязательств, а в 25 главе ч. 1. ГК РФ подробно определяется ответственность должника.

Краткий анализ современного законодательства в сфере гражданского права позволяет прийти к выводу о том, что обязательственное право, регулируемое современными гражданскими кодексами, возникло в результате преемственности правового опыта римлян и практически идентично в правовых системах романо-германской правовой семьи, что дает основания для дальнейшей гармонизации права в данной области.

Список литературы

1. Бессонов Б.Н. История и философия науки: учебное пособие для магистров. М.: Издательство Юрайт, 2014. 394 с.
2. Водкин М.Ю. Проблемы рецепции римского права собственности в европейских кодификациях XIX – XX вв.: автореф. канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. 592 с.
5. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 715 с.
6. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. Т. VI, полутом 2 (книги XLI-XLIV). 568 с.
7. Кофанов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме: Долговой вопрос (VI-IV вв. до н.э.). М.: Юрист, 1994. 240 с.
8. Макарова И. В. Влияние римского права на становление института обязательственного права России: вопросы истории и теории: дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 250 с.
9. Маркова-Мурашова С.А. Современное значение частного права как основы гармонизации правовых систем // Современные концепции взаимодействия частного и публичного права: юридическая доктрина и правоприменительная практика: сборник научных статей по материалам VI Междунар. научно-практич. конф. Ростов-на-Дону, 2011. 220 с.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЕ ФАКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК ПРЕДМЕТА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Богданова Н.В.

магистрант кафедры учёта, анализа и налогообложения,
Псковский государственный университет, Россия, г. Псков

Юданова Л.А.

доцент кафедры учёта, анализа и налогообложения, канд. экон. наук, доцент,
Псковский государственный университет, Россия, г. Псков

В статье рассматриваются вопросы нормативно-правового регулирования фактов хозяйственной жизни, как предмета бухгалтерского учета. Предлагается дефиниция бухгалтерского учета и системы его нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: факты хозяйственной жизни, бухгалтерский учет, нормативно-правовое регулирование, система нормативно-правового регулирования.

Факт хозяйственной жизни с точки зрения экономики и финансов является основным объектом измерения в бухгалтерском учете, который по своей сущности построен как учет изменений в хозяйственном положении организации, которые произошли в результате его совершения. Факт хозяйственной жизни являются элементарным моментом хозяйственного процесса и выражаются в состоянии, действии или событии, приводящем к констатации имеющихся в наличии средств и источников организации или к изменению в их составе. Следовательно, факт хозяйственной деятельности составляет предмет бухгалтерского учета, а понятия нормативно-правового регулирования бухгалтерского учета и нормативно-правового регулирования фактов хозяйственной жизни тождественны.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения в сфере бухгалтерской деятельности на сегодняшний день является Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ [2] (далее – Федеральный закон № 402-ФЗ). Он пришел на смену ранее действовавшему Федеральному закону «О бухгалтерском учете» от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ [3] (далее – Федеральный закон № 129-ФЗ). Основной целью Федерального закона № 402-ФЗ является – приведение норм, регулирующих систему бухгалтерского учета, в соответствие с изменившимися в Российской Федерации экономическими условиями.

В п.1 ст.1 законодатель определяет цели Федерального закона № 402-ФЗ, которыми являются установление единых требований к бухгалтерскому учету, в том числе бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также создание правового механизма регулирования бухгалтерского учета. В связи с этим, механизм регулирования бухгалтерского учета теперь должен осуществляется через стандарты бухгалтерского учета. Кроме этого в Федеральном законе № 402-ФЗ теперь отсутствуют положения, содержащие методологию ведения бухгалтерского учета (в качестве основы для формирования национальных стандартов бухгалтерского учета закреплены международные стандарты (МСФО), а также не нашли отражения отдельные хозяйственные операции (например, как в утратившем силу Федеральном законе № 129-ФЗ, касающиеся порядка отражения результатов инвентаризации).

Также заслуживает внимания представленная в п.2 ст.1 Федерального закона № 402-ФЗ дефиниция бухгалтерского учета, который рассматривается, как «формирование документированной систематизированной информации об объектах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, в соответствии с требованиями, установленными настоящим Федеральным законом, и составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности» [2]. На наш взгляд, указанное определение более лаконично и соответствует современным экономическим условиям в Российской Федерации (по сравнению с определением, содержащимся в Федеральном законе № 129-ФЗ – бухгалтерский учет представляет собой упорядоченную систему сбора, регистрации и обобщения информации в денежном выражении об имуществе, обязательствах организаций и их движении путем сплошного, непрерывного и документального учета всех хозяйственных операций), однако оно имеет сугубо функциональное назначение для целей только данного федерального закона, носит отсылочный характер и не может быть включено в понятийный аппарат науки и практики бухгалтерского учета. Представляется, что рассматриваемая дефиниция требует расширительного толкования, которое, по нашему мнению, правильнее было бы провести в рамках Федерального закона № 402-ФЗ, то есть в рамках определенных законодателем.

Отметим, что такие попытки уже предпринимались, так К.А. Конев изучив (ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 2, ст. 5) Федерального закона № 402-ФЗ, предлагает следующую дефиницию: «Бухгалтерский учет – это формирование документированной систематизированной информации экономическим субъектом о фактах хозяйственной жизни, активах, обязательствах, источниках финансирования его деятельности, доходах, расходах, иных объектах в случае, если это установлено федеральными стандартами, в соответствии с требованиями, установленными Федеральным законом № 402-ФЗ, и составление на этой основе бухгалтерской (финансовой) отчетности» [1, с. 31]. В своем определении автор дает расширительное толкование лишь объектам бухгалтерского учета (которое содержится в ст.5 Федерального закона № 402-ФЗ), несправедливо обделив, на наш взгляд, вниманием его субъекта, несмотря на то, что законодатель также определил их исчерпывающий перечень (п.1 ст. 2 Федерального закона № 402-ФЗ).

С учетом вышеизложенного, позволим себе сформулировать следующую дефиницию: «Бухгалтерский учет это – это формирование документированной систематизированной информации коммерческими и некоммерческими организациями; государственными органами, органами местного самоуправления, органами управления государственных внебюджетных фондов и территориальных государственных внебюджетных фондов; Центральным банком Российской Федерации; индивидуальными предпринимателями, а также адвокатами, учредившими адвокатские кабинеты, нотариусами и иными лицами, занимающихся частной практикой; находящимися на территории Российской Федерации филиалами, представительствами и иными структурными подразделениями организаций, созданных в соответствии с законодательством иностранных государств, международными организациями, их филиалами и представительствами, находящимися на территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации о фактах хозяйственной жизни, активах, обязательствах, источниках финансирования его деятельности, доходах, расходах, иных объектах в случае, если это установлено федеральными стандартами, в соответствии с требованиями, установленными Федеральным законом № 402-ФЗ, и составление на этой основе бухгалтерской (финансовой) отчетности».

На наш взгляд приведенная дефиниция четко отражает позицию законодателя о круге объектов и субъектов бухгалтерского учета и может быть использовано наукой и практикой.

Единообразный и достоверный подход к объективному отражению фактов хозяйственной жизни субъектов экономической деятельности является одним из основополагающих принципов бухгалтерского учета, в связи, с чем его правильное нормативно-правовое регулирование играет важнейшую роль в экономической жизни России.

Не меньший интерес вызывает понятие системы законодательства, регулирующего бухгалтерский учет в Российской Федерации. В соответствие со ст. 4 Федерального закона № 402-ФЗ законодательство РФ о бухгалтерском учете состоит из Федерального закона № 402-ФЗ, других федеральных законов и принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов. Этим законодатель исправил досадную ошибку имеющую место в Федеральном законе № 129-ФЗ, ст. 3 которого к законодательству Российской Федерации о бухгалтерском учете относил лишь Федеральный закон № 129-ФЗ, другие федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, тем самым несправедливо исключая из законодательства, регулирующего бухгалтерский учет такие нормативно-правовые акты, как приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения Минфина России; указания, положения, инструкции Центрального банка РФ; нормативно-правовые акты законодательных (представительных) органов субъектов РФ по установлению региональных налогов и сборов; нормативно-правовые акты представительных органов муниципальных образований по установлению местных налогов и наконец нормативно-правовые акты организаций.

По нашему мнению, правовые нормы, регламентирующие бухгалтерский учет, содержатся в различных нормативных правовых актах, которые имеют как прямое отношение к сфере бухгалтерского учета, так и носят комплексный характер – содержат нормы, касающиеся других сфер деятельности организации. При этом каждый акт действует во взаимосвязи с другими нормативно-правовыми актами, а их взаимная согласованность осуществляется путем проведения иерархической связи между ними, а также установлением каждому государственному, муниципальному органу, организации четких пределов их правотворческой деятельности.

Нормативно-правовые акты, а точнее их совокупность, регулирующие тот или иной вопрос (в нашем случае бухгалтерский учет) подлежат ранжированию по юридической силе и образуют уровни, где каждый из ее элементов занимает строго определенное положение, а все вместе они представляют собой систему нормативно-правовых актов.

В юридической литературе существует множество определений системы нормативно правовых актов, например, она рассматривается, как совокупность иерархически взаимосвязанных нормативных правовых актов, принимаемых компетентными правотворческими органами на основе и в соответствии с Конституцией РФ, Конституциями республик и уставами субъектов РФ [4, с. 214].

Принимая во внимание отсутствие в настоящее время официального определения системы нормативного правового регулирования бухгалтерского учета, а также изложенное выше, позволим предложить следующую дефиницию: *«Система нормативного правового регулирования бухгалтерского учета представляет со-*

бой совокупность иерархически взаимосвязанных нормативно-правовых актов, принятых в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица), иных социальных структур (муниципальных органов, профсоюзов, акционерных обществ, товариществ и т.д.) на основе и в соответствии с Конституцией РФ, законами РФ и подзаконными нормативно-правовыми актами, имеющими в своем содержании нормы, прямо или косвенно устанавливающие единые требования к бухгалтерскому учету и бухгалтерской (финансовой) отчетности».

Список литературы

1. Конев К. А. Система нормативно-правового регулирования бухгалтерского учета в российской федерации / К.А. Конев // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2014. № 3. С. 31-41.
2. О бухгалтерском учете : Федер. закон : [от 6 декабря 2011 г.] (ред. от 18.07.2017) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. ст. 7344.
3. О бухгалтерском учете : Федер. закон : [от 21.11.1996] (ред. от 28.11.2011) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 48. ст. 5369.
4. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. М., 2012. 704 с.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Бондарева А.В.

магистрант кафедры «Государственное и административное право»,
Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева, России, г. Саранск

В настоящей статье рассматривается правовая природа права граждан на обращения в органы местного самоуправления, раскрываются правовые вопросы порядка обращения граждан как на федеральном уровне, так и на законодательном.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, защита прав человека, муниципальные органы власти, вопросы местного значения, права человека, обращения граждан, заявления, ходатайства, конституционное право.

Защита прав и свобод человека прежде всего связана с деятельностью органов местного самоуправления, осуществляемой в случае нарушения субъективных прав, т.е. предполагает меры по восстановлению нарушенного права.

Местное самоуправление является важнейшим элементом любого демократического государства. Являясь особой формой осуществления власти народа, определяющей субъективные права гражданина на участие в управлении делами, связанными с созданием комфортной среды жизнедеятельности, местное самоуправление способствует решению целого перечня государственно значимых задач, особенно в защите нарушенных прав граждан.

Можно считать, что права и свободы граждан находят свою реализацию в первую очередь на местном уровне, там, где человек обитает, выполняет трудовую, политическую и иную деятельность. Поэтому их защита прежде всего зависит от эффективного функционирования органов местного самоуправления.

Так, законодательную основу регулирования правоотношений, связанных с реализацией гражданами конституционного права на обращение в государственные

органы и органы местного самоуправления, образует Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

По мнению Н.А. Мошкиной, местный уровень власти является наиболее приближенным органом местного самоуправления к населению, что создает бесспорный приоритет для населения при выборе той структуры, куда они обратятся за помощью в случае нарушения их прав [6, с. 1019].

Осуществление защиты прав граждан органами местного самоуправления осуществляется с помощью формирования необходимых условий для реализации конституционных прав и свобод граждан на местном уровне.

В Конституции России [1] установлен перечень прав и свобод человека и гражданина, к обеспечению которых в соответствии с конституционными принципами имеют прямое отношение органы местного самоуправления, т.е. которые могут быть реализованы населением на местном уровне. Таким образом, защита рассматриваемого права входит в решение вопросов местного значения.

На основании ст. 32 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" обращения граждан являются формой несудебной защиты прав граждан при обращении в орган местного самоуправления с заявлением, жалобой, предложением или ходатайством.

Обращения граждан, являющиеся необходимым элементом обратной связи между гражданами и формируемыми ими органами местного самоуправления, требуют повышенной ответственности должностных лиц и результативности работы органов местного самоуправления по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Статьей 4 указанного закона обращение гражданина определено как направленное в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в какой-либо государственный орган, орган местного самоуправления.

Одновременно с правом граждан на обращение Федеральным законом № 59-ФЗ устанавливаются корреспондирующие обязанности органов местного самоуправления и должностных лиц, сроки их исполнения, ответственность уполномоченных должностных лиц, а также правила противодействия злоупотреблению правом; при этом в качестве гарантии данного права закрепляется право обжаловать в административном и (или) судебном порядке принятые по обращениям решения или действия (бездействие) в связи с рассмотрением обращений [9, с. 19].

Соответствующие полномочия по приему граждан и рассмотрению устных и письменных обращений граждан, принятию по ним решений и направлению ответов заявителям закреплены в соответствующих положениях о федеральных органах исполнительной власти, исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органах местного самоуправления.

Таким образом, деятельность государственных органов и органов местного самоуправления по рассмотрению обращений граждан в органы местного самоуправления для решения возникших проблем имеет заявительный порядок.

В условиях отсутствия единообразных четких требований к порядку рассмотрения обращений граждан существует реальная возможность возникновения проблем, связанных с отсутствием критериев принятия решения и, соответственно, конкретного результата взаимодействия гражданина с органом государственной власти или органом местного самоуправления.

Конституция РФ и федеральные законы наделяют граждан Российской Федерации правом направления значительного количества обращений. Адресатом подавляющего большинства из них являются госорганы, а также органы местного самоуправления и также должностные лица.

Обращения в исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления урегулированы многими федеральными законами. Исчерпывающий перечень таких обращений установить представляется затруднительным ввиду постоянного изменения структуры органов и их полномочий [8, с. 28]. Однако, по мнению Савоськина А.В. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не позволяет установить и построить единой целостной, эффективной и наглядной системы обращений [7, с. 18].

Рассмотрение и принятие решений органами местного самоуправления обращения гражданина является в то же время и защитой его нарушенных прав и законных интересов и устранением нарушений права на местах, что позволяет говорить о реальном участии гражданина в управлении делами органов местного самоуправления.

Особенностью правоотношений, составляющих предмет правового регулирования обращения граждан в органы местного самоуправления, является их двойственная составляющая. С одной стороны, обращения граждан являются реализацией их права на обращения, предоставленного Конституцией РФ, с другой стороны право на обращения является объектом административного регулирования.

Закон об обращениях граждан предусматривает, что законы и другие правовые акты субъектов РФ могут закреплять регламентирующие положения, направленные на защиту права граждан на обращения, в то же время данная норма на федеральном уровне не устанавливает точно полномочия субъектов РФ по правовому регулированию обращений граждан.

Напр., закон Ханты-Мансийского автономного округа от 03.12.2001 г. № 79-оз «О порядке рассмотрения обращений граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления Ханты-Мансийского автономного округа» [3] использует следующие формулировки: обращение – изложенное в устной или письменной форме предложение, заявление, жалоба, ходатайство граждан; обращение гражданина – изложенное в письменной или устной форме предложение, заявление, жалоба гражданина;

Закон Самарской области «Об обращениях в Самарской области» от 24 июля 2001г. № 54-ГД [4] указывает, что обращение – изложенное в устной или письменной форме предложение, заявление, жалоба.

Закон определяет порядок подачи и рассмотрения обращений граждан в органы государственной власти Самарской области, органы местного самоуправления, государственные унитарные предприятия и учреждения, к их должностным лицам и руководителям, а также устанавливает требования к содержанию обращений граждан и к решениям, принимаемым по результатам рассмотрения обращений.

В тоже время Закон Пензенской области «О порядке рассмотрения обращений в пензенской области» от 28 декабря 2012г. № 2327-ЗПО [5] не раскрывает понятия термина «обращение».

Реализуемое в пределах сферы деятельности и компетенций Государственного Собрания Мордовии, это право является, с одной стороны, способом доведения до власти насущных потребностей жителей республики и их участия в управлении делами государства, а с другой – средством защиты каждым человеком своих прав и свобод.

Право граждан на обращения в органы местного самоуправления необходимо рассматривать как личное субъективное право, которое является одной из основных правовых форм опосредования общественных отношений между населением и органами местного самоуправления по участию первых в управлении делами последних.

Обращения граждан в органы местного самоуправления являются необходимой частью взаимной связи между гражданами и органами местной власти и требуют результативной деятельности органов власти на местах по соблюдению прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 21.07.2014г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Закон ХМАО от 03.12.2001 №79-оз «О порядке рассмотрения обращений граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления ХМАО» // СЗ ХМАО. – 2001. – №11. – Ст. 1350.
4. Закон Самарской области «Об обращениях в Самарской области» от 24 июля 2001г. № 54-ГД <http://docs.cntd.ru/document/945005830>
5. Закон Пензенской области «О порядке рассмотрения обращений в Пензенской области» от 28 декабря 2012 г. № 2327-ЗПО //Российская газета. 2012. – 30 декабря.
6. Мошкина Н.А. Роль органов местного самоуправления в защите прав и свобод человека / Н.А. Мошкина // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 12. – С. 1019-1025.
7. Савоськин А.В. Система обращений граждан в РФ / А.В. Савоськин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 18-22.
8. Савоськин А.В. Виды обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления / А.В. Савоськин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 2. – С. 28-33.
9. Чачуа Е.Б. Проблемы реализации конституционных прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления в рамках Федерального закона № 210-ФЗ / Е.Б. Чачуа // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 6. – С. 19-22.

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ВСЛЕДСТВИЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Гайнетдинова Т.Г.

студентка, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров

Исследованы особенности определения размера компенсации морального вреда пациенту при оказании медицинских услуг. Определены критерии, влияющие на размер компенсации. Указаны основания, повышающие и понижающие размер морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, размер компенсации, медицинские услуги, вина, вред жизни и здоровью.

При оказании медицинских услуг пациенту могут быть причинены как физические страдания, так и нравственные.

К физическим страданиям следует отнести боль, жжение, головокружение, удушье, мелькание «мушек» перед глазами (например, при гипертоническом кризе), тошноту и др. К нравственным страданиям относятся страх, обида, стыд, возмущение. Так, например, в результате ненадлежащей хирургической помощи в ходе операции в теле больного были оставлены осколок кости и обломок сверла, для извлечения которых потребовалась повторная операция. Больной в течение длительного времени передвигался на костылях, испытывал физические (боль, головокружение, слабость) и нравственные страдания: страх перед предстоящей повторной операцией, возмущение, обиду, чувство недоверия врачам.

Моральный вред также может заключаться в нравственных переживаниях, связанных с раскрытием врачебной тайны, физической болью, повреждением здоровья, невозможностью продолжать активную общественную жизнь и др., либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий.

Особого внимания заслуживает ст. 208 ГК РФ, где перечисляются случаи неприменения исковой давности. Как известно, на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, исковая давность не распространяется [4, с. 28].

Из статей ГК РФ (ст. 151 и 1101) можно выделить такие критерии определения размера компенсации морального вреда как степень вины нарушителя; степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред; характер физических и нравственных страданий, оцениваемый судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего; требования разумности и справедливости; иные заслуживающие внимания обстоятельства. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 указывается, что суду следует также устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

Кроме того, как отмечено в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 статьей 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая введена в действие с 1 января 1995 г., указанное положение сохранено лишь для случаев причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место при наличии указания об этом в законе. Например, к таким законам относится Закон РФ о защите прав потребителей (ст. 15); совокупности с п. 63 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 и др.

В судебной практике сложилась презумпция наличия морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью (п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г.), установлению в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда.

Вместе с тем при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий.

Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда. При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела.

Степень страданий – это количественный критерий, определяющий глубину переживаний, вызванных противоправным деянием. В этой связи еще большую сложность вызывает определение ее степени. Понятие «степень» означает «меру, сравнительную величину чего-нибудь» [3, с. 793].

Степень вины причинителя морального вреда – количественная характеристика вины, в то время как форма и вид вины, качественные ее характеристики. Понятие степени вины должно быть производно от своей основы, то есть понятия вины. Если вина есть категория психологическая, то и степень вины может быть тоже только психологической категорией. Это значит, что для определения степени вины нужно выяснить степень сознания общественной опасности деяния и степень предвидения общественно опасных последствий своего деяния. Иначе говоря, степень вины – это большая или меньшая мера сознания общественной опасности деяния, предвидения и желания общественно опасных последствий или возможности их предвидения.

Влияние на размер компенсации таких критериев, как вид и степень тяжести повреждения здоровья, длительность или кратковременность расстройства здоровья, степень стойкости утраты трудоспособности и т.д., представляется бесспорным. Наряду с названными критериями Р.П. Тимешов предлагает выделять общие основания повышения и снижения взыскиваемой суммы. К основаниям, повышающим размер морального вреда, он относит «причинение и морального, и физического вреда при нарушении одного неимущественного права»; наступление нематериального вреда в связи с одновременным нарушением нескольких неимущественных прав. К числу оснований, снижающих размер морального вреда – форму и степень вины потерпевшего; имущественное положение причинителя вреда; истечение длительного периода времени после возникновения вреда [2, с. 12]. Все перечисленные условия, на наш взгляд, не вызывают особых споров.

Статья 1083 ГК РФ говорит, что вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит. А если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен. При грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное.

Статья 1083 ГК РФ оговаривает возможность уменьшения размера взыскиваемой компенсационной суммы с причинителя вреда, учитывая имущественное по-

ложение виновного. Данный критерий может быть применен только в том случае, если причинителем вреда является физическое лицо.

Требование учета фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, диктует п. 2 ст. 1101 ГК РФ. В связи с этим нам представляется, что в любом случае размер компенсационной суммы морального вреда должен быть, конечно же, разным – в зависимости от тяжести деликта. Отсюда следует, что характер и тяжесть совершенного в отношении потерпевшего преступления должны быть положены в основу принимаемого решения при определении размера компенсационной суммы.

Интересно мнение С. В. Ерофеева, который предлагает решить проблему следующим образом: законодательно закрепить минимальный размер возмещения морального вреда в зависимости от степени тяжести вреда здоровью и привязать его к прожиточному минимуму данного региона [1, с. 31]. Однако, по нашему мнению, подобный подход с привязкой к региональному прожиточному минимуму (а он отличается в разных субъектах РФ) будет нарушать конституционный принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

На наш взгляд, в целях реализации принципа справедливости и единообразия судебной практики необходимо на уровне Постановления Правительства РФ установить минимальные размеры компенсации за причиненный моральный вред путем обобщения судебной практики по данным категориям дел, подлежащие ежегодной индексации с учетом роста цен. При этом суд в каждом конкретном случае сможет индивидуализировать размер возмещения.

Список литературы

1. Ерофеев С. В., Ерофеева А. С. Медицинские и юридические аспекты и проблемы возмещения морального вреда в связи с повреждением здоровья и причинением смерти // Медицинское право. 2016. № 5. С. 31.
2. Тимешов Р.П. Понятие морального вреда в гражданском праве России // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 12.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1993. – С. 793.
4. Шевчук Е.В. Моральный вред, причиненный некачественными медицинскими услугами // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4 (47). С. 28.

ОСОБЕННОСТИ И ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Дорохов Н.И.

профессор кафедры теории и истории государства и права,
к.и.н., профессор, Московский университет им. С.Ю. Витте;
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

В статье анализируется природа российского парламентаризма как отражение особенностей исторического развития российской государственности, в числе которых называются влияние европейской и азиатской цивилизации на российскую государственность, гипертрофированная роль верховной государственной власти к российскому обществу,

перманентный процесс государственных реформ и конфликтность российской государственности и др.

Ключевые слова: российский парламентаризм, российская цивилизация, государственные реформы, российская конфликтность, противоречивость российской истории.

Первое учреждение современного парламентского типа появилось в России в начале XX века. Это была Государственная дума, образованная на основании Манифестов от 6 августа и 17 октября 1905 года, и «трансформированный» в соответствии со сводом «Основных государственных законов» (от 23 апреля 1906 г.) в представительный орган власти Государственный совет. С их созданием Россия обрела представительную ветвь власти (парламент), состоявшую из двух палат – Государственной думы и реформированного Государственного совета.

По сравнению с ведущими европейскими странами (для справки заметим: английский парламент был образован в 1265 г., французские Генеральные штаты – в 1302 г.; в XIX в. парламенты существовали почти во всех странах Европы, США, Японии, Латинской Америке) первое общенациональное законодательное представительство в России (российский парламент) возникло гораздо позднее. Это объясняется рядом факторов, в их числе особенностями исторического развития страны, характером российской (русской) цивилизации, отсутствием на протяжении многих столетий конструктивного баланса между властью и обществом; запоздалостью перехода к передовым формам хозяйствования в сочетании с феодальными пережитками и сдерживающими остатками крепостничества и др. Вместе с тем следует заметить, что сама идея народного представительства, как и первые органы представительского типа в России зародились в глубокой древности, едва ли не с первых форм русской государственности [1, с. 5-11].

Основные этапы в предыстории отечественного парламентаризма можно видеть в народных вечевых собраниях и съездах князей в Древней Руси; консенсусальном характере деятельности Боярской думы; в Земских соборах, в состав которых входили представители не только высшего феодального сословия, но и низших слоев; развитии городского самоуправления в период правления Екатерины II; конституционных проектах М.М. Сперанского и проектах декабристов будущей модели российского парламента; либерально-демократических преобразованиях второй половины XIX в., где нашли отражение институты представительства в органах власти; программных планах политических партий начала XX в. [2, с. 51-55, 160-164, 208-211].

Таким образом, весь эволюционный путь развития российского общества свидетельствовал о существовании и об определенной значимости идеи парламентаризма как отражения справедливого порядка государственного устройства и ее практической реализации в определенных формах народного представительства в наиболее сложные для государства периоды – во времена смуты, государственных кризисов, иностранных интервенций, реальной угрозы утраты государственной самостоятельности.

Не случайно, что в Манифесте от 6 августа 1905 года говорилось о присущем России единении власти с народом, объявлялось, что для укрепления этого единения решено создать выборное учреждение – Государственную думу. Потребовался более чем тысячелетний путь исторического развития, чтобы выстраданная идея народного представительства стала в России реальностью [3, с. 11].

Становление и природа российского парламентаризма отражает особенности исторического развития российской государственности. Первая из них – особая роль государства в истории российского общества, выразившаяся, прежде всего, в **гипертрофированной роли верховной государственной власти** по отношению к русскому (российскому) обществу и **перманентном процесса государственных реформ** на протяжении ряда исторических периодов развития России.

В чем истоки данных особенностей российской государственности и как они в конечном итоге повлияли на характер исторического развития России? На этот счет в литературе имеются различные мнения [4, с. 4-14].

Как известно, Древняя Русь, у истоков которой стояли варяги и их славянские и ославяненные потомки, не вышла из общества в результате естественной эволюции строя славянских племен. Ни князья, ни их дружинники не были выходцами из славянского общества, хотя впоследствии и произошла их ассимиляция. Заметное влияние варяжского элемента делало государственность как бы наружной, внешней формой. Славянские и финские племена, жившие на этой территории, восприняли привнесенные формы государственного устройства, но сохраняли свой родовой быт и родовую психологию.

Так формировалось особое политическое образование с необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Древнерусском (Киевском) государстве и обществе отсутствовал объединяющий общий интерес: государство и общество сосуществовали, сохраняя свои особые отличия и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом.

Эти особенности российской государственности хорошо описал и В.О. Ключевский. Он подчеркивал, что в России выработалась низшая форма государство-вотчина. Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес. [2, с. 417]. Традиция рассматривать вверенную им страну как собственность сохранялась у российских правителей во все времена, в том числе и в новейшее время.

Особенности, отличавшие раннюю русскую государственность (вотчинный характер правления и необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом) были усилены монголо-татарским завоеванием в XIII–XIV вв. Русские князья впитывали дух государства восточного типа, дух абсолютной, никем и ничем не ограниченной власти, отношения жесткого подчинения и беспрекословной покорности подданных.

Утверждение под натиском монголо-татарского ига такого типа взаимоотношений внутри господствующего класса приводило к жестокому подавлению даже самой малой оппозиции, к развитию в дальнейшем крайнего государственного деспотизма. Русская жизнь неимоверно ожесточилась, общество приучалось к мысли, что власти дозволено все. Смертная казнь, которой не знали законоуложения Киевской Руси, стала массовым явлением.

Истоки гипертрофированной, всеобъемлющей роли государства по отношению к обществу во многом кроются и в **особом характере складывания русского централизованного государства** в XIV и XV вв.

В Западной Европе главную роль в процессе централизаций сыграли социально-экономические обстоятельства: необходимость объединения экономических центров-городов с их бурно развивающимися ремеслами, промышленностью, товарно-денежными отношениями. Русским землям объединение диктовали политические обстоятельства: необходимость борьбы с внешней опасностью (Ордой, Ли-

вонским орденом, Великим княжеством Литовским), необходимость установления национальной независимости.

Такой процесс централизации, который шел при «опережающих» (по отношению с социально-экономическим) политических факторах, консервировал складывающиеся сугубо деспотические отношения.

В XVI–XVII вв. государственная самодержавная власть усиливается. При Иване IV (Грозном) ликвидируются остатки феодальной децентрализации, ограничиваются судебные права феодалов. Создаются органы исполнительной власти – Приказы, постоянное стрелецкое войско, единая денежная система, вводится общегосударственный налог. В 60–70-е годы XVI в. Иван Грозный предпринял попытку установить абсолютную личную деспотию путем массовых репрессий, опричного террора, насильственной централизации. Попытка установления нового политического режима, не удалась, но повлияла на утверждение особо деспотического характера русского самодержавия.

Тенденция к централизации и абсолютизму развивается и в дальнейшем. При Петре I ликвидируется патриаршество и создается государственный орган – Синод, управляющий делами религии. Это знаменует окончательную победу верховной светской власти над церковью. В 1721 г. Петр вводит титул императора. Россия становится империей. Вместо сословно-представительного выборного органа при царе (Боярская Дума) создается Сенат, члены которого утверждаются и назначаются самодержцем.

Особая функция верховной власти в России – государственная регламентация общественной жизни – проявлялась в самых различных областях. Но, пожалуй, наиболее характерным показателем гипертрофированной роли государства было его вмешательство в естественно текущие социальные процессы.

Под непосредственным влиянием власти образовались на Руси сословия. Общество было разделено на слои с четким определением статуса и функций каждого. Судебное Уложение 1649 г. закрепило положение различных категорий населения и круг их повинностей. Государство всячески стремилось сделать социальное положение наследственным. Социальная структура общества становилась все более неподвижной. Так складывалась всеобъемлющая система, прикрепляющая все население к государству.

В XX веке, на новом витке исторического развития, были воспроизведены многие характерные особенности российской государственности, порой вседеспотический характер власти и мощное вмешательство ее в самые разные сферы жизнедеятельности общества. Оценивая характер государства в XX в., нельзя не отметить, что оно не в меньшей степени, чем раньше отличалось мощной военно-бюрократической и репрессивной машиной. Это было обусловлено многовековыми российскими традициями государственности.

Гипертрофированная роль государства питалась **особенностями русского, российского менталитета**. Много столетий население жило общиной. Здесь веками вырабатывались свои нормы поведения, свои идеалы. Историческая судьба России постепенно укрепляла в сознании народа ценность общины («мира»). Ведь именно община могла защитить человека. В ней он видел воплощение мечты о справедливости, равенстве. Многовековая история выдвинула интересы общины на первый план, поставила их над интересами конкретной личности. Идея служения общему благу, «миру», ради которого человек должен жертвовать своим личным, была важнейшей частью менталитета россиянина.

Вот как писал о роли государственного начала в жизни русского народа выдающийся ученый Николай Бердяев: «Россия – самая могущественная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы создания, поддерживания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не осталось сил у русского народа для свободной, творческой жизни, вся кровь шла на закрепление и защиту государства... Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве» [5, с. 6-7].

Другой важной особенностью российского государства его роли в истории российской цивилизации явилась перманентность реформирования структур власти и общества в целом.

Российская история во многом представляет собой историю социального реформизма. Несмотря на многочисленные войны, бунты, заговоры и революции, реальные изменения в экономическом и политическом строе России на протяжении последних столетий происходили, как правило, в результате реформ, проводимых верховной властью – иногда по собственной инициативе, иногда под давлением обстоятельств.

Глубокая модернизация и европеизация России была проведена Петром Великим. С именем крупного государственного деятеля М.М.Сперанского связан реформаторский процесс первой половины XIX в. Исключительными по своему значению стали аграрная, судебная, городская, земская и другие реформы 60-х – 70-х годов XIX в. В истории советского общества также были и глубокая модернизация общественного уклада в конце 20-х – в 30-е годы, и хрущевский реформизм, наконец, попытки обновления общества во второй половине 80-х – 90-е годы. Административная реформа остается ключевой и в наши дни, 2010-2020-е гг.

На протяжении столетий российское реформаторство в своей основе опиралось исключительно на идею государственности. Реформы очень часто приобретали характер авторского вмешательства государства в общественные отношения. Народ выступал лишь в качестве объекта реформ. Особенностью российских преобразований была их конфликтность. Реформы очень часто осуществлялись жесткими насильственными методами, имели «вкус слез и цвет крови».

Постоянная череда реформ и контрреформ, новаций и попятного движения – характерная особенность российского реформационного и цивилизационного процесса, что не могло предопределить особенности становления и природы российского парламентаризма.

Отмеченные характерные особенности роли государства в истории российской цивилизации объективно предопределили такую черту российского исторического процесса как **противоречивость, конфликтность** развития отечественной истории, предрасположенность российского общества к крайностям.

Следующей особенностью исторического развития российской государственности является влияние на нее европейской и азиатской цивилизации. Пограничное положение между Европой и Азией наложило отпечаток на общественное

развитие, способствовало противоречивому сочетанию европейских и восточных черт. В России как бы сходилась цивилизация лесов (охотники, рыболовы, пахари, на расчищенных от лесов пространствах) с цивилизацией степняков – кочевников, волнами накатывавших на оседлое население. И та, и другая влияли на формирование российского общества и государства, складывавшегося на громадных просторах двух частей света, лишенных резких географических рубежей.

Россия оказалась своеобразным гигантским цивилизованным котлом, в котором до конца, в гармоничное единство не смогло перевариться все противоречивое многообразие разных этносов. Возрастная, историческая «равновременность» существования друг с другом народов и социально-экономических укладов приводила к социокультурным расколам общества, порождала болезненность и кризисность общественного развития [6, с. 441].

В заключении отметим, что многие корни российской конфликтности кроются в особенностях российской власти с ее абсолютистской природой, монополизмом и мощным вмешательством в жизнь общества. Можно сказать, что в России всегда доминировал мифологический, а не критический тип мышления. Из поколения в поколение передавалось упрощенное представление о путях достижения целей социального прогресса и вера, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых форм жизни сами собой обеспечат реализацию общественного идеала.

Все это в конечном итоге дает основание утверждать, что важнейшими доминантами российского цивилизационного развития были и остаются особая роль государства и конфликтность российского исторического развития. Природа российского парламентаризма во многом впитала в себя особенности исторического развития российской государственности. Вся его прошлая судьба и современное состояние свидетельствуют об исключительности государственных начал в формировании и функционировании представительной ветви российской власти.

Список литературы

1. Правкин С.А. Конституционные основы парламентаризма: отечественный и мировой опыт. – М.: МИЭМП, 2009 – 293 с.
2. Моисеев В.В., Дорохов Н.И. История государства и права России: учебник. – М.: МИЭМП, 2008. – 485 с.
3. Дорохов Н.И. Особая роль Российского государства в истории российского общества // Современная наука. 2015. №4. С. 7-14.
4. Дорохов Н.И. Государство в истории российского общества: историко-правовые и политические аспекты // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2013. №2(3). С. 4-14.
5. Бердяев Н. Судьба России – М., 1990. – С. 6-7.
6. История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования). Колл. авт. Бурковский И.В., Горохов Д.Ю., Дорохов Н.И., Малышева О.Г., Орчакова Л.Г., Правкин С.А., Токарева Е.А., Юрчук В.С. и др. Под общ. ред. Н.И. Дорохова. – М.: Изд-во МУ им. С.Ю. Витте, 2014. – 449 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 319 УК РК «НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТА», С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Еспергенова Е.В.

докторант института послевузовского образования, магистр юридических наук,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
Казахстан, г. Караганда

В данной статье рассмотрены некоторые уголовно-правовые аспекты совершенствования нормы, предусматривающей ответственность за незаконное производство аборта. По результатам проведенного исследования автором предлагаются рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики в вопросах противодействия рассматриваемому виду преступной деятельности. Выводы и заключения основаны на анализе юридической литературы, материалов правоприменительной практики и опросе соответствующего круга респондентов.

Ключевые слова: законодательство, беременность, производство аборта, несовершеннолетние, малолетние, подростки, квалификация.

На сегодняшний день подростковая беременность в странах СНГ настолько распространена, что иногда ее называют эпидемией. В Казахстане процент несовершеннолетних матерей несколько меньше, чем, к примеру, в России и Украине. Несмотря на это, проблемы связанные с подростковой беременностью привлекают пристальное внимание и казахстанскую общественность, в связи, с чем побуждают к поиску путей их решения [1].

Ежегодно в стране фиксируется 22 тысячи случаев подростковой беременности [2]. Большая часть ранних беременностей является незапланированной, как результат: 70% беременностей заканчиваются абортами (очень часто – на поздних сроках), 15% – выкидышами, 15% – родами. Девочки-подростки очень часто вступают в интимные отношения из-за желания «быть не хуже других», да и повсеместная пропаганда секса играет в этом не последнюю роль. Согласно проведенным опросам только треть сексуально-активных подростков пользуется презервативами, еще одна треть – практикует прерванный половой акт, а оставшаяся часть – не пользуется ничем. С проблемой ранней беременности сталкивается 5% опрошенных школьниц [3]. В соответствии с Приказом Министра Здравоохранения Республики Казахстан № 626 от 30.10.2009 г. беременным женщинам предоставляется свобода репродуктивного выбора. В случае если беременная является несовершеннолетней необходимо согласие родителей либо законных представителей на производство аборта [4].

Вред, причиненный в результате аборта в подростковом возрасте очень опасен, поскольку организм девочки еще не сформирован, и любое вмешательство может повлечь необратимые тяжелые последствия. Небольшие размеры матки приводят к серьезным механическим повреждениям в ходе аборта: разрыв шейки матки и стенок матки – как следствие удаление. Несформированная сократительная активность матки провоцирует сильные маточные кровотечения – как следствие удаление матки или летальный исход. Такие осложнения в будущем приводят к различным патологиям: не вынашивание плода, бесплодие, внематочная беремен-

ность, образование опухолей (рак груди, миома матки), неконтролируемое увеличение массы тела, длительная депрессия, частый невроз, психоз, повышенная тревожность [5]. Тем не менее, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, в ст.319 УК РК «Незаконное производство аборта» законодатель не проводит дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от возраста потерпевшей, что на наш взгляд является существенным пробелом в вопросах охраны прав несовершеннолетних. Принимая во внимание повышенную общественную опасность незаконного аборта в отношении несовершеннолетней, а также учитывая политику государства, направленную на ужесточение ответственности за посягательства на права несовершеннолетних, в рамках совершенствования уголовного законодательства, считаем целесообразным дифференцировать уголовную ответственность за незаконное производство аборта с учетом возраста потерпевшей, предусмотрев в ч.ч. 2, 4 ст. 319 УК РК такой квалифицирующий признак, как в отношении заведомо несовершеннолетней.

Следует отметить, что большинство сотрудников правоохранительных органов (71%) высказались в пользу предложенного решения.

В связи с изложенным, как свидетельствуют результаты личной беседы с правоприменителями, у последних может возникнуть ряд вопросов, вызывающих практический интерес при квалификации содеянного. С учетом этого, полагаем, возможна постановка следующих ситуативных примеров. Так, в частную клинику обратилась несовершеннолетняя с просьбой о производстве аборта. При этом сама беременная согласна на операцию по искусственному прерыванию беременности, но согласие родителей (законных представителей) отсутствует. В таком случае аборт будет считаться не законным, поскольку, согласно Приказу МЗ РК № 626 от 30.10.2009 г. нет согласия родителей (законных представителей). При этом, не имеет значения, соблюдены ли другие условия законности для проведения данной операции, так как изначально аборт без согласия родителей является незаконным. Иными словами, при криминальном аборте не может идти речи о соблюдении каких-либо законных процедур.

Возможна другая ситуация: родители привели свою несовершеннолетнюю дочь на незаконную операцию по производству аборта (например, срок больше 12 недель и нет медицинских и социальных показаний к производству аборта, либо есть противопоказания к производству аборта), при этом сама беременная не согласна на производство аборта. В таком случае, аборт также будет считаться незаконным, несмотря на наличие согласия родителей (законных представителей), поскольку, не соблюдены остальные требования законности, при этом несогласие потерпевшей не будет иметь значения для квалификации по ст.319 УК РК. При этом, в данной ситуации весьма важно с точки зрения правильной уголовно-правовой оценки действий всех участников незаконного производства аборта определить роль родителей (законных представителей) в содеянном. На наш взгляд, в рассматриваемом случае они выполняют функцию подстрекателей к незаконному производству аборта.

В случае если аборт, произведенный несовершеннолетней беременной, совершен с соблюдением всех условий законности проведения такого рода операций, в том числе, при наличии согласия родителей (законных представителей), но вопреки воли (без согласия) самой несовершеннолетней, таковой будет считаться законным, поскольку, несовершеннолетние в силу возраста согласно положений гражданского законодательства ограничено дееспособны. Отсутствие согласия

несовершеннолетней дочери не препятствует проведению законной процедуры производства аборта. Таким образом, в данном случае между согласием родителей и согласием несовершеннолетней беременной автоматически можно поставить знак равенства.

В случае, если аборт произведен вопреки воли несовершеннолетней, а также без согласия родителей (законных представителей), действия виновного следует квалифицировать, с учетом цели содеянного либо по ст. 106 УК РК «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», либо по ст. 116 УК РК «Принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей человека».

В рамках рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, следует обратить внимание и на то, что возможны случаи, хотя и являющиеся единичными, когда беременеют малолетние девочки. Об этом говорят средства массовой информации, социальные сети и иные источники. Согласно медицинским показаниям, как только у девочки начинаются месячные, а происходит это обычно в возрасте 12 лет, физически она уже может забеременеть [6]. В Казахстане брачный возраст составляет в среднем 24 года, однако нельзя не учитывать, что возраст начала сексуальной жизни подростков снижается, причем интенсивнее это происходит среди девушек 14-15 лет. Результатом такого рода «подростковой активности» становятся, прежде всего, незапланированные беременности, исходы которых не редко приводят к абортam [7]. Несмотря на то, что в ходе исследования нам такие факты не стали известны, считаем, что вопросы усиленной охраны прав малолетних также должны попасть в поле зрения законодателя. Кроме того, анализ положений действующего уголовного законодательства, в вопросах охраны прав несовершеннолетних и малолетних позволяет сделать вывод о том, что законодатель все-таки видит определенную разницу между несовершеннолетними и малолетними и проводит градацию между обеспечением охраны прав несовершеннолетних и малолетних. Подтверждением этому является тот факт, что в 0,6% составов уголовных правонарушений Особенной части УК РК (ст. 120 УК РК «Изнасилование», ст. 121 УК РК «Насильственные действия сексуального характера», ст. 312 УК РК «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних либо их привлечение для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера»), в качестве квалифицирующего признака предусмотрен такой признак как – несовершеннолетие, а в качестве особо квалифицирующего признака – малолетие. Поэтому, на наш взгляд, несмотря на отсутствие таких фактов, как незаконное производство аборта в отношении малолетних, они, возможны и обладают большей степенью общественной опасности, нежели незаконное производство аборта, как в отношении взрослой женщины, так и в отношении несовершеннолетней. Таким образом, с учетом вышеизложенного, на наш взгляд, следует в ч. 5 ст. 319 УК РК предусмотреть ответственность за незаконное производство аборта в отношении заведомо малолетней.

При этом, подавляющее большинство опрошенных респондентов (82%) поддерживали данное предложение.

Следует отметить, что одним из условий привлечения лица к уголовной ответственности за производство аборта, как в отношении несовершеннолетних, так и в отношении малолетних должна явиться заведомость лица, производившего аборт, о несовершеннолетнем либо малолетнем возрасте беременной.

Предложенные меры в целом, на наш взгляд, будут способствовать укреплению законности в вопросах квалификации незаконного производства аборта с уче-

том характера и степени общественной опасности содеянного и личности потерпевшей.

Список литературы

1. Мухитова Р.О. Беременность у подростка: что делать? [Электронный ресурс]// Times.kz. URL: <https://timeskz.kz/14897-beremennost-u-podrostka-chto-delat.html> – загл. с экрана – (дата обращения 18.10.2017).
2. Гейст Ю. Почему девочки-подростки стали чаще рожать? Нормально ли это в наши дни? [Электронный ресурс] //Диапазон. Самые важные новости Актобе, Казахстана и мира. URL: <http://www.diapazon.kz/aktobe/aktobe-news/51784-pochemu-devochki-podrostki-stali-chashche-rozhat-normalno-li-eto-v-nashi-dni.html> – загл. с экрана – (дата обращения 07.10.2017 г.)
3. Мухитова Р.О. Беременность у подростка: что делать? [Электронный ресурс]// Times.kz. URL: <https://timeskz.kz/14897-beremennost-u-podrostka-chto-delat.html> – загл. с экрана – (дата обращения 18.10.2017).
4. Приказ и.о. Министра здравоохранения РК «Об утверждении Правил проведения искусственного прерывания беременности» от 30 октября 2009 года № 626.
5. Делают ли прерывание беременности несовершеннолетним или со скольки лет можно делать аборт. [Электронный ресурс] // Современная онлайн-энциклопедия о всех видах аборт и их последствиях. URL: <https://prberem.com/vozrast-dlya-aborta> – загл. с экрана – (дата обращения 07.10.2017 г.)
6. Беременность в 14 лет: как принять правильное решение? [Электронный ресурс] // MoeDitya.com. URL: <http://moeditya.com/pregnancy/vedenie/beremenna-v-14-let> – загл. с экрана – (дата обращения 07.10.2017 г.)
7. Кунакбаев А.С., Бабашев А.М., Татарина Г.Ш. Подростковая беременность в Казахстане. [Электронный ресурс] // G.GLOBAL. URL: <http://group-global.org/ru/publication/31278-podrostkovaya-beremennost-v-kazahstane> – загл. с экрана – (дата обращения 07.10.2017 г.)

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РЕГУЛЯЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ОПАСНЫХ ОТХОДОВ

Зарубина Ю.С.

студентка второго курса магистерской программы «Правовое регулирование и разрешение споров в сфере международного гражданского оборота», Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается роль основополагающих международно-правовых принципов охраны окружающей среды в регуляции трансграничного перемещения опасных отходов. Подробно рассматриваются основные источники принципов, на которые опирается международно-правовое регулирование трансграничного перемещения опасных отходов. Приводится их сравнительно-правовая характеристика данных источников.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование опасных и токсичных отходов, основополагающие принципы охраны окружающей среды, Декларации ООН, Конвенции ООН, Повестка дня на XXI век.

Особое внимание международного сообщества в настоящее время сосредоточено на проблеме безопасного трансграничного перемещения и удаления экологически опасных отходов.

гически опасных и токсичных отходов, включая предотвращение их незаконного оборота.

За последние два десятилетия был разработан целый свод норм, стандартов и принципов международного права окружающей среды для регулирования использования и удаления токсичных и опасных отходов и торговли ими. Особое место в системе норм, регулирующих общественные отношения, связанные с трансграничным перемещением опасных отходов, занимают международно-правовые принципы охраны окружающей среды. Объединяясь в систему, принципы определяют направление международно-правового регулирования данных общественных отношений.

Источниками принципов, на которые опирается международно-правовое регулирование трансграничного перемещения опасных отходов, являются следующие международные документы:

1) Декларация, которая была принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды в 1972 г. в г. Стокгольме [3];

2) Декларация по окружающей среде и развитию, которая была принята Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро и которая составляет логическое продолжение Стокгольмской декларации [4];

3) Повестка дня на XXI век, которая также была принята Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро [7];

4) Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, которая была принята в 1989 г. в г. Базеле и в настоящий момент насчитывает 170 стран-участниц, включая Российскую Федерацию [1].

Впервые основополагающие принципы по охране окружающей среды, а также в сфере трансграничного перемещения опасных отходов были рассмотрены на Стокгольмской конференции в 1972 г., состоявшейся по решению Генеральной Ассамблеи ООН. Из 26 принципов, закрепленных в Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды, наиболее значимым для настоящего исследования представляется принцип, согласно которому «государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции» (принцип 21).

Впоследствии данный принцип был отражен также в Декларации по окружающей среде и развитию (принцип 2), а также во многих природоохранных международных договорах (Женевской конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. [5, с. 12], Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г. [2, с. 183], Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г. [1, с. 32], Стокгольмской конвенцией о стойких органических загрязнителях 2001 г. [8, с. 56] и др.).

Рио-де-Жанейрская декларация 1992 г. ознаменовала новый этап в развитии принципов международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Являясь логическим продолжением Стокгольмской декларации 1972 г., она закрепила принцип эффективного сотрудничества государств «с целью сдерживать или

предотвращать перенос и перевод в другие государства любых видов деятельности и веществ, которые наносят серьезный экологический ущерб или считаются вредными для здоровья человека» (принцип 14).

На универсальном уровне международно-правовые принципы охраны окружающей среды закреплены в Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. К основным из них относятся следующие: принцип добровольного волеизъявления сторон; принцип сокращения производства опасных отходов и сведение к минимуму их трансграничной транспортировки; принцип экологически обоснованного управления опасными отходами; принцип запрета незаконного оборота опасных и токсичных отходов.

В соответствии с принципом добровольного волеизъявления сторон за государствами-участниками конвенции закрепляется суверенное право устанавливать запрет на импорт опасных и токсичных отходов. Так, согласно ст. 4 п. «b» «стороны запрещают или не разрешают экспорт опасных и других отходов в направлении сторон, которые ввели запрет на импорт таких отходов, если они получили об этом уведомление». При этом стороны информируют друг друга через Секретариат «о принятых ими решениях о полном или частичном несогласии с импортом опасных или других отходов для удаления в районе, находящемся под их национальной юрисдикцией» (ст. 13 п. 2 (с) конвенции).

Вместе с тем, следует отметить, что принцип абсолютного запрещения трансграничных перевозок опасных отходов пока не нашел своего отражения в данной конвенции. Исключение составляет положение ст. 4 п. 6 конвенции, в котором оговаривается абсолютная недопустимость экспорта опасных отходов для удаления в пределах района южнее 60° южной широты, независимо от того, являются ли такие отходы объектом трансграничной перевозки или нет.

Принцип сокращения производства опасных отходов и сведения к минимуму их трансграничной транспортировки требует от стран-участниц конвенции принятия мер по сведению к минимуму производства таких отходов. Данный принцип закреплен в ст. 4 п. 2 конвенции, согласно которым государства должны сотрудничать между собой по вопросам сведения к минимуму производства опасных отходов с учетом социальных, технических и экономических аспектов, а также касательно наличия объектов удаления экологически опасных отходов.

Данный принцип нашел свое отражение и в отдельной программной области Повестки на XXI век: «содействие предотвращению образования отходов и сведению их к минимуму» (глава 20 п. 8). Целями в рамках данной программной области являются: а) сокращение, насколько это возможно, образования опасных отходов в рамках комплексной стратегии более чистого производства; б) оптимальное использование сырьевых материалов путем утилизации, где это практически возможно и оправдано с экологической точки зрения, отходов производственных процессов; с) расширение знаний и информации об экономических принципах предотвращения образования опасных отходов и их удаления.

Принцип экологически обоснованного управления опасными отходами означает принятие всех возможных мер по защите от отрицательного воздействия на здоровье человека и состояние окружающей среды при их сборе, транспортировке, удалении и использовании экологически обоснованным образом в государстве импорта или других государствах. Так, в соответствии с п. 2 (g) ст. 4 конвенции каждое государство-участник обязано принять меры, чтобы «не допускать импорта опасных и других отходов, если есть основания полагать, что использование этих отходов не будет осуществляться экологически обоснованным образом».

В соответствии с данным принципом опасные или другие отходы при трансграничной перевозке должны упаковываться, маркироваться и транспортироваться согласно международным правилам и нормам, а также сопровождаться документом о перевозке опасных отходов от пункта, из которого начинается трансграничная перевозка, до места удаления.

Принцип запрета незаконного оборота опасных и токсичных отходов закреплен в ст. 9 Базельской конвенции, согласно которой «незаконный оборот» означает любую трансграничную перевозку опасных или других отходов: без уведомления всех заинтересованных государств; без согласия заинтересованного государства; с согласия, полученного от заинтересованных государств путем фальсификации, обмана или введения в заблуждение; не соответствующую документам; ведущую к преднамеренному удалению опасных и других отходов в нарушение конвенции и общих принципов международного права.

В случае допущения незаконного оборота опасных и токсичных отходов Базельская конвенция устанавливает юридические последствия для государств импортеров и экспортеров, а именно: опасные и токсичные отходы должны быть удалены в течение 30 дней после того, как государство экспорта или импорта было информировано о незаконном обороте, либо в течение такого иного периода времени, о котором могут договориться заинтересованные государства. При этом Стороны обязаны не возражать, не создавать помех, а сотрудничать в удалении отходов экологически обоснованным образом. При этом государство импорта обеспечивает возвращение этих отходов экспортеру и возбуждение судебного преследования. Таким образом, каждое государство должно устанавливать национальное законодательство для уголовного наказания тех лиц, которые принимают участие или содействуют незаконному обороту опасных отходов.

Указанный принцип получил закрепление в рамках программной области Повестки дня на XXI век для предотвращения незаконной международной перевозки опасных отходов посредством: 1) укрепления национального потенциала по определению и предотвращению любых незаконных попыток ввоза опасных отходов на территорию какого-либо государства в нарушение национального законодательства и соответствующих международных правовых документов; 2) оказания помощи всем странам, особенно развивающимся странам, в получении всей соответствующей информации, касающейся незаконной перевозки опасных отходов; 3) осуществления сотрудничества в рамках Базельской конвенции в оказании помощи странам, страдающим от последствий незаконного оборота.

По итогам проведенного исследования необходимо сделать вывод о том, что система норм-принципов, сформированная и закрепленная в Базельской конвенции, Повестке дня на XXI век, Рио-де-Жанейрской и Стокгольмской декларациях, устанавливает основы регулирования общественных отношений, связанных с трансграничным перемещением опасных и токсичных отходов. В регулировании данных отношений, в том числе в сфере незаконного оборота опасных отходов, особая роль отводится национальному законодательству государств, включая закрепленные в нем меры уголовного преследования. Реализация рассмотренных принципов государствами на международном уровне и в государственной практике составляет необходимое условие регулирования отношений в области трансграничного перемещения опасных отходов.

Список литературы

1. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, Базель, 22 марта 1989 г., ратифицирована Федеральным законом от 25 ноября 1994 г. N 49-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации от 29 апреля 1996 г., N 18, ст. 2066, в Бюллетене международных договоров, 1996 г., № 7. С. 25.
2. Венская Конвенции об охране озонового слоя (Вена, 1985 г.) // Международное публичное право: Сборник документов. – М. 1996. Т 2. С. 181-184.
3. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды от 16 июня 1972 г. (Принята в г. Стокгольме 16.06.1972 на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды) // Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 682-687.
4. Декларация по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. (г. Рио-де-Жанейро) // Московский журнал международного права. – 1992. – № 4. – С. 207-213.
5. Женевская конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 1979 г.) // Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1980 года N 1992-Х // Ведомости Верховного Совета СССР N 23, 1983 год.
6. Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 г. (г. Базель, ратифицирована Федеральным законом Российской Федерации от 25 ноября 1994 г. № 49-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 18. – Ст. 2066.
7. Повестка дня на XXI век (г. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.) // URL: <http://rdocs3.cntd.ru/document/901894820?block=7> (дата обращения: 26 июня 2017 г.).
8. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г.// Бюллетень международных договоров, N 12, 2012 г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ (СТ. 302 УК РФ)

Зеленина С.А.

адъюнкт кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В данной статье проанализирована проблема измерения общественной опасности преступления, предусмотренного в ст. 302 УК РФ. Автор соотносит нормы закона с историко-теоретическими наработками в области объекта и субъекта преступления, выделяя круг общественных отношений, определяющих криминализацию данного деяния. В статье использованы формально-юридический, логико-технический, сравнительный и герменевтический методы исследования. В результате предложен авторский подход к оценке общественной опасности принуждения к даче показаний и выявлены противоречия внутри институционального метода к исследованию объекта данного преступления. Таким образом, если субъектом выступает другое лицо, которое действует с ведома или молчаливого согласия следователя (дознателя), то налицо комбинированная объективная сторона, при которой у одного виновного присутствует активное поведение (действие), а у второго – пассивное (бездействие следователя, дознателя).

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, преступления против правосудия, должностные преступления, объект преступления, общественная опасность, уголовное наказание.

Конструкция диспозиции ст. 302 УК РФ на фоне многих других составов преступлений против правосудия представляет собой последовательность субъек-

тивных признаков, которые являются определяющими на фоне объективной стороны данного деяния. Последнее в связи с этим вписано лишь в контекст нормы, что повлияло на установление его содержания. Результатом такой особенности формулировок в науке уголовного права не сложилось единого подхода к восприятию отдельных квалификационных условий принуждения к даче показаний.

В качестве объективных признаков состава преступления исследователи традиционно выделяют родовой, видовой и непосредственный объекты посягательства, категории потерпевших и способ осуществления принуждения [2, с. 46]. Однако раскрытие этих элементов в специальной литературе выглядит к настоящему момент несколько противоречиво. Рассмотрим эту проблему на примере объекта принуждения к даче показаний.

Если руководствоваться системным подходом, то под родовым объектом анализируемого состава понимаются те общественные отношения, которые призваны обеспечивать деятельность органов правосудия [3, с. 145]. Вместе с тем с институциональной позиции он замыкается на круге общественных отношений, возникающих по поводу осуществления государственной власти в целом, а не только её специального правоохранительного сегмента [5, с. 11]. Если говорить о деятельности судебно-следственных органов как об общественных отношениях, осуществляемых в сфере правосудия, то ст. 302 УК РФ характеризует их в качестве видового, а не родового объекта преступления [5, с. 11].

При этом выделяется и третья точка зрения, в соответствии с которой потребность в установлении родового и видового объекта в данном преступном посягательстве вовсе отсутствует, поскольку диспозиция ст. 302 УК РФ вполне конкретно описывает непосредственный объект, исходя из которого определяется круг потерпевших и тех общественных отношений, которые нарушены между ними и потенциально виновным лицом [7]. Последнее выступает основой для криминализации принудительных мер, противоречащих закону, поскольку сама по себе судебно-дознательская деятельность предполагает наличие у должностных лиц определённых полномочий по применению дозволенного принуждения [4]. Следовательно, их нарушение является первичным признаком, характеризующим данный состав преступления.

Между тем, значимость разграничения родового и видового объекта в рассматриваемом составе представляется принципиальным вопросом, поскольку он вытекает из природы его общественной опасности. Любое принудительное воздействие на одного из перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ участников уголовного процесса является формой злоупотребления или превышения должностных полномочий, имеющихся у следователя (дознателя). Тем самым данные деяния отграничиваются от ряда смежных составов, предусмотренных, в частности, статьями 285 и 286 УК РФ. Последние в своём системном виде имеют общий характер, а состав, закреплённый в ст. 302 УК РФ, является специальным.

Различия в объекте преступления проецируют особенности объективной стороны, которая представлена действием специального или общего субъекта в виде принуждения определённого лица к формированию конкретных показаний. Именно на активную форму поведения виновного указывает большинство специалистов [1, с. 42]. Однако диспозиция ч. 1 ст. 302 УК РФ допускает и пассивную форму, т.е. преступное бездействие, при котором специальный субъект (следователь или дознаватель) знает о незаконности принуждения потерпевшего к даче определённых показаний, но не предпринимает возложенных на него законом функций по пресечению

данных действий. Более того, он использует или планирует использовать полученные принудительным способом показания для производства по уголовному делу, тем самым подвергает риску производство по уголовному делу.

Особенно наглядным наличие пассивного поведения в объективной стороне наблюдается в аспекте соучастия в совершении данного деяния. Вместе с тем, как подчёркивает В.В. Райгородский, и в том, и в другом случае присутствие активного поведенческого элемента выступает основополагающим объективным признаком [6, с. 68]. Невозможно принудить к даче показаний без соответствующего физического или психического воздействия на потерпевшего. Однако всецело согласиться с такой позицией не представляется возможным, поскольку объективная сторона принуждения к даче показаний по обеим частям ст. 302 УК РФ имеет двухзвенную структуру, поставленную в зависимость от субъекта преступления:

1) если субъектом выступает следователь или лицо, осуществляющее дознание, то объективная сторона всегда выражается в конкретном преступном действии в адрес одного из перечисленных в ч. 1 ст. 302 УК РФ участников уголовного процесса;

2) если субъектом выступает другое лицо, которое действует с ведома или молчаливого согласия следователя (дознателя), то налицо комбинированная объективная сторона, при которой у одного виновного присутствует активное поведение (действие), а у второго – пассивное (бездействие следователя, дознавателя).

Список литературы

1. Борисов В.И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2012. 260 с.
2. Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Красноярск, 2000. 181 с.
3. Курс уголовного права: В 5 т. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 145. (автор главы – М.Н. Голоднюк).
4. Метельский П.С. Объективная сторона подкупа или принуждения к даче показаний // Уголовный процесс. 2013. № 3 (99). С. 44-49.
5. Преступления против правосудия / А.Н. Александров, Ю.И. Антонов, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: НОРМА, 2005. 416 с.
6. Райгородский В.В. Уголовно-правовая характеристика подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. 203 с.
7. Чурилов Ю.Ю. Формы физического принуждения к даче признательных показаний и тактика профессиональной защиты // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 76-85.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ (СТ. 302 УК РФ)

Зеленина С.А.

адъюнкт кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В данной статье проанализирована проблема измерения объективной стороны преступления, предусмотренного в ст. 302 УК РФ. Автор соотносит нормы закона с историко-

теоретическими наработками в области объекта и субъекта преступления, выделяя круг общественных отношений, определяющих криминализацию данного деяния. В статье использованы формально-юридический, логико-технический, сравнительный и герменевтический методы исследования. В результате предложен авторский подход к оценке объективной стороны принуждения к даче показаний и выявлены противоречия внутри институционального метода к исследованию объективных признаков данного преступления. Таким образом, если субъектом выступает другое лицо, которое действует с ведома или молчаливого согласия следователя (дознателя), то налицо комбинированная объективная сторона, при которой у одного виновного присутствует активное поведение (действие), а у второго – пассивное (бездействие следователя, дознавателя).

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, преступления против правосудия, должностные преступления, объект преступления, общественная опасность, уголовное наказание.

Объективная сторона принуждения к даче показаний по обеим частям ст. 302 УК РФ имеет двухзвенную структуру, поставленную в зависимость от субъекта преступления:

1) если субъектом выступает следователь или лицо, осуществляющее дознание, то объективная сторона всегда выражается в конкретном преступном действии в адрес одного из перечисленных в ч. 1 ст. 302 УК РФ участников уголовного процесса;

2) если субъектом выступает другое лицо, которое действует с ведома или молчаливого согласия следователя (дознателя), то налицо комбинированная объективная сторона, при которой у одного виновного присутствует активное поведение (действие), а у второго – пассивное (бездействие следователя, дознавателя).

Кроме того, присутствие второго субъекта может сопровождаться действием не только с его стороны, но и со стороны следователя (дознателя). Тем самым они оба выступают в качестве соисполнителей [2]. Примечательно, что в судебной практике такие примеры встречаются крайне редко. К уголовной ответственности привлекается другое лицо, которое действовало с ведома или по молчаливому согласию следователя (дознателя), однако последний отсутствует на скамье подсудимых. Такой подход правоприменителя связан с дефектом толкования субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ [3]. В частности, акцент при криминализации принуждения к даче показаний сделан в пользу активного поведения. Отсюда следует, что виновным считается лишь тот субъект, который оказывал непосредственное воздействие на потерпевшего одним из запрещённых законом способов. Преступное бездействие следователя либо лица, осуществляющего дознание, при этом искусственно выводится из-под диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ, что нельзя считать корректным применением данной уголовно-правовой нормы.

Ранжирование объективной стороны на активное и пассивное поведение имеет квалификационное значение в связи с тем, что граничит с объективной стороной другого состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ. В частности, если не установлен факт действия или бездействия специального субъекта по ст. 302 УК РФ – следователя либо лица, производящего дознание – принудительные меры в адрес потерпевшего, свидетеля, эксперта или специалиста со стороны общего субъекта преступления квалифицируются по ч. 2 ст. 309 УК РФ.

В то же время диспозиции сравниваемых норм имеют неравнозначный объём объективных признаков. Так, по ч. 1 ст. 302 УК РФ действия, направленные на принуждение к даче показаний, могут выражаться в различных мерах, противоречащих закону. Напротив, объективная сторона по ч. 2 ст. 309 УК РФ предполагает обязательное наличие в действиях виновного лица одной из следующих принудительных мер: шантаж, угроза убийством, причинение вреда здоровью, повреждение или уничтожение имущества потерпевшего, а равно его близких. Тем самым любые иные незаконные меры, направленные на принуждение к даче показаний, со стороны общего субъекта преступления не охватываются диспозицией ч. 2 ст. 309 УК РФ. В таких случаях преступление необходимо квалифицировать по другим статьям УК РФ в зависимости от характера деяния (например, ст. 115, 116, 117, 119 и др.).

Не совпадают в сравниваемых составах преступлений категории потерпевших. Так, по ч. 2 ст. 309 к ним относятся лишь свидетели, потерпевшие, эксперты, специалисты и переводчики в рамках уголовного производства, а в рамках диспозиции ч. 1 ст. 302 к их числу добавлены подозреваемый и обвиняемый, но исключена категория переводчиков. По мнению ряда исследователей, переводчики незаконно проигнорированы законодателем, поскольку находятся в той же зоне риска, как и эксперты, и специалисты в рамках ст. 302 УК РФ [1, с. 84; 4, с. 61]. Другие авторы полагают, что статус переводчика во многом схож с процессуальным положением специалиста, и на данном основании предлагают расширительно толковать ч. 1 ст. 302 УК РФ в этом аспекте.

На наш взгляд, исключение переводчика из числа потенциальных потерпевших оправданно в силу того, что по УПК РФ данная категория участников уголовного процесса не призвана давать какие-либо показания и делать заключения по делу. Переводчики выполняют несколько иную функцию, поэтому их процессуальный статус охраняется другими нормами УК РФ (ст.ст. 307, ч. 2 ст. 309, 310). Тем самым следует констатировать, что законодатель вполне осознанно не включил данных участников уголовного процесса в число потенциальных потерпевших по ст. 302 УК РФ.

Отсюда следует, что объект преступления, закреплённого в ст. 302 УК РФ, имеет более широкий диапазон общественных отношений, чем объективные признаки состава, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ. По данной причине закономерны и расхождения в объективной стороне этих деяний, отличающихся не только набором принудительных мер, но и обязательным наличием преступного бездействия соучастника со специальным статусом – следователя или лица, осуществляющего дознание.

Кроме того, диспозиция ч. 2 ст. 309 УК РФ содержит закрытый перечень действий, образующих объективную сторону, а в ч. 1 ст. 302 УК РФ набор аналогичных действий носит открытый характер. К последним относятся угрозы любого типа, в том числе шантаж. Однако определяющего квалифицирующего значения данные способы принуждения не имеют, поскольку достаточным выступает условие незаконности самого действия, а не его форма.

Список литературы

1. Авдеева Е.А. Принуждение к даче показаний (причины и меры предупреждения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. 225 с.
2. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 07.05.2013 по делу N 33-3958-2013г. «В удовлетворении заявления о пересмотре судебного акта по

вновь открывшимся обстоятельствам отказано правомерно, поскольку суд пришел к обоснованному выводу, что обстоятельства, указанные заявителем, вновь открывшимися не являются» // Документ официально не опубликован. СПС «Гарант».

3. Кальницкий В., Борков В. О необходимом соисполнительстве при принуждении к даче показаний «другими лицами» // Уголовное право. 2006. № 3. С. 26-30.

4. Попов Н.А. Принуждение к даче показаний (квалификация и предупреждение). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Омск, 2001. 208 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЕМА И РЕГИСТРАЦИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Игнатьев А.В.

магистрант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Перепелкин В.И.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Статья посвящена вопросам предупреждения преступности в местах лишения свободы. Рассматриваются проблемы, связанные с приемом и регистрацией сообщений о преступлениях в местах лишения свободы. Предлагается внести изменения в законодательство, регулирующие прием и регистрацию сообщений о преступлениях в местах лишения свободы, учитывающие специфику функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС) при приеме и регистрации сообщений о преступлениях в местах лишения свободы.

Ключевые слова: преступность в местах лишения свободы, сообщения о преступлениях в местах лишения свободы, прием и регистрация сообщений о преступлениях в местах лишения свободы, специфика учреждений уголовно-исполнительной системы.

В местах лишения свободы уровень зарегистрированных преступлений продолжает оставаться достаточно высоким. Основную массу преступлений несут насильственный характер, включая убийства, нанесения тяжкого вреда здоровью, насильственный гомосексуализм. Высока латентность правонарушений.

Важным аспектом противодействия преступности в местах лишения свободы является повышение эффективности деятельности всех учреждений УИС РФ. Одним из способов положительного воздействия на сложившуюся ситуацию является повышение результативности уголовно-процессуальной деятельности, связанной с приемом и регистрацией, а также проверкой и разрешением сообщений о преступлениях [6], которые совершаются в местах лишения свободы.

Особенности приема и регистрации сообщений о преступлениях в местах лишения свободы отражены в Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях (далее – Инструкция). Данная Инструкция утверждена приказом Минюста России от 11.07.2006 N 250 [2].

Согласно пункту 2 данной Инструкции сообщения о преступлениях и происшествиях принимаются в учреждениях и органах УИС круглосуточно старшими оперативными дежурными, оперативными дежурными по территориальным органам УИС, дежурными помощниками начальника учреждения, дежурными помощниками начальника колонии, дежурными помощниками начальника больницы, дежурными помощниками начальника следственного изолятора, дежурными помощниками начальника тюрьмы (или их заместителями). В рабочее время допускается осуществлять прием сообщений о преступлениях и происшествиях и другими сотрудниками, специально уполномоченными на осуществление этих функций. Прием заявлений о преступлениях и происшествиях обязаны также осуществлять все лица рядового и начальствующего состава учреждений и органов УИС.

В учреждениях и органах УИС сообщения о преступлениях согласно пункту 13 Инструкции регистрируются в Книге регистрации сообщений о преступлениях, а информация о происшествиях – в Журнале регистрации информации о происшествиях.

Однако, по нашему мнению, одним из недостатков законодательства является то, что в Инструкции отсутствуют критерии, по которым уполномоченные на то лица должны определять, в каком учетном документе (в Книге регистрации сообщений о преступлениях или в Журнале регистрации информации о происшествиях) необходимо зарегистрировать то или иное поступившее сообщение. Ведь на практике зачастую при поступлении сообщений о преступлениях и происшествиях, из их содержания сразу невозможно установить, было ли совершено преступление, или же дисциплинарный проступок. В УПК РФ на данный счет более определенно указал, в частности, в ч.1 ст.176 говорится про осмотр места происшествия, акцентируя на том, что факт совершения преступления устанавливается только в ходе дальнейшего расследования [1, 3-5]. В связи с этим представляется, что в Инструкции необходимо установить критерии, на основании которых будет определено, в каком учетном документе должно быть зарегистрировано поступившее о преступлении либо происшествии сообщение. Закрепление в Инструкции таких критериев значительно упростит деятельность должностных лиц УИС, связанную с приемом и регистрацией сообщений о происшествиях и преступлениях.

Согласно пункту 4 Инструкции при получении явки с повинной, заявления или сообщения о преступлении непосредственно от заявителя или при оформлении протокола устного заявления сотрудник, принявший заявление, помимо регистрации, обязан выдать заявителю под роспись талон-уведомление с указанием данных о лице, принявшем заявление, а также даты и времени его принятия.

По нашему мнению, в пункт 4 Инструкции необходимо также внести изменения, поскольку данный пункт недостаточно учитывает особенности и специфику функционирования учреждений УИС и отбывания осужденными наказания.

На практике часто возникают ситуации, когда осужденный, мало того, что сообщил о преступлении, так и еще имеет на руках выданный об этом талон-уведомление, становится объектом расправы со стороны других осужденных из-за наличия соответствующих традиций тюремной субкультуры. Поэтому, автор работы считает, что при получении сообщения о преступлении напрямую от осужденного в целях же безопасности самого осужденного должностными лицам УИС сообщение о преступлении должно быть зарегистрировано надлежащим образом, должны быть приняты меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством, но без выдачи осужденному талона-уведомления. Однако, в связи с

тем, что талон-уведомление является единственным документом, который может подтвердить факт обращения осужденного о совершенном преступлении, а также для того, чтобы исключить злоупотребления со стороны должностных лиц УИС, следует при отказе осужденного от получения талона-уведомления обязать последнего в книге регистрации сообщений о преступлениях сделать отметку, о том, что он добровольно отказывается от получения талона-уведомления.

Также на практике часты случаи, когда сообщения о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы, подаются анонимно, посредством анонимных писем или заявлений. Следует отметить, что в соответствии с пунктом 3 Инструкции в Книге регистрации сообщений о преступлениях анонимные письма не регистрируются. Исходя из буквального толкования названной нормы, следует, что в Книге регистрации сообщений о преступлениях не подлежат регистрации анонимные сообщения о преступлениях, которые поступили в письменной форме. Однако в Инструкции не определен порядок действий должностных лиц УИС при получении устных анонимных сообщений о преступлениях, к примеру, поступивших по телефону.

Следует отметить, что анонимные письма в соответствии с пунктом 7 статьи 141 УПК РФ не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела. Тем не менее, мы полагаем, что такие сообщения в обязательном порядке должны быть зарегистрированы в целях, как их учета, так и возможности проверки со стороны руководства мер, которые по ним предпринимались. В связи с этим пункт 3 Инструкции должен быть дополнен положением о том, что в случае проверки анонимного устного сообщения информация о преступлении подтвердилась, то уполномоченным должностным лицом УИС должен быть составлен рапорт об обнаружении признаков преступного деяния.

Таким образом, по мнению автора работы, законодательство, регулирующее прием и регистрацию сообщений о преступлениях в местах лишения свободы, нуждается в изменении и дополнении, которые более полно должны учитывать специфику функционирования учреждений УИС, а также условий отбывания наказания осужденными.

Список литературы

1. УПК РФ от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.
2. Приказ Минюста России от 11 июля 2006 г. N 250 (ред. от 15 августа 2016 г.) "Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях" // Российская газета. – 2006. – N 171.
3. Перепелкин В.И., Константинова Ю.С. Актуальные проблемы организации и проведения осмотра места происшествия по грабёжам и разбойным нападениям на открытой местности В сборнике: Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения. Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ответств. за выпуск: Т. Н. Потапова. 2017. С. 436-440.
4. Перепелкин В.И. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств. В сб.: Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества Матер. XVI межвуз. научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 192-198.
5. Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А Криминалистическая характеристика квартирных краж. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной прак-

тики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 476-480.

6. Перепелкин В.И. Некоторые проблемы фиксации доказательственной информации при допросе. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 350-353.

СТАДИЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА КАК ЭЛЕМЕНТ ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА

Кенжебаев М.С.

магистр юрид. наук, докторант,

Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, Казахстан, г. Караганда

В статье рассматривается психологическое содержание тактического приема, применяемого в досудебном расследовании уголовного дела. Раскрываются особенности поддержания психологического контакта после его установления с участниками расследования, определяется его эффективное значение для реализации тактического приема.

Ключевые слова: тактический прием, психология расследования, установление и поддержание психологического контакта.

Установление истины по делу является задачей каждого досудебного расследования. Успех же в достижении данной цели зачастую зависит от применяемых тактических приемов, которые в свою очередь содержат в себе психологическую составляющую.

После установления психологического контакта следующей стадией в динамике его развития обычно считают его поддержание. Вместе с тем, разграничение приемов достижения психологического контакта и его поддержания носит условный характер. Создание положительного фона в отношениях является неременным условием установления психологического контакта. Этот фон необходим и для его поддержания. Однако само поддержание контакта связано с процессом организации оптимальной активности общения. В свою очередь, эта организация во многом связана с качествами допрашивающего обеспечивающими возможность выслушать допрашиваемого и дать ему выговориться, а также разумностью построения диалога, позволяющего избежать конфронтации.

Существует определенная классификация ошибок [1, с. 11-12] допускаемых при общении, которые располагаются в плоскости от «пролома» дистанции и установления «панибратских» отношений до игнорирования попыток разговора, либо создания «ореола недосягаемости» для общения на равных. При этом, данная недосягаемость зачастую связана многозначительностью тона лица, проводящего расследование, категоричностью в суждении, отсутствием терпимости к критике, позиционирование себя как абсолюта. Здесь, демонстрация своих положительных качеств, безусловно, является сильным приемом воспитательного воздействия. Вместе с тем, безупречность таких примеров способствует возникновению подозрений в правдивости такой демонстрации. На основании изложенного, следует заключить, что активность общения лица, проводящего расследование, определяется настойчивым стремлением последнего к получению наиболее полной информации по делу.

Такое стремление дополняется эффективным слушанием – сопереживанием. При этом активность общения следует рассматривать как разновидность социальной активности лица, осуществляющего расследование, под которой зачастую понимается совокупность профессиональной, общественно-политической и духовной активности [2, с. 12]. Слушание – сопереживание, будучи эффективным средством поддержания психологического контакта, заключается в том, что слушающие воздерживаются от суждений по поводу излагающего, ставя себя как бы на его место. Такой прием осуществим при следовании ряду условий:

- уважение рассказывающего и ощущение контакта с ним;
- сосредоточенность рассказывающего;
- концентрация на манере общения собеседника, включая язык телодвижений;
- сопереживание, мотивации, чувствам и эмоциям рассказывающего;
- направление внимания слушающего сугубо на процесс слушания [3, с. 27].

Такое слушание-сопереживание предполагает проявление эмпатии. Это эмпатическое чувство особенно необходимо при допросе потерпевшего, перенесшего глубокое эмоциональное потрясение, стресс. Здесь, настройка на «эмоциональную волну» данного лица при его допросе оказывает и незаменимую психологическую помощь, поскольку допрашиваемый, осознавая сопереживание со стороны допрашивающего, проникается к нему чувством некоего доверия. При этом, случившееся преступлении, являясь по своей сути и аморальным поступком, вызывает справедливое негодование как у потерпевшего, так и у лица, осуществляющего расследование. Куда как более сложно проявить эмпатию по отношению к подозреваемому или обвиняемому. Здесь условия изучения личности допрашиваемого перед допросом становятся еще более актуальными. Кроме того, следует учитывать, что психологи экспериментальным образом определили, что нам прежде всего нравятся такие люди, у которых есть маленькие человеческие недостатки, образ же «человека исключительных достоинств» является одной из тех масок, которые многие примеряют в надежде на успех, а это как раз мешает удаче [4, с. 33]. В этой связи, далеко не всегда разумна предлагаемая к криминалистике рекомендация по демонстрации нравственного и интеллектуального превосходства лица, осуществляющего расследование [5, с. 67]. В целом, «настройка на волну собеседника» включает в себя два момента – эмоциональный и рациональный аспекты. При этом эмоциональная настройка означает стремление к проявлению эмпатии, а рациональная представляет из себя как поиск общего языка в процессе коммуникативной деятельности. В этой ситуации подразумеваются как вербальные, так и невербальные средства общения.

Вербальная сторона должна соответствовать двум основным условиям:

1) слова, выражения и фразы должны звучать таким образом, чтобы не вводить допрашиваемого в заблуждение, не выглядеть как угроза, не быть диктатом своей воли» что исключает шантаж, угрозы, обман, иные методы вербального психического насилия;

2) слова и фразы должны быть понятны допрашиваемому.

Невербальная сторона должна соответствовать рекомендациям современной психологии, которые активизируют внимание беседующих и располагают их к общению. Психологи указывают следующие методы применения средств невербальной коммуникации:

1) принятие положения «равного уровня», включающего взгляд, направленный непосредственно на слушателя, (необходимо сохранение контакта глаз собе-

седников в течение 60% всего времени общения), а также не напряженную, сконцентрированную и целеустремленную позу;

2) использование невербального одобрения и речевого выражения – знаков внимания (доброжелательный тон речи, контакт глаз, утвердительное покачивание головой, прикосновение к руке говорящего и пр.);

3) обращение внимания на выражение лица, поскольку заинтересованный вид, улыбка, другие проявления позитивного отношения побуждают слушателя к продолжению общения;

4) сведение к минимуму признаков негативного отношения;

5) использование в каждом удобном случае для поддержания доверительных отношений активного слушания – сопереживания [6, с. 40].

Таким образом, умение лица слышать включает в себя не только возможность воспринимать вербальную и невербальную информацию, но и способность контролировать и корректировать свое поведение. В этой связи. «умение слышать» является весьма условным термином, поскольку в структуру восприятия получаемой информации включаются не только слуховые возможности. В таком умении можно выделить ряд следующих элементов:

1) способность достоверного понимания и фиксации получаемой информации;

2) способность проявления эмпатии и умение настроиться на «эмоциональную волну» собеседника;

3) способность контроля и координации своей речи и жестов в целях расположения к общению, а также способность поддержания психологического контакта (умение слушать информацию, исходящую от самого себя);

4) способность найти «общий» язык с собеседником.

Полагаем, что понимание термина «умение слышать, умение слушать» в психологии может быть вполне применимо и в криминалистическом понимании. Думается, что в криминалистическом понимании и в рамках достижения отдельной тактической задачи поддержания и установления контакта можно понимать, как профессиональный навык, основанный на осознанном или интуитивном следовании психолого-криминалистическим рекомендациям по организации процесса общения. В этой связи важным моментом может являться и вопрос научного осмысления психологических рекомендаций в части использования в общении «слабых мест противника» [7, с. 122].

В психологической науке использование таких знаний признано порочным поведением, которое может навсегда посорить с собеседником [8, с. 58]. К аналогичным результатам можно прийти и после изучения опросных листов. Так среди значимых барьеров, возникающих в ходе общения, можно выделить проявление лицом, осуществляющим расследование эмоциональной несдержанности. Так, опрос указанных лиц позволил установить, что только 45% респондентов иногда сдерживают свои эмоции в процессе общения. Безусловно, эти результаты, свидетельствуя об искренности опрашиваемых, не свидетельствуют о профессионализме последних. Указанная несдержанность может проявляться в открытых проявлениях гнева, эмоций презрения, превосходства, выдвижении различного рода ультиматумов. Сдерживание таких эмоций зависит не только от волевых качеств личности проводящей расследование. Большую роль может сыграть прохождение различных тренингов, направленных на такое сдерживание. Такие субъективные барьеры общения в психологической науке получили свое достаточное исследование [9, с. 57-61]. Большое значение в устранении данных субъективных барьеров при-

обретает вопрос работы над собой. При этом, разбор ошибок такого характера может быть успешно осуществлен благодаря видеозаписи проведенных ранее процессуальных действий. По сути, он является следующим аналитическим этапом в изучении личности собеседника.

Однако трудности, возникающие при установлении и поддержания психологического контакта, можно подразделить на объективные и субъективные. Последние, имея под собой сугубо личные причины, рассмотрены нами выше. Объективные причины, имеющие место в процессе профессионального общения лица, проводящего расследование (шумы, присутствие посторонних лиц, звонки телефона и пр.) следует устранить еще до самого проведения следственного действия. Такие причины часто в психологии называют внешними обстоятельствами, к числу которых также относят шум транспорта, или работающих механизмов, температуру в помещении (слишком холодно или слишком жарко), плохую акустику, окружающую обстановку, прерывание разговора, телефонные звонки, ограниченность во времени, чрезмерную нагрузку по работе, необходимость делать несколько вещей одновременно и пр. [10, с. 95-96].

В свою очередь внешние обстоятельства можно разделить на устранимые и нейтрализуемые. Между тем, в такой классификации речь идет лишь о степени их устранения. Поскольку второй вид, обозначенный нами допуская их возникновение предполагает введение дополнительных условий, сглаживающих негативный эффект к нулю. Первый же, полностью исключает наступление самих негативных обстоятельств. При, казалось бы, гораздо более эффективном использовании первого вида обстоятельств – т.е. устранения негативных обстоятельств внешнего характера, говорить об однозначном передовом характере такого устранения нельзя. Такой вывод связан с тем, что те или иные внешние обстоятельства являются неизбежным следствием противоречия интересов участников процесса, высокой динамики расследования, в которой исключение того или иного варианта поведения, устраняющего то или иное обстоятельство, означает и исключение позитивных вероятностей. Такая ситуация может оказаться крайне невыгодной для расследования в целом, ибо достижение отдельной тактической задачи посредством «устранения» может исключить другие вероятности в расследовании или существенно осложнить его в целом. Поэтому наличие арсенала отдельных тактических приемов или способов нейтрализации негативных обстоятельств внешнего характера у лица, осуществляющего расследование, является залогом успешного расследования.

В итоге необходимо констатировать, что поддержание психологического контакта также важно, как и его установление. Его наличие способствует не только реализации тактических приемов, но установлению истины по расследуемому делу.

Список литературы

1. Петрушин С.В. Секреты открытого общения. – Казань: Татарское книжное издательство, 1994.
2. Дrajина И.В. Нравственные принципы следственной деятельности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1984.
3. Беркли-Ален. М. Забытое искусство слушать. – СПб.: Изд-во «Питер Пресс», 1997.
4. Гозман Л.Я., Ажгихина Н.И. Психология симпатий. – М.: Изд-во «Знание», Народный университет, педагогический факультет, 1988, № 9.
5. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. – Минск: Изд-во: «Вышэйшая школа», 1971.

6. Беркли Ален М. Забытое искусство слушать. – М., 1997.
7. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних.
8. Фолкэн Чак Т. Психология – это просто. Пер. с англ. Р. Муртазина. – М.: Изд-во: Агентство «Фаир», 1998.
9. Фолкэн Чак Т. Психология – это просто. Пер. с англ. Р. Муртазина. М., 2000.
10. Беркли-Ален М. Забытое искусство слушать. – М., 1997.

ЗАКОННОСТЬ – МЕРА ДЕЙСТВИЯ ПРАВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Козин А.В., Морозова Т.И.

магистранты юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются вопросы реализации принципа законности в правовом регулировании экономических отношений. Соблюдение социально-экономических прав граждан должно осуществляться в правовом государстве с применением основных положений и принципов законности.

Ключевые слова: законность, социально-экономические права граждан, эффективность законодательства.

Законность в экономической сфере, ее состояние следует рассматривать с применением комплексного подхода, основанного на одной важной для теории государства и права аксиоме: «Законность – мера действия закона» [3]. Ее необходимо исследовать не только в процессе применения законов, регулирующих экономические отношения, но и в процессе их принятия. При этом соблюдение закона большинством, ассоциируемое с законностью, нужно оценивать лишь как одну из составляющих действия закона, следовательно, как одну из составляющих собственно экономической законности.

В юридической литературе говорится о значении теории государства и права для различных юридических наук, о ее общем, фундаментальном, направляющем, методологическом значениях. Методологическая функция права, обосновываемая теоретическим правоведением, на сегодняшний день, является важной для формирования системного знания в изучении, в том числе, законности в экономической сфере [2]. Основанная на плюралистическом правопонимании, современная методология юридической науки различает право и закон, поэтому, по нашему мнению, законность представляет собой меру права.

Плюралистическое правопонимание, где под правом понимается справедливая и разумная мера справедливости, равенства и свободы имеет большое значение для предупреждения правонарушений в экономической сфере и прямого действия принципа законности [7].

Современная теория государства и права опирается на достижения внутри и междотраслевых, исторических, политических, социологических, экономических наук, обобщает, синтезирует и систематизирует их выводы в едином синергичном (взаимодействующем) пространстве. С этой точки зрения, как отмечает Р.Ф. Степаненко, любое социальное правовое явление можно рассматривать как самоорганизующуюся динамичную систему [5], к которой можно отнести и законность.

Объединение двух крупных открытых динамично развивающихся систем (законность и экономика), способствуют построению правового государства.

Оценивая состояние законности в сфере экономики, помимо обязательных требований к правовой основе её реализации, необходимо обращать внимание на:

- 1) оперативность законотворческого процесса (своевременность принятия, изменения, отмены законов с учетом социально-экономической ситуации);
- 2) комплексность, разноотраслевую направленность норм права при регулировании экономических отношений;
- 3) детальное закрепление полномочий государственных органов, осуществляющих управление экономической деятельностью;
- 4) законодательное закрепление правового статуса субъектов предпринимательства, органов управления, которые устанавливают границы поведения в процессе выражения экономического интереса;
- 5) обеспеченность исполнения правовых предписаний, а также наличие необходимых для этого государственно-правовых механизмов (органы контроля и правоохраны).

Последние два десятилетия в российском государстве принимаются и вводятся в экономическую среду тысячи нормативных правовых актов по самому широкому кругу вопросов, касающихся различных сфер общественной жизни. Наблюдается усложнение законодательства и системы нормативных правовых актов Российской Федерации, что приводит к возникновению внутрисистемных проблем и негативных качественных изменений. Речь идет о юридических коллизиях, дисбалансе законодательной системы, снижении эффективности законов и др.

Характерной чертой законодательного процесса в России остается многочисленность внесения изменений в уже действующие или даже еще не вступившие в силу экономические законы. К примеру, в Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ «Налоговый Кодекс Российской Федерации, Часть Вторая» (далее – Закон № 117-ФЗ) по состоянию на 1 декабря 2017 г. изменения вносились законами только за период с января по ноябрь 2017 г. – 13 раз [8].

Причин практики постоянной корректировки законов может быть, как минимум, три. Во-первых, «исправление» ранее допущенных законодателями пробелов ввиду поспешности принятия закона, что не позволило провести глубокий и тщательный анализ его положений, установить взаимосвязь с уже действующими и весьма близкими по характеру законодательными актами, выявить возможные политико-правовые и социально-экономические последствия такого принятия. Во-вторых, это совершенствование законов посредством приведения их в соответствие с требованиями современного общества: изменение социально-экономических показателей, иных обстоятельств, требующих от законодателей корректировки правовой базы. В этой связи нельзя не отметить, что третья причина, характерна именно для экономики, т. к. отсутствие должного учета объективных экономических реалий при принятии нормативных правовых актов, имеет негативное значение и для права, и для экономики.

Говоря о качестве нормативно-правовой основы экономической деятельности, оказывающей основополагающее влияние на состояние законности, нельзя оставить вне поля зрения вопросы эффективности экономического законодательства.

Практически каждый экономический закон требует принятия подзаконных правовых актов в пределах компетенции органов государственной власти и органов местного самоуправления, развивающих и уточняющих его законодательные по-

ложения с учетом специфики уровня публичной власти (федеральная, региональная и местная) и профиля деятельности этих органов. В данном случае, речь можно вести о таких различных по юридической силе подзаконных актах, как указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы, положения, указания федеральных и региональных органов исполнительной власти, постановления, распоряжения органов местного самоуправления. Так, регулирование сферы налогообложения осуществляется «базовыми» Законами № 146-ФЗ, 117-ФЗ, в развитие которых исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации проводится собственное правовое регулирование отдельных вопросов.

Позитивным представляется введение в практику законодательной деятельности общественного обсуждения проектов экономических нормативных правовых актов. Данная процедура, несмотря на то, что значительно увеличивает срок подготовки и принятия правового акта ввиду необходимости дополнительного времени на сбор, обработку и учет мнения общественности, в конечном итоге положительно сказывается в правоприменении экономического закона, поскольку на стадии обсуждения общественное мнение позволяет устранить пробелы, противоречия, коррупциогенные факторы, содержащиеся в проекте правового акта.

Например, несоблюдение органом государственной власти и органом местного самоуправления пределов своих компетенций при издании нормативного правового акта в настоящее время, к сожалению, остается достаточно распространенным негативным явлением. Руководители указанных органов публичной власти, зачастую принимая нормативный правовой акт экономического действия, игнорируют требования Конституции Российской Федерации, федеральных законов, иных нормативных правовых актов высшего юридического действия. Вследствие таких действий нарушаются конституционные права и свободы граждан. Соблюдение социальных, культурных и экономических прав является основным требованием законности, что необходимо признавать и учитывать в ходе создания нормативных актов, во избежание их неправомерной и, особенно, коррупционной направленности. Несоблюдение конституционных экономических прав и свобод, способствует развитию негативных тенденций увеличения числа социально-незащищенных и уязвимых слоев населения. Их нахождение в маргинальном (отчужденном) от смыслов права положении способствует совершению ими правонарушений, в т.ч. преступлений [6], отмечает Р.Ф. Степаненко.

Особенно общественно-опасным явлением для экономической и правовой систем является коррупция.

Коррупциогенные факторы, негативно характеризующие нормативные правовые акты и состояние законности в целом, возникают на всех этапах движения правового акта, начиная с замысла и содержания норм в тексте закона и иного нормативного правового акта и завершая его практической реализацией и достижением результатов [1, с. 15].

Так, Прокуратурой по Республике Татарстан только за январь – июнь 2017 г. выявлено 708 нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы, данный показатель вырос на 6,9% по сравнению с 2016 г. (январь – июнь), из них 557 нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, из которых были исключены коррупциогенные факторы в результате вмешательства прокурора. По всем указанным правовым актам прокурорами приняты необходимые меры реагирования [4].

Иными словами, круг потенциально коррупционных ситуаций расширяется, что вызывает тревогу в стране.

В настоящее время одним из основных негативных показателей эффективности законодательства является игнорирование на местах законодательных предписаний, попросту неисполнение законов, и это несмотря на действующий институт юридической ответственности за это.

Можно отметить, что на состояние законности в сфере экономики негативное влияние оказывает неустойчивость законодательства, выраженная в бессистемном, порой, внесении изменений в законы, которые способствуют дальнейшей законодательной корректировке экономических отношений. Отметим, что в настоящее время для России одним из основных негативных показателей эффективности законодательства, несмотря на действующий институт юридической ответственности, остается игнорирование законодательных предписаний (попросту неисполнение законов), прямо нарушающее принцип законности в экономической сфере.

Список литературы

1. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.И. Спектор. М., 2014. 150 с.
2. Бакулина Л. Т., Степаненко Р. Ф. Обзор материалов III Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований». Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135-152.
3. Ильин И.А. Теория права и государства [Электронный ресурс] / И.А. Ильин. – Электрон.текстовые данные. – М.: Зерцало, 2017. – 552 с. – 978-5-94373-399-4. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/64371.html>
4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-июнь 2017 г. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/?SHOWALL_1=1 (дата обращения 20.12.2017 г.).
5. Степаненко Р.Ф. Ресурсы синергетического подхода в современном теоретическом правоведении: опыт исследовательских практик общеправовой теории маргинальности. Право и политика. 2015. № 5. С. 610-618.
6. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности о проблеме правового регулирования социально-экономических отношений. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 4. С. 43-53.
7. Степаненко Р. Ф., Степаненко Г. Н. Теория предупреждения правонарушений: общеправовые и логико-методологические проблемы. Образование и право. 2017. № 2. С. 158-162.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Козин А.В., Морозова Т.И.

магистранты юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В современном обществе процесс глобализации мировой экономики меняет содержание и характер экономических и социальных отношений, качественные перемены касаются, в том числе права. Авторы в данной работе останавливают своё внимание на рассмотрении вопроса о роли социальной функции государства в правовом развитии отечественной экономики.

Ключевые слова: правовое регулирование, экономические отношения, принцип добросовестности.

В XXI в. процесс построения в России правового государства вызывает объективную потребность в укреплении правовых и нравственных начал в общественной и государственной жизни. Процесс глобализации мировой экономики меняет содержание и характер экономических и социальных отношений, качественные перемены касаются, в том числе права. Сейчас никто не подвергает сомнению его возрастающую роль в современный период, более того, актуальность права в регулировании данной области общественных отношений только увеличивается.

На переходном этапе развития Российской Федерации в рамках процесса демократических преобразований, происходит формирование новых общественно-экономических отношений, закладывается основа гражданского общества, правового, социального государства.

Конституция Российской Федерации определяет Россию как социальное государство (ч. 1 ст. 7), целью которого является забота о благополучии своих граждан и их защищенности. Немаловажное значение в развитии данного постулата имеет судебная практика Конституционного Суда РФ, которая направлена на защиту основ государственного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение стабильности гражданского оборота и единства финансовой политики государства, осуществляемой посредством конституционно-правового регулирования. При этом для ускорения процесса построения истинно социального государства, объективной представляется необходимость использования международного опыта в разработке социальных стандартов с целью повышения качества жизни граждан [4].

В ходе исторического развития, экономика индустриально развитых стран трансформировалась в смешанную, в ней сплелись воедино динамизм рыночного хозяйства и социальная ориентация, носителем которой выступают государство и другие общественные институты. Сутью такой системы является сосуществование и взаимодействие двух различных принципов построения и регулирования экономической жизни общества, таких как частный интерес и общественное благо, рынок и социально-экономическая деятельность государства. Именно это сочетание образует ту фундаментальную связку, которую можно считать основой экономики современных индустриально развитых стран [6, с. 3-6]. При такой экономической системе государство из наблюдателя превращается в одного из активных участников экономического процесса.

Социальная ориентированность государства, представляется, напрямую связана с демократической формой организации общества. Развитое гражданское общество взаимодействует с государством в различных сферах деятельности – в экономике, социальной сфере и других областях, что обеспечивает устойчивость в условиях финансово-экономического кризиса.

Государство вправе предъявлять к субъектам экономической деятельности требования и устанавливать механизмы контроля, которые отвечали бы критериям соразмерности и пропорциональности государственного вмешательства и обеспечивали бы оптимальное соотношение частного и публичного начал в сфере экономической деятельности.

С целью укрепления нравственных основ гражданско-правового регулирования, произошли изменения, например, в п. 3 ст. 1 ГК РФ закреплён принцип добросовестности, который сформулирован как требование к участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно, недопустимость извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения. При этом сфера действия данного принципа сформулирована предельно широко и охватывает все дей-

ствия участников гражданского оборота при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей.

В науке гражданского права выделяются такие признаки добросовестности, как честность, искренность, сознательность, старательность, аккуратность в исполнении гражданско-правовых обязательств.

Как считает профессор Г.А. Гаджиев, «включение» моральных постулатов в правовое регулирование гражданского оборота будет являться благом для государства, учитывая, что добросовестная конкуренция является конституционной ценностью (ч. 2 ст. 34 Конституции РФ) [3].

В практике Конституционного Суда РФ также происходила трансформация и конкретизация понятия добросовестности. Как указал Конституционный Суд РФ, повторное взыскание с добросовестного налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов нарушает конституционные гарантии частной собственности. Конституционный Суд РФ конкретизировал понятие добросовестного налогоплательщика и подчеркнул, что недопустимость повторного взыскания с такого налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов распространяется и на обязанность по уплате любых налогов и сборов.

Принципы добросовестности, честности и порядочности в деловой жизни участников гражданского оборота выступают, на наш взгляд, нравственными «фильтрами», защищающими от ничем не ограниченной реализации принципа свободы договора и автономии воли сторон.

Вопрос, должна ли быть предоставлена частным лицам при заключении ими договоров между собой полная свобода или же необходим некий контроль государства и суда в целях охраны прав экономически слабой стороны от экономически сильной, не раз вставал перед человечеством в его прошлой истории. По-видимому, он актуален и сегодня.

Свобода гражданско-правовых договоров в ее конституционно-правовом смысле предполагает соблюдение принципов равенства, согласования воли сторон, имущественной самостоятельности и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Равным образом свобода договора не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, она не является абсолютной и может быть ограничена, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 1 и 3 ст. 55 Конституции РФ).

В целях устойчивого развития отечественной экономики и ее эффективности, отвечающих интересам и потребностям общества, должна проводиться правовая экономическая политика государства. Выступая как субъект экономической политики государства, предпринимательство осуществляет ее через различные проекты. Реализация данных проектов предполагает наличие выведенной и эффективной правовой основы, не допускающей маргинализацию населения, т.е. социально-экономической незащищенности граждан, падения уровня их жизни, нахождения в отчужденном от права положении [5].

Данные обстоятельства влекут за собой с одной стороны, нарушения конституционно-закрепленных экономических прав граждан. С другой стороны, бедность и социальная уязвимость маргинальных слоев населения приводят к формированию каузальной природы правонарушающего маргинального поведения [6]. Порой, оставшись без средств к существованию данные лица вынуждены совершать пре-

ступления для обеспечения жизнедеятельности своих семей и близких. Прежде всего, это преступления против собственности (кражи, грабежи и др.). Цели действующего уголовного и административного законодательства направлены на пресечение таких правонарушений [7].

В то же самое время только при помощи уголовно – правовых мер невозможно бороться с экономической преступностью. Необходимо эффективное регулирование социальной сферы в целом, нужна грамотная стратегия правовой экономической политики.

Главным фактором в развитии национальной экономики может являться модель рыночной экономики с сильным государственным регулированием социальной сферы, предусматривающая улучшение качества социальной среды и условий жизни людей, развитие эффективных структур и механизмов гражданского общества. Это может стать важнейшей гарантией построения в России современного демократического правового государства и развитого гражданского общества, с опорой на многовековые культурные традиции российского народа в целях преобразования фундаментально этических и религиозных ценностей в соответствии с нормами и учреждениями современной цивилизации.

Построение в Российской Федерации социально ориентированной рыночной экономики должно стать реальной целью Российского государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ), 2017 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.12.2017 г.).
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ, часть 1, 2017 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.12.2017 г.).
3. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2012. № 7. С. 56.
4. Солдатова А.В. Реализация норм международного права в социальной сфере. Закон и право. 2011. № 4. С. 10-12.
5. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности о проблеме правового регулирования социально-экономических отношений. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 4. С. 43-53.
6. Степаненко Р.Ф. Каузальная природа маргинального поведения: философско-правовые аспекты. Философия права. 2013. №2 (57). С. 112-116.
7. Степаненко Р.Ф. Юн Л.В. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права). Образование и право. 2017. №3. С. 194-199.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СОГЛАШЕНИИ ПО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАЗАХСТАНА

Молдагаунов Ж.М.

магистрант Института послевузовского образования,
Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, Казахстан, г. Караганда

В настоящей статье освещаются вопросы института процессуального соглашения. Обозначенные проблемы, возникающие в практике применения норм о процессуальном

соглашении. Также констатируется отсутствие единообразной практики применения данных норм. Предложены некоторые пути разрешения освещенных проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальное соглашение, соглашение о сотрудничестве, сделка о признании вины, согласительное производство.

Согласно Концепции правовой политики Республики Казахстан, на период с 2010 до 2020 года законодателю рекомендовано шире использовать возможности примирительных процедур. Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве был закреплен институт процессуального соглашения о признании вины, которые действует с 1 января 2015 г. Согласно сведениям правовой статистики [1] в 2015 г. 4104 уголовных дела с заключенным процессуальным соглашением о признании вины направлены в суд, из них:

- по преступлениям небольшой тяжести заключено 615 соглашений;
- по преступлениям средней тяжести 1857 соглашений;
- по тяжким преступлениям 1567 соглашений.

Наибольшее количество заключенных процессуальных соглашений о признании вины зарегистрировано по кражам (ст. 188 УК РК) – 880 соглашений, мошенничествам (ст. 190 УК РК) – 423 соглашения, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью (ст. 106 УК РК) – 399 соглашений.

При этом, изучение данных правовой статистики показало, что в 2015 г. органами уголовного преследования направлено в суд 65 дел о проступках, по которым заключено процессуальным соглашением о признании вины. Как было ранее акцентировано внимание, действующим уголовно-процессуальное законодательством, предусмотрено расследование уголовных дел в рамках заключенного процессуального соглашения о признании вины по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям. При этом, расследование проступков, не предусмотрено специальными нормами, регламентирующими процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве.

Указанная тенденция сохранилась в 2016 г. из 3 358 правонарушений уголовные дела, о которых окончены заключением процессуального соглашения о признании вины, 61 является уголовными проступками, а за 10 месяцев 2017 г. из 3 371 правонарушения по 15 уголовным проступкам заключено процессуальное соглашение о признании вины.

Сложившаяся ситуация в деятельности правоприменительных органов, на наш взгляд, стала следствием расширительного толкования положений ст. 612 УПК, в части расследования проступков, что привело к двоякому результату с одной стороны грубому нарушению норм уголовно-процессуального кодекса, с другой стороны расширению сферы применения согласительных процедур в досудебном производстве.

Данная положительная практика в дальнейшем может быть воспринята законодателем, однако принимая во внимание, что производство об уголовных проступках предусматривает иной процедурный режим, предполагающий минимальные процессуальные действия в ограниченный срок, то заключение соглашения в его рамках будет нецелесообразной и громоздкой процедурой, которая только усложнит производство.

На основании изложенного, в целях приведения в соответствие правоприменительной деятельности с законодательными положениями и во избежание некорректного толкования уголовно-процессуального законодательства, считаем необ-

ходимым, усилить работу надзирающих органов за деятельностью лиц, осуществляющих уголовное преследование с целью недопущения фактов заключения процессуальных соглашений по делам об уголовных проступках.

Проблемным аспектом процессуальных соглашений является, то, что их заключение в досудебном производстве не является гарантией смягчения, изменения вида наказания либо уменьшения его срока. Прокурор наделен правом ходатайствовать об этом перед судом по исполнению всех обязательств, взятых на себя подозреваемым или обвиняемым. Однако суд не может быть связан выводами прокурора по данному вопросу, поскольку это нарушит все основы самостоятельности судебной системы.

Ссуд наделен правом возвращения уголовного дела прокурору для составления нового соглашения, если не согласен с квалификацией преступления, размером гражданского иска, видом и (или) размером наказания (п. 3 ч. 1 ст. 623 УПК РК). В случае несогласия судьи с новым процессуальным соглашением о признании вины он выносит постановление об отказе в рассмотрении дела в согласительном производстве и направляет дело прокурору для осуществления по нему производства в общем порядке (ч. 3 ст. 623 УПК РК).

Законодательные положения, регламентирующие судебную реализацию соглашения о признании вины, указывают на проблемы обеспечения прав подозреваемого, обвиняемого выполнившего взятые на себя обязательства в обмен на оговоренный с прокурором вид и размер наказания. О том, что суд может, не согласиться с предложенным прокурором видом и размером наказания, подозреваемый должен быть осведомлен при заключении процессуального соглашения. Поскольку по данным проведенного в РФ в 2012 году выборочного анкетирования обвиняемых в Санкт-Петербурге и Белгороде из 100 обвиняемых, первоначально выразивших свою готовность к сотрудничеству при условии значительного смягчения наказания (больше чем наполовину), 72 % заявило об отказе, после разъяснения им того, что суд может признать такое смягчение необъективным и назначить более строгое наказание (но не более половины от максимального размера, предусмотренного соответствующей статьёй Уголовного кодекса) [2, с. 33].

К такому же выводу пришла, и Бердыгулова Ж. К. председатель апелляционной судебной коллегии по уголовным делам Акмолинского областного суда, рассматривая проблемные вопросы, возникающие при заключении процессуальных соглашений, она указывает, что «несмотря на двусторонний характер соглашения, никаких обязательств стороны обвинения в нем нет. При заключении процессуального соглашения, прокурор будет вправе лишь просить суд рассмотреть уголовное дело в особом порядке. Каких-либо реальных льгот обвиняемому он обещать не уполномочен» [3].

Решением в данной ситуации является на наш взгляд, рассмотрение вопроса об утверждении судом процессуального соглашения о признании вины до начала его исполнения подозреваемым, обвиняемым.

Еще одной сложностью, с которой может столкнуться органы уголовного преследования, это производство расследования в общем порядке по делу с заключенным процессуальным соглашением о признании вины, если суд не согласился с условиями соглашения и отказался рассматривать дело в согласительном производстве. Согласно положениям ст. 617 УПК РК следователь, дознаватель осуществляют сбор доказательств в объеме, достаточном для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого. Что тогда должны делать органы досудебного рассле-

дования, если по делу проверены необходимые следственные и процессуальные действия? Если вопрос заключается в составлении обвинительного акта, то возможно ли основывать обвинение на доказательствах, полученных в рамках действий процессуального соглашения?

Канафин Д. К. считает: «во избежание злоупотребления данным институтом в доказательственных целях, следует в законе закрепить норму, согласно которой, при отказе от соглашения какой-либо из сторон или неутверждении соглашения судом, все материалы, относящиеся к этому соглашению, должны быть изъяты из материалов дела, а обвинению запрещено упоминать об обстоятельствах, связанных с данным соглашением, во всех последующих процессуальных действиях» [4]. Осознавая дискуссионность данного мнения, считаем, что оно требует более подробного изучения с учетом правоприменительной практики, поскольку расследование было осуществлено без нарушений УПК и аннулировать полученные в ходе него результаты не совсем корректно.

Проблемой применения процессуального соглашения о признании вины в уголовном судопроизводстве в настоящий момент является отказ подсудимых от процессуального соглашения о признании вины заключенного ими в досудебном производстве. Данное обстоятельство приводит к возвратам уголовных дел, для производства расследования в общем порядке, в таких случаях, зачастую часть доказательственной базы утеряна и не подлежит восстановлению. Это приводит к затягиванию расследования, а нередко создает препятствия для направления дела в суд.

Данные ситуации возможны по причине сужения предмета доказывания органами уголовного преследования в ходе расследования уголовных дел, в рамках которого заключено процессуальное соглашение о признании вины. Часть 2 ст. 617 УПК РК обязывает следователя осуществлять сбор доказательств в объеме, достаточном для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого. Вину подозреваемого, обвиняемого можно подтвердить по средствам всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, которое возможно при установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 113 УПК РК). Если лицом, осуществляющим расследование, соблюдены требования ст. 617 УПК, то вопросы об утрате доказательственной базы стоять не могут.

Кроме того, этим целям послужит предложенный нами порядок окончания досудебного расследования в общем порядке с составлением обвинительного акта, что позволит суду после отказа подсудимого от заключений перейти к общей процедуре судебного разбирательства без направления дела прокурору.

Институт процессуального соглашения является новеллой казахстанского уголовно-процессуального законодательства и практика применения данных норм выявляет проблемы его реализации. Отсутствие единообразной практики символизирует стадию становления данного института в современном уголовном процессе. Предполагаем, что дальнейшая динамика развития данного уголовно-процессуального института позволит минимизировать возникающие проблемы в целях обеспечения прав участников, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Список литературы

1. Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 2015 г. Раздел 1. Сведения о зарегистрированных уголовных правонарушениях//Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учётам ГП РК. Электронный ресурс <http://service.pravstat.kz>

2. Шестакова С.Д. Процессуальное соглашение по проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан глазами российского процессуалиста// Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29).

3. Бердыгулова Ж. К. Проблемные вопросы, возникающие при заключении процессуальных соглашений// Сайт Акмолинского областного суда. Электронный ресурс: <http://akm.sud.kz/rus/content/problemnye-voprosy-voznikayushchie-pri-zaklyuchenii-processualnyh-soglasheniy>

4. Канафин Д.К. К вопросу о внедрении в уголовное судопроизводство института соглашения о признании вины. Информация сайта Центра исследования правовой политики при поддержке Центра ОБСЕ Электронный ресурс – www.pravo.zakon.kz/4495708-k-voprosu-o-vnedrenii-v-ugolovnoe.htm

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Нестерова К.К.

магистрант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Перепелкин В.И.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Затрагиваются проблемы применения специальных познаний судебной медицины в расследовании преступлений. Формулируются основные рекомендации по модернизации процесса применения знаний судебной медицины в раскрытии совершенных преступлений. Разработанные рекомендации основываются на результатах проведенного теоретического исследования научной литературы, а также обзоре международного опыта раскрытия преступлений.

Ключевые слова: медицина, преступление, предварительное следствие, информация, уголовное дело, суд, следственные действия, судебная медицина.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1]. Ст.20, 22, 45 Конституции РФ гарантируют ему «право на жизнь», «личную неприкосновенность», а также «право на защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» [1]. Поскольку преступления против жизни и здоровья характеризуются высокой степенью опасности для человека, то при организации их расследования и раскрытия невозможно обойтись без использования специальных познаний в области судебной медицины. В частности, согласно ст. 196 УПК РФ «назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить: 1) причины смерти; 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью ...» [2].

Данные вопросы рассмотрены во многих научных трудах ученых криминалистов (Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Винберг и др.), где авторы обращают внимание на необходимость применения специальных познаний судебной медицины в расследовании преступлений, ссылаясь на сравнительную статистику раскры-

ваемости совершенных правонарушений. Под специальными познаниями подразумевается такие знания, которые выходят за пределы рамок познаний лица, производящего расследование, которые необходимо использовать для установления всех обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному делу. Круг таких специальных познаний достаточно широк. Они охватывают все сферы человеческой деятельности и существующие в мире науки. Эти познания должны соответствовать передовым знаниям в определенной отрасли знаний (наук), эти познания приобретаются входе обучения в определенной области.

Судебно-медицинские познания представляют специфический вид знаний, связанных с особым раздел медицины, где разрабатываются вопросы применения медицинских знаний при организации и проведении расследования, связанных с преступлениями против жизни и здоровья человека.

«Судебная медицина – это отрасль медицины, которая представляет собой систему научных знаний, методик исследования и экспертной оценки фактов (объектов, процессов, явлений), на основе которой решаются вопросы медико-биологического характера, возникающие в деятельности работников правоохранительных органов в процессе судопроизводства, и некоторые конкретные задачи практического здравоохранения» [3].

Следует заметить, что формы использования специальных познаний не ограничивается с обязательным назначением и проведением судебно-медицинских экспертиз. Специальные познания используются и при проведении следственных действий: осмотра места происшествия, связанных с обнаружением трупа или его частей, освидетельствовании, эксгумации [4-6, 11]. Важным направлением использования специальных познаний судебной медицины является консультационная работа по вопросам организации расследования преступлений против жизни и здоровья человека, подготовки и назначения судебных экспертиз, эффективного проведения следственных действий и оперативно – розыскных мероприятий» [7-10, 12].

Основными недостатками низкой эффективности использования судебно-медицинских познаний на наш взгляд являются:

- слабое взаимодействие работников судебно-медицинских учреждений со следственными работниками и работниками органов дознания;
- низкий уровень познаний следователей и работников органов дознания предмета судебной медицины;
- слабое знание современных возможностей судебной медицины для раскрытия и расследования преступлений;
- несвоевременный вызов судебно-медицинских работников на проведение следственных действий;
- отказ следователей от получения квалифицированной консультационной помощи по вопросам, возникающим при расследовании преступлений против жизни и здоровья;
- неквалифицированное вынесения постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы;
- несвоевременное вынесения постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы;
- некомпетентная постановка вопросов для исследования перед судебно-медицинским экспертом;
- отсутствие четко выработанной модели сотрудничества следователей и экспертов-судебных медиков приводит к затруднению поиска инновационных ме-

тодов раскрытия преступлений, а также модернизации применяемых современных методик проведения экспертиз и исследований.

Исходя из вышеизложенного, нами предлагаются:

– во всех следственных ситуациях, возникающих в ходе расследования преступлений, связанных с преступлениями против жизни и здоровья человека необходимо организовать тесное сотрудничество следственных и судебно- медицинских работников;

– хотя в некоторых случаях в УПК РФ (в частности при освидетельствовании лица) предусмотрено использование помощи врача другой специальности, желательно;

– при эксгумации желательно привлекать к работе специалистов исключительно в области судебной медицины.

Таким образом, проблема взаимодействия следователей и специалистов и экспертов судебных медиков преодолима. Однако на настоящий момент их взаимодействие носит опосредованный характер и осуществляется посредством выполнения функциональных обязанностей.

Проблема сотрудничества следственного аппарата и судебных экспертов приводит к снижению общей эффективности раскрытия преступлений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). 12 декабря 1993 года.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (Редакция от 20.12.2017 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018)). – www.consultant.ru (дата обращения 27 декабря 2017 г.).

3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Судебная_медицина (дата обращения 27 декабря 2017 г.).

4. Кудрявцев В.Л. Эксгумация: особенности принятия решения и тактика производства // Российский следователь. 2005. – № 2. – С. 2-4.

5. Перепелкин В.И., Константинова Ю.С. Актуальные проблемы организации и проведения осмотра места происшествия по грабежам и разбойным нападениям на открытой местности В сб.: Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения. Сб. научных трудов по матер. всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ответств. за выпуск: Т. Н. Потапова. 2017. С. 436-440.

6. Перепелкин В.И. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств. В сб.: Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества Матер. XVI межвуз. научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 192-198.

7. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сб. матер. V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343-347.

8. Максимов Н.В., Перепелкин В.И. Дерматоглифика на линии борьбы с наркопреступностью. В сб.: Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект) сб. матер. Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 407-410.

9. Сильвестров Д.Ф., Перепелкин В.И. Особенности задержания и личного обыска лиц, потребляющих и распространяющих наркотические средства. В сб.: Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ,

алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект) сб. матер. Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 443-446.

10. Яковлев П.П., Перепелкин В.И. Использование методов реконструкции лица по черепу в целях установления личности неопознанных трупов В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сб. матер. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 472-476.

11. Перепелкин В.И. Некоторые проблемы фиксации доказательственной информации при допросе. В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 350-353.

12. Мячина Т.А., Перепелкин В.И. Проведение государственной дактилоскопической регистрации как государственная функция. В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. 2016. С. 443-446.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УЧЕТА МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

Оруджев Х.В.

помощник судьи, Арбитражный суд Республики Дагестан, Россия, г. Махачкала

В статье анализируются особый порядок предоставления собственнику земельного участка, разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объектов капитального строительства, разъясняется право жителей населенных пунктов участвовать в указанном процессе и важность его мнения для публичной власти.

Ключевые слова: федеральный закон, земельный участок, землепользование, правовое регулирование, градостроительный кодекс, суд, арбитражное судопроизводство.

В населенных пунктах городского значения строительство объектов недвижимости, например, многоквартирных многоэтажных жилых домов, торговых зданий различного типа идет быстрыми темпами. Зачастую субъекты строительства возводят объекты недвижимости с многочисленными нарушениями законодательства Российской Федерации, нормативно-правовых актов различного уровня. Данные нарушения создают диссонанс в городском фоне, портят архитектурный облик города. Кроме того, незаконное строительство вызывает справедливое негодование и недовольство жителей населенных пунктов ввиду того, что весь строительный процесс проходит без надлежащего разъяснения и сопровождения, является открытым попиранием прав и законных интересов граждан.

В таких случаях, на наш взгляд, необходимым условием при строительстве является безусловный учет мнения жителей населенных пунктов как формы выражения воли народа и непосредственной демократии. Важно объяснить правовой механизм обязательного учета мнения жителей населенных пунктов при строительстве объектов недвижимости.

Разработка правил землепользования и застройки – это действенный инструмент правового регулирования строительства объектов недвижимости в населенных пунктах и согласования законных интересов жителей, субъектов строительства и публичной власти. Правила землепользования и застройки – норматив-

ный акт, утверждающий территориальные зоны, градостроительные регламенты и виды разрешенного пользования земельными участками.

Земельные участки населенных пунктов согласно Земельному кодексу России дифференцируются на следующие территориальные зоны: 1) жилые; 2) общественно-деловые; 3) производственные; 4) инженерных и транспортных инфраструктур; 5) рекреационные; 6) сельскохозяйственного использования; 7) специального назначения; 8) военных объектов; 9) иные территориальные (ч. 1 ст. 85) [1].

В каждом муниципальном образовании, по концепции законодателя, принимаются правила землепользования и застройки, в которых по территориальным зонам оформляется градация территории муниципального образования с указанием для каждой территориальной зоны видов ее разрешенного использования.

Разрешенное использование – это, в свою очередь, основная правовая величина земельного участка. Разрешенное использование классифицируется на следующие виды: основной вид разрешенного использования; условно разрешенные виды использования; вспомогательные виды разрешенного использования.

Необходимо отметить, что в отношении условно-разрешенных видов использования предусмотрен особый порядок выбора, а основные и вспомогательные виды разрешенного использования собственник земельного участка выбирает самостоятельно.

Во многих муниципальных образованиях правила землепользования и застройки не утверждены, что, по нашему мнению, негативно влияет на порядок строительства.

Крайний срок принятия правил землепользования и застройки был установлен сроком до 5 лет со времени начала принятия Градостроительного кодекса Российской Федерации, т.е. до 30 декабря 2009 года в соответствии с первоначальной редакцией Федерального закона «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» [2]. Заданный срок несколько раз продлевался федеральными законами [3]. На сей день крайний срок принятия правил землепользования и застройки в соответствии с федеральным законом [4] установлен до 31 декабря 2017 года.

До принятия законодательству правил землепользования и застройки решение об изменении вида разрешенного использования земельных участков принимает глава местной администрации с учетом результатов публичных слушаний (п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации») [4].

Мнение жителей, выраженное в ходе публичных слушаний, по нашему мнению, повышает демократичность принимаемых решений в строительной сфере.

На основании статьи 39 Градостроительного кодекса Российской Федерации [5] лицо, заинтересованное в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства, направляет заявление в соответствующую комиссию, уполномоченную на рассмотрение данного вопроса. Комиссия при этом занимается проведением публичных слушаний. Во время публичных слушаний жители смогут открыто и самостоятельно выразить свое собственное мнение по поводу строительства того или иного объекта. Градостроительный кодекс Российской Федерации, правила землепользования и застройки гарантируют условия, при которых жители смогут представить личные суждения общественности. Причем заключение о результатах публичных слушаний законодательство обязывает опубликовать в средствах массовой инфор-

мации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Все расходы на публичные слушания несет собственник земельного участка.

Практика арбитражного судопроизводства указывает на значимость результатов публичных слушаний в отношении предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского федерального округа от 25.09.2014 по делу № А32-34057/2013 отмечено, что «учитывая отрицательное мнение владельца смежного земельного участка, апелляционный суд верно отказал в удовлетворении требований о понуждении администрации предоставить разрешение на условно разрешенный вид использования земельного участка».

Такого же рода позиция Арбитражного суда Дальневосточного округа, в постановлении от 27.04.2009 по делу №А51-8987/2008, в котором указано, что ни в средствах массовой информации, ни в иных изданиях сведения о порядке проведения публичных слушаний по вопросу изменения разрешенного вида использования земельного участка не опубликованы. Кроме того, смежные землепользователи в нарушение п. 4 ст. 39 Градостроительного кодекса Российской Федерации не уведомлены о проведении публичных слушаний, что лишило их реальной возможности участия в обсуждении вопроса об изменении вида разрешенного использования земельного участка.

Таким образом, суд отказал в удовлетворении заявления о признании недействительными положений постановления главы администрации об отмене постановления об изменении вида разрешенного использования земельного участка.

Со времени вступления в силу приказа Министерства экономического развития Российской Федерации «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» [6], с 24 декабря 2014 года, установление и изменение видов разрешенного использования должно производиться в соответствии с утвержденным на федеральном уровне классификатором.

В связи с нововведениями в сфере землепользования и застройки с принятием классификатора возникли некоторые вопросы:

- 1) действительны ли виды разрешенного использования земельных участков, утвержденные до вступления в силу классификатора?
- 2) необходимо ли изменять разрешенное использование земельного участка, утвержденное до действия классификатора и не соответствующее ему?
- 3) законны ли правила землепользования и застройки, содержащие другие виды разрешенного использования, нежели предусмотренные специальным классификатором?

Первый поставленный вопрос, требующий разрешения, отрегулирован Федеральным законом «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], устанавливающим, что «разрешенное использование земельных участков, установленное до дня утверждения в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации классификатора видов разрешенного использования земельных участков, признается действительным вне зависимости от его соответствия указанному классификатору» (ч. 13 ст. 34).

Далее, в следующей ситуации необходимо согласно ч. 13 ст. 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» установить соответствие текущего разрешенного использования земельного участка классификатору. При

отличии же видов разрешенного использования в действующих правилах землепользования и застройки до 1 января 2020 года уполномоченный на то орган муниципального образования обязан внести изменения в правила землепользования и застройки в части приведения установленных градостроительным регламентом видов разрешенного использования земельных участков в соответствии с видами разрешенного использования земельных участков, предусмотренными классификатором видов разрешенного использования земельных участков.

Исходя из вышеизложенного, правила землепользования и застройки, которые должны быть приняты в муниципальных образованиях, представляют собой важнейший и результативный механизм, выявляющий в обществе и, соответственно, учитывающий мнение жителей населенных пунктов в строительной сфере.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Рос. Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 окт. 2001 г.: в ред. федерального закона Рос. Федерации от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 44, ст. 4147.

2. О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2004 г. № 191-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 2004 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 дек. 2004 г.: в ред. федер. закона Рос. Федерации от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1), ст. 17.

3. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2014 г. № 456-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 дек. 2014 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 1 (ч. 1), ст. 9; О внесении изменений в Федеральный закон «О содействии развитию жилищного строительства» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 марта 2015 г. № 48-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 4 марта 2015 г.: в ред. федер. закона Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 361-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 10, ст. 1418; О внесении изменений в Федеральный закон «О содействии развитию жилищного строительства» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 221-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июня 2016 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июня 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 26 (ч. 1), ст. 3890; О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 июня 2016 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 июня 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 27 (ч. II), ст. 4306; О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» и Федеральный закон «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 июня 2017 г. № 124-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июня 2017 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июня 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 25, ст. 3593.

4. О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2004 г. № 191-ФЗ.

5. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 дек. 2004 г.: в ред. федер. закона Рос. Федерации от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1), ст. 16.

6. Об утверждении классификатора видов разрешённого использования земельных участков: приказ Министерства экономического развития Рос. Федерации от 1 сент. 2014 г. № 540: в ред. приказа Министерства экономического развития Рос. Федерации от 6 окт. 2017 г. № 547 // Рос. газ. – 2014. – № 217.

7. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июня 2014 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 18 июня 2014 г.: в ред. федер. закона Рос. Федерации от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I), ст. 3377.

ВЕЩНЫЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Педько М.С.

студентка четвертого курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В системе гражданского права одно из центральных мест занимает институт вещных прав. В настоящей статье анализируется состояние российского законодательства, касающегося вещных прав, на современном этапе. Раскрываются проблемы разграничения вещных и обязательственных прав. При их рассмотрении были предложены возможные меры для решения существующих проблем, которые реализуются с помощью законодательного закрепления соответствующих норм.

Ключевые слова: вещное право, обязательственное право, ограниченное вещное право, право следования, гражданское законодательство.

При определении вещного права следует его различать в двух смыслах: объективном и субъективном.

В объективном смысле вещное право определяется как совокупность правовых норм, которые закрепляют принадлежность имущества субъектам вещных прав, регламентирующих правомочия этих субъектов по поводу этих вещей и устанавливающих ответственность за их нарушения.

В субъективном смысле под вещным правом понимается право определенного субъекта по владению, пользованию и распоряжению данным имуществом.

В качестве характерных признаков вещных прав можно выделить следующие:

- абсолютный характер защиты (его носителю соответствует обязанность неопределенного круга лиц воздерживаться от нарушения вещных прав этого лица);
- присущее им право следования (в случае перехода вещного права к другому лицу (правопреемнику) переходят и обременения этого права);

- круг вещных прав (в отличие от обязательственных) исчерпывающим образом очерчен в ГК (ст. 209, 216, 292, 334 ГК РФ);
- объектом вещного права может выступать лишь индивидуально-определенная вещь.

Таким образом, вещное право – это субъективное гражданское право, имеющее абсолютный характер, обладающее специфическим объектом и способами защиты, которое, помимо традиционной «триады» правомочий собственника, включает в себя правомочие следования.

Среди вещных прав выделяют не только право собственности, но и иные (ограниченные) вещные права, которые обладают всеми признаками вещных прав и составляют их разновидность.

Стоит отметить, что в настоящее время в законодательстве не содержится определения понятия ограниченного вещного права, как и вещного права вообще [4, с. 127-130].

Исходя из традиционного понимания института ограниченных вещных прав, к ним следует отнести права пользования чужими вещами, права на получение известной ценности из чужой вещи и права на приобретение известной вещи, однако отечественный законодатель допустил некоторое отхождение от традиционной системы ограниченных вещных прав, и на сегодняшний день ст. 216 ГК РФ относит к ограниченным вещным правам право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 265 ГК РФ), право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 268 ГК РФ), сервитуты (ст. 274, 277 ГК РФ), право хозяйственного ведения имуществом (ст. 294 ГК РФ) и право оперативного управления имуществом (ст. 296 ГК РФ) [2].

Оговорка «в частности», содержащаяся в ст. 216 ГК РФ, позволяет сделать вывод о том, что перечень ограниченных вещных прав, данный в вышеуказанной статье, не является исчерпывающим, что позволяет цивилистам относить к ограниченным вещным правам даже те права, которые по своим признакам совершенно далеки от рассматриваемого права.

Ограниченные вещные права в законодательстве характеризуются двумя основными признаками, позволяющими провести грань между ограниченным вещным правом и обязательственным правом: абсолютный характер защиты и право следования (ст. 216 ГК РФ).

Анализ законодательства Российской Федерации позволяет отнести к ограниченным вещным правам право пользования жильем членами семьи собственника, проживающими в принадлежащем ему жилом помещении, право пожизненного проживания в жилом помещении другого лица в соответствии с завещательным отказом.

К ограниченным вещным правам лиц следует также отнести право фактического владельца, не являющегося собственником имущества, владеть этим имуществом как своим. До истечения указанных в законе сроков, позволяющих владельцу приобрести право собственности на это имущество в собственность, лицо вправе осуществлять фактическое владение, имеющее характер ограниченного вещного права.

Отнесение некоторых прав к вещным правам является условным. Так, право хозяйственного ведения является производным от права оперативного управления и представляет собой результат модернизации права оперативного управления с целью приспособления к меняющимся экономическим реалиям. Наличие в праве оперативного управления и хозяйственного ведения административно-правовых и корпоративных элементов представляется чуждым цивилистическим конструкциям.

Спорным представляется отнесение к ограниченным вещным правам права пожизненного пользования жилым помещением или иной недвижимостью, возникающего у граждан на основании договора пожизненного содержания с иждивением [6, с. 201-203].

Некоторые относят к ограниченному вещному праву также аренду и его отдельные разновидности, однако суды в своих решениях неоднократно подчеркивали обязательственный характер аренды. Видится некорректным отнесение аренды к ограниченным вещным правам, поскольку указанное право не обладает всеми необходимыми признаками, в частности, абсолютным характером защиты.

Относительно залога и удержания в науке гражданского права также ведутся споры на протяжении длительного времени. В ходе анализа Проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07 февраля 2012 г. № 47538 – 6 становится ясным подход законодателя к названному институту гражданского права. Так, нормы о залоге в данном проекте содержались в разделе об обеспечении исполнения обязательств, однако в главе 20.4 названного Проекта речь идет о неизвестной ранее форме залога – неакцессорной оборотной ипотеке, таким образом, подчеркивается вещно-правовой характер ипотеки.

Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в некоторой степени изменил сложившиеся отношения в системе ограниченных вещных прав. Так, утратили силу ст.20 ЗК РФ, посвященная правовому регулированию отношений по предоставлению земельных участков на постоянное (бессрочное) пользование, и ст.21 ЗК РФ [3], посвященная пожизненному наследуемому владению земельными участками. Однако данные вещные права не перестали существовать вообще, и по-прежнему закреплены в ст.216 ГК РФ.

Попытка систематизировать ограниченные вещные права предпринята в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07 февраля 2012 г. № 47538 – 6. Законодатель установил закрытый перечень ограниченных вещных прав, предусмотрев как абсолютно новые для отечественного гражданского права конструкции, так и устранив те, которые не отвечают современным экономическим реалиям. Данную попытку нельзя назвать абсолютно успешной, так как, расширяя перечень ограниченных вещных прав, законодатель руководствовался, в первую очередь, принципом экономической целесообразности, однако эти изменения все же позволили бы создать действительно новую систему вещных прав и отойти от советской системы вещных прав, не имеющих аналогов в зарубежных странах.

Исходя из изложенного, единой системы вещных прав в отечественном гражданском праве не выработано, между тем, от отнесения того или иного права к вещному, либо к обязательственному, будет зависеть способ гражданско-правовой защиты, объем прав и обязанностей сторон. Отсутствие адекватного правового регулирования ограниченных вещных прав не удовлетворяет потребности участников гражданских правоотношений и последним приходится «одной ногой жить в советском периоде с убогим набором вещных прав» [8, с. 114]. Между тем, именно наличие широкого спектра ограниченных вещных прав позволяет гораздо эффективнее осуществлять правомочия владения и пользования титульным владельцам [9, с. 14].

Безусловно, провести абсолютно четкую грань между ограниченным вещным и обязательственным правом не представляется возможным, поскольку некоторые признаки вещного и обязательственного права могут в той или иной степени присутствовать практически в любом правоотношении. Тем не менее, законодателю следует четко указать в ГК РФ признаки ограниченных вещных прав и предусмотреть закрытый перечень ограниченных вещных прав, что позволит создать единую систему ограниченных вещных прав.

Список литературы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.09.2017) // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.
3. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // «Российская газета», N 211-212, 30.10.2001.
4. Бакирова Е. Ю. Виды юридических фактов в современном жилищном праве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2008. – № 4 (44). – Вып. 3. – С. 125-133.
5. Дешина А.С. Система ограниченных вещных прав в современном гражданском праве // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. № 2-2. С. 127-130.
6. Казыханов И. И., Фирсова Н. В. Аренда доли в праве общей собственности // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2016 г.). В 2 т. Т. 2 Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. № 4 (10). С. 201-203.
7. Муратова С. А. Право оперативного управления и хозяйственного ведения в системе ограниченных вещных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 81-84.
8. Фирсова Н.В. Общая долевая собственность как институт гражданского права: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 144.
9. Фирсова Н.В. Общая долевая собственность как институт гражданского права: Автореферат канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 14.
10. Цуканова Е.Ю., Мальцева Н.Н. Проблемные аспекты законодательного закрепления права на неприкосновенность жилища // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: материалы VIII Междунар. науч. –практ. конф. – Пенза, 2017. – С. 234-237.

ПОМЕЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА КАК АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Самбиева С.А.

магистрант второго курса юридического факультета,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, как альтернатива уголовному наказанию рассматривается в качестве одного из факторов воздействия на увеличение удельного веса преступности несовершеннолетних. Развитие мер пресечения уголовной ответственности несовершен-

нолетних заключается в разработке теоретически обоснованного и практически значимого комплекса мер уголовно-правового воздействия, которые не связаны с лишением свободы для несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, мера ответственности, учреждение закрытого типа, медико-социальный.

В последние годы в России преступность несовершеннолетних изменяется в качественном и количественном показателях. Это и рост тяжких преступлений, увеличение удельного веса преступности несовершеннолетних в преступности в целом, увеличение числа несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, и др. Все это обусловлено как негативными социальными процессами, происходящими в обществе, так и несовершенством системы предупреждения преступности несовершеннолетних.

По состоянию на 2015 год в Российской Федерации выявлено 1 063 034 лиц, совершивших преступления, из них 55 365 – несовершеннолетние. По сравнению с 2014 годом прирост составил 2,36%. Кроме того, за 2014 год выявлено 54 089 несовершеннолетних, совершивших преступления, 68% из которых лица в возрасте от 16-17 лет, 31,4% – 14-15 лет [1].

Важной мерой предупреждения преступности несовершеннолетних является уголовная ответственность. Нельзя не согласиться с тем, что при реализации уголовной ответственности и применении наказаний, в частности в виде лишения свободы, может создаваться основание закрепления у несовершеннолетних лиц негативных, криминальных установок, ведь происходит их изъятие из привычной среды жизни, а в местах лишения свободы они находят криминальные связи. В связи с этим актуальной представляется разработка теоретически обоснованного и практически значимого комплекса мер уголовно-правового воздействия, которые не связаны с лишением свободы, для указанной категории несовершеннолетних. Этими мерами являются принудительные меры воспитательного воздействия. Они более гибки по сравнению с уголовным наказанием и исключают его негативные последствия.

Уголовным кодексом РФ предусмотрено освобождение несовершеннолетних как от уголовной ответственности, так и от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Однако, закрепляя данные меры в уголовном законе, законодатель не конкретизировал один важный момент – не определил, в какой именно специализированный государственный орган можно помещать под надзор несовершеннолетних лиц. Тем самым отсутствие в Уголовном кодексе и других нормативно-правовых актах конкретного вида специализированного государственного органа создает затруднительные ситуации в правоприменительной практике. В настоящей статье затрагиваются аспекты правового закрепления в УК РФ вида специализированного органа для несовершеннолетних.

Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Также согласно ч. 1 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ.

Пунктом "б" части 2 статьи 90 УК РФ обозначена такая мера, как передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного госу-

дарственного органа. При этом законодатель не выделяет конкретно, в какой орган должны помещать несовершеннолетних преступников, к которым применима данная мера. Однако Уголовным кодексом предусмотрен орган, в который могут помещать несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений средней тяжести, а также тяжких, но освобожденных судом от наказания. Это специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. При этом законодатель подчеркивает, что помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. Тем самым можно сделать вывод, что законодатель все-таки определил тот специализированный государственный орган, в который можно направлять несовершеннолетних преступников. В части 2 статьи 92 УК РФ отмечено, что только несовершеннолетние, совершившие преступления средней тяжести и тяжкие, могут быть туда направлены.

Как полагает В.А. Терентьева, помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, являясь принудительной мерой воспитательного воздействия, может рассматриваться в контексте реализации принципа максимального содействия благополучию несовершеннолетнего, поскольку указанная мера направлена на ресоциализацию несовершеннолетнего преступника [2]. С данным утверждением трудно не согласиться. И также совершенно справедливо отмечено В.А. Терентьевой, что по своей сущности помещение несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием является некарательной принудительной воспитательно-профилактической мерой. При этом цели принудительной меры воспитательного воздействия не тождественны целям наказания, так как они обусловлены специфическим содержанием, т.е. помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, а также его воспитательными функциями.

В статье 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" указано, что в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в соответствии с законодательством об образовании могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода, в частности, если осуждены за совершение преступлений средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания на основании приговора суда.

Трудно не согласиться с тем, что к данной категории несовершеннолетних необходимо найти особый подход в целях их исправления. Но нужно сказать и о важности кадровой подготовки специалистов для таких учреждений. Это должны быть не просто педагоги и психологи из системы образования, а лица из уголовно-исполнительной системы, обладающие определенными познаниями в области уголовного права, ведь в данном случае они будут иметь дело с лицами, у которых сформировалось особое мировоззрение. Сложившаяся криминологическая ситуация показывает нам, что это обусловлено тем, что в основном несовершеннолетние преступники – это лица с отставанием от уровня образования своих сверстников, не посещающие общеобразовательные учреждения, большинство до совершения преступления проживало в неполной или неблагополучной семье [3].

Признание государством факта, что в организации профилактической работы с несовершеннолетними, совершившими общественно опасное деяние, специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа играют значимую роль,

представляют собой один из перспективных видов реабилитационного учреждения для несовершеннолетних с проблемами поведения, обучения и развития.

В данных учреждениях для достижения поставленных целей, а именно исправления несовершеннолетних и предупреждения совершения новых преступлений, должна реализовываться индивидуальная программа медико-социального и психолого-педагогического сопровождения воспитанников. При этом исправление в данном случае необходимо рассматривать как цель уголовно-исполнительного законодательства, что подразумевает изменение сознания личности путем формирования уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Сотрудники данных учреждений должны изучать материалы о личности несовершеннолетнего, подготавливать и реализовывать индивидуальные планы по исправлению несовершеннолетних, помогать в адаптации при поступлении, а также на всем протяжении пребывания в данных учреждениях оказывать психологическую помощь.

Тем самым такую меру, как передача под надзор специализированного государственного органа – специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, необходимо рассматривать не как меру карательного типа (потому что этой цели нет, в отличие от наказания), а как меру принудительного характера (так она обозначена в Законе) с воспитательными и профилактическими функциями, которые способствуют наиболее гуманному возвращению несовершеннолетних на правильный путь.

Список литературы

1. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.08.2016).
2. Терентьева В.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Томск, 2008. 20 с.
3. Малинин В.Б., Смирнов Л.Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2011. 384 с.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОМЕЩЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Самбиева С.А.

магистрант второго курса юридического факультета,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье формирование и развитие института помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение в качестве одного из приоритетных факторов рассматривается поэтапное развитие данного института. Рассматриваются цели перевоспитания несовершеннолетних и законодательная основа развития института помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение

Ключевые слова: институт, несовершеннолетний, законодательная основа, цели перевоспитания, реформирование и развитие.

В соответствии с нормами Закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ Российской Федерации «Об образовании» и Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода.

Развитие института помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение в современном законодательстве Российской Федерации происходило поэтапно, реформирование данного института продолжается и в последние годы в соответствии с потребностями нового времени.

Первые положения о рассматриваемом институте в современном законодательстве России содержались в Законе РФ «Об образовании», принятом в 1992 году. Согласно положениям закона, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа могли быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет с девиантным (общественно опасным) поведением, которые, таким образом, нуждались в особых условиях воспитания, обучения, а также обеспечения специального педагогического подхода. В то же время закон не уточнял, что имеется в виду под «особыми условиями воспитания, обучения», кого конкретно нужно рассматривать в качестве «несовершеннолетнего, требующего специального педагогического подхода» [1].

В последующем Правительством РФ было принято Постановление «Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением» (1995 г.), нормы которого были призваны обеспечивать и гарантировать образовательную, воспитательную и хозяйственно-экономическую деятельность государственных и муниципальных специальных учебно-воспитательных учреждений для детей и подростков с девиантным поведением (ст. 1). В Типовом положении было расширено понимание девиантного поведения, в качестве которого теперь рассматривалось не только общественно опасное, но и отклоняющееся от нормы поведение.

Нормы Типового положения действовали в отношении следующих видов учреждений:

- специальная общеобразовательная школа открытого типа;
- специальное профессиональное училище открытого типа;
- специальная общеобразовательная школа закрытого типа;
- специальное профессиональное училище закрытого типа;
- специальная (коррекционная) общеобразовательная школа и специальное (коррекционное) профессиональное училище для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья (задержкой психического развития и легкими формами умственной отсталости), совершивших общественно опасные деяния только закрытого типа.

Создание и функционирование учреждения закрытого типа необходимо в целях перевоспитания несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения и требующих специального педагогического подхода (ст. 14). Несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, совершившие общественно опасное деяние, по решению суда направляются в учреждение закрытого типа (ст. 25).

Далее, в 1999 г. был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Из сказанного следует, что Типовым положением и Федеральным законом № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. были ограничены категории несовершеннолетних, которые направлялись в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа только теми, кто совершил предусмотренное уголовным законом деяние.

Таким образом, можно отметить, что специальные образовательные учреждения играют важную роль в исправлении и перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей, ограждая их от попадания в исправительные учреждения, в которых содержится криминальный контингент, неизбежно оказывающий отрицательное воздействие на несовершеннолетних лиц.

Идеи гуманного перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей начали практически воплощаться в истории России еще в XIX в., к примеру, посредством открытия исправительных приютов для несовершеннолетних.

В последующем, в 20-х начале 30-х гг. в СССР использовался дореволюционный опыт, например, колония и коммуна, организованные А.С. Макаренко, в целях помощи многочисленным беспризорникам. Далее, с середины 30-х до середины 60-х гг. основной упор в воспитательной работе с несовершеннолетними преступниками делался больше на меры репрессивного воздействия [2].

В настоящее время в России четко осознается необходимость проведения профилактической и воспитательной работы в отношении несовершеннолетних правонарушителей, так как подобные меры способствуют в наибольшей степени достижению цели перевоспитания и исправления несовершеннолетних правонарушителей.

В настоящее время материалы о направлении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в центр временного содержания для несовершеннолетних органов внутренних дел (далее по тексту ЦВСНП) и направлении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее по тексту СУВУЗТ) подлежат рассмотрению районными (городскими) судами в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее по тексту Закон) в действующей редакции, который в соответствии с Конституцией Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права устанавливает основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

С момента принятия в этот Закон внесено множество изменений и дополнений. В 2013 и 2014 годах изменения были внесены семью законами, в том числе: от 07 мая 2013 года № 104-ФЗ, от 02 июля 2013 года № 185-ФЗ, от 25 ноября 2013 года № 317-ФЗ, от 28 декабря 2013 года № 435-ФЗ, от 14 октября 2014 года № 301-ФЗ, от 02 апреля 2014 года № 62-ФЗ. Последние изменения были внесены Федеральным законом от 31 декабря 2014 года N 489-ФЗ.

Можно отметить, что реформирование данного института будет продолжаться и в последующем, с учетом особой важности решаемых задач, так как перевоспитание и исправление правонарушителей в юном возрасте будет служить возможностью подросткам с девиантным поведением выбрать правильные ориентиры в дальнейшей жизни.

Список литературы

1. Кара С.В. Некоторые аспекты правовой природы помещения несовершеннолетнего в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа // Вестник Брянского государственного университета. 2013. №2.
2. Коблева М.М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в контексте международно-правовых стандартов обращения с несовершеннолетними правонарушителями / М.М. Коблева // Российское правосудие. – 2014. – № 9. – С. 81-92.

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Сейтжанова Н.К.

магистр юрид. наук, докторант,

Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, Казахстан, г. Караганда

В статье рассматриваются оценочные категории в казахстанском уголовном законодательстве. Определено их место в правовой политике реализуемой государством на современном этапе. Указывается динамика их развития с учетом принятия в 2014 году нового законодательства. Отмечено значение оценочных категорий в уголовном законодательстве и практике правоприменения.

Ключевые слова: оценочные категории, оценочные понятия, уголовное законодательство, понятийный аппарат, толкование норм права.

Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года собственным содержанием систематизирует перманентный процесс совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности государства в целях обеспечения соответствия национального права новым вызовам времени. Концепция определяет, что дальнейшее совершенствование уголовного права связано с повышением качества законов. В свою очередь, закон, ограничивающий конституционные права и свободы, должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, то есть его нормы должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и основаны на понятных критериях, позволяющих со всей определенностью отличать правомерное поведение от противоправного, исключая возможность произвольной интерпретации положений закона [1]. Исходя из данного положения, особую актуальность приобретает вопрос об оценочных категориях в казахстанском уголовном законодательстве.

Повествуя о сущности оценочных категорий, необходимо отметить, что в философии под категориями (от греч. – высказывание, обвинение; признак) понимаются предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания [2, с. 251]. Оценка же – это способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта [3, с. 502].

В юридической теории существует множество мнений о понятии оценочных категорий. Так, оценочные категории, некоторые представители теории права, определяют как обобщение процессов и явлений правовой действительности, наиболее общие признаки которых, фиксируются в законодательстве [4, с. 268].

Применительно к отраслевому уголовному законодательству оценочным категориям присваиваются определенные особенности, к числу которых можно отнести:

1) неопределенность в нормах уголовного закона или иного нормативно-правового акта (Я.М. Брайнин, А.В. Наумов);

2) определение содержания оценочной категории правоприменителем на основе правосознания и с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела (В.А. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, Е.А. Фролов);

3) формально-неопределенный характер оценочного понятия предоставляет правоприменителю свободу усмотрения при определении его содержания (С.И. Вильнянский, С.Д. Шапченко) [5-13].

В целом, современный законодатель, в унисон государственной правовой политике, идет по пути минимального использования оценочных категорий в нормах казахстанского уголовного права. Прежний Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 года конструктивно не был направлен на конкретизацию понятий в собственных нормах. Ранее, кроме норм Общей части также и в примечаниях к статьям Особенной части прежнего Кодекса предпринимались попытки регулирования применения норм Общей части или распространения действия на другие нормы Особенной части.

В пример можно привести нормы прежнего Уголовного кодекса 1997 года, а именно примечания к ст. 175 Кража, ст. 189 Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, ст. 190 Незаконное предпринимательство, ст. 193 Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем и мн.др. Во всех перечисленных случаях законодатель в примечании устанавливал разные размеры крупного ущерба. Такое положение, естественно, негативно сказывалось на правоприменительной практике и не соответствует правилам юридической техники.

В отличие от прежнего уголовного законодательства, УК РК 2014 года существенно изменил ситуацию. Ярким тому подтверждением является статья 3 с наименованием «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем кодексе». Данная норма закрепляет различные понятия, которые уже нельзя отнести к оценочным категориям. Законодатель нормативно эти понятия уже разъясняет, их толкование и применение должно соответствовать закрепленной редакции. Полагаем, что оценочные категории следует отличать от тех понятий, которые законодатель сам и раскрывает. К примеру, в статье 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан 2014 года (далее УК РК) в п.3) законодатель закрепляет размер особо крупного ущерба и особо крупного размера эквивалентно кратному размеру месячного расчетного показателя. В данном случае императивно установлен размер и толкованию не подлежит.

При всей инициативе законодателя, даже в упомянутой статье 3 УК РК при разъяснении понятий употребляются оценочные категории. Так, с позиции оценочных категорий самым противоречивым, можно признать п. 14), в котором раскрывается понятие «существенный вред». При определении данного термина законодатель использует понятие «значительный ущерб», которое в свою очередь раскрывается в п.2) статьи 3 УК РК.

Кроме того, в обсуждаемом п.14 названной нормы УК РК используются такие лексические значения с оценочным характером, как «трудная жизненная ситуация», «нормальная работа» и др.

Также необходимо заметить, что кодекс во многих своих статьях содержит термин «иные». Несмотря на то, что законодатель в некоторых случаях разъясняет содержание данного термина, толкование данных норм содержит угрозу единообразной практике применения.

В качестве примера оценочных категорий в Особенной части УК РК 2014 года можно привести статью 101 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», где аффект раскрывается как сильное душевное волнение. В данном случае оценочное содержание понятия «сильное» налицо. К этой категории можно отнести термины «душевное» и «волнение».

Следует констатировать, что проблемы оценочных категорий не является проблемой только уголовного законодательства или теории права. Для изучения данной проблемы необходимо комплексный подход с привлечением знаний из различных отраслей науки. К примеру, гносеология, представляющая собой процесс познания [14]. Герменевтика, как теория толкования [15], имеет устойчивую связь не только с оценочными категориями, но и со всей теорией права в целом.

Не менее важное значение, для использования оценочных категорий в нормах права, имеет лексическая характеристика используемых элементов в тексте. Характеризующая интерпретация ориентирована на передачу не только фрагмента знания, но и на мнения индивида относительно этого знания и предполагает возможности единиц лексических категорий передавать оценочные смыслы в речемыслительной деятельности [16, с. 7].

Изложенное позволяет констатировать о необходимости использования оценочных категорий в уголовном законодательстве с учетом их правовых, гносеологических, лексических характеристик, а также психологии и роли правоприменителя.

Несмотря на всю сложную сущность оценочных категорий, отказаться от их использования в праве, в том числе и уголовном законодательстве, невозможно. Они необходимы для включения в сферу правового регулирования достаточно большого числа разнообразных явлений, имеющих правовое значение и характеризующих способы совершения административных правонарушений, цели и мотивы их совершения, общественно опасные последствия и пр. [17, с. 223].

В рамках реализации современной правовой политики перед законодателем стоит задача сбалансированного использования в законодательстве понятийного аппарата и оценочных категорий, для чего необходимо выявить природу, систему и классификацию, способы и технику применения последних в уголовном законодательстве, что будет осуществлено нами в дальнейших научных исследованиях.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года».
2. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. – 840с. С. 251.
3. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – 896 с.
4. Малиновский А.А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: Сб.статей: В 2 т. Т.1. Новгород, 2001.
5. Степанюк О.С. К вопросу о формулировке определения оценочного понятия уголовного закона // <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-formulirovke-opredeleniya-otsenochnogo-ponyatiya-ugolovnogo-zakona> (дата обращения 16.12.2017).
6. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юридическая литература, 1967. – 240 с.
7. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1973. – 176 с.

8. Ковалев В.А. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 72-73.
9. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1963. – 324 с.
10. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1973. – С. 97.
11. Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: Сборник ученых трудов. – Вып.28. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1973. – С. 46.
12. Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. – Вып.7. – Харьков: Издательство Харьковского юридического института, 1956. – С. 3-16.
13. Шапченко С.Д. Оценочные понятия в составах конкретных преступлений: Дис. ... канд.юрид. наук. – Киев, 1988. – С. 63.
14. https://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/134/%D0%93%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (дата обращения 22.12.2017).
15. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/297/%D0%93%D0%95%D0%A0%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%92%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения 23.12.2017).
16. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2 (035). – 2013 – С. 5-12.
17. Тимошенко И.В. Дефинирование понятийного аппарата как один из способов минимизации оценочных категорий законодательства об административной ответственности // <https://cyberleninka.ru/article/v/definirovanie-ponyatiynogo-apparata-kak-odin-iz-sposobov-minimizatsii-otsenocnyh-kategoriy-zakonodatelstva-ob-administrativnoy> (дата обращения 23.12.2017).

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Семенова В.Е.

студентка магистратуры, Российский государственный социальный университет;
главный специалист отдела ЗАГС Управления ЗАГС Московской области,
Россия, г. Москва

Черячукина Е.А.

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н.,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В данной статье рассматривается один из видов оказания платных медицинских услуг. Мы рассмотрим пластическую хирургию, не только как вынужденную меру, но и как способ избавиться от психологических комплексов. В статье так же представлены примеры, «жертв» пластической хирургии, которые стали ими, как в погоне за красотой, так и в исправлении своих проблем. Рассмотрим закон «О защите прав потребителей» и урегулирования неудачно результата, как путем мирных переговоров, так же и подачей исков суд.

Ключевые слова: услуга, медицинская услуга, медицина, здоровье, гражданско-правовые отношений, пациент, защита прав потребителей, платные медицинские услуги.

В системе правоотношений в сфере услуг, медицинские услуги занимают особое место. Возможно, это связано с отсутствием удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи, которая им оказывается и в целом ухудшением здоровья граждан, а также желанием что-то в себе поменять. Каждый год увеличивается число исков и жалоб, которые спровоцированы некачественным исполнением обязательств по оказанию платных медицинских услуг по причинам грубого отношения персонала, их некомпетентности, плохой диагностикой и лечением и т.д.

Последние несколько лет в мире устоялась тенденция на красивую сделанную внешность. Красивые люди с идеальными носами, пухлыми губами, мужчины с прессом, полученным не в спортивном зале, как можно было бы предположить, девушки с красивым подтянутым телом, результат нескольких часов на операционном столе. Ювелиры в своей отрасли – пластические хирурги, каждый день помогают людям добиться того, что они не могут получить другими способами. У многих проблемы связаны с психологическими переживаниями, а у многих с вынужденной мерой из-за состояния здоровья, но каждый хочет получить хороший результат.

К сожалению, в виду обстоятельств или недостаточной квалификацией врача, не все пациенты получают желаемый результат. Конечный результат зависит не только от профессионализма врача и качества материалов, так же важную играет особенности организма пациента. Многие известные люди, как зарубежные, так и российские прибегают к помощи врачей и если некоторые, решив свою проблему, останавливаются на этом, то другие входят во вкус. Дисморфобия – это психологическое отклонение, которое проявляет себя в недовольстве собственной внешностью [5, 38-48]. Я думаю, что многие при упоминании о «жертвах» пластических операций сразу вспоминают сестру основателя бренда «VERSACE» Донателлу Версаче. После того, как она возглавила модный дом, она решила подправить форму губ, носа и груди. Операции на лице были сделаны неудачно, и она продолжала эксперименты со своей внешностью. Как недавно призналась Донателла, пластика ей счастья не принесла. В 1980 году один известный музыкант упал со сцены и сломал нос, конечно, он был вынужден обратиться к услугам пластического хирурга. Его первая ринопластика была неудачной, но вторая ему так понравилась, что остановиться он уже не мог. Черты лица Короля поп-музыки с каждой новой операцией все меньше напоминали негроидные, Майкл Джексон помимо носа ввел имплантат в подбородок и решился на изменения размера глаз и цвета кожи. Как итог, хрящ носа был разрушен, а кожные покровы проваливались. Хирурги начали борьбу за жизнь певца и в 2004 году начали восстанавливать пострадавшие ткани, но его состояние только ухудшалось. Многочисленные операции поп-короля считаются одной из причин ранней смерти, ему было 50 лет.

Знаменитая советская и российская актриса Людмила Гурченко, всю жизнь поддерживала свою красоту и молодость не без помощи пластических хирургов. После ее первой операции, коррекции разреза глаз, последовали другие. Из-за многочисленных подтяжек кожи лица, у актрисы произошло нарушение мышц, веки перестали смыкаться, а из-за частого наркоза возросла нагрузка на сердце.

После того, как телеведущая Оксана Пушкина решила избавиться от морщин, ткани ее лица воспалились, а само лицо покрылось буграми после введения препарата. Стоит отметить, что первый этап мезотерапии прошел успешно. Пушкина отсудила у врача 150 тысяч рублей.

Думаю, многие слышали историю хирурга-самозванца Онила Рон Морриса, не имея медицинского образования он делал женщинам операции по увеличению

ягодиц. Пациенткам под кожу вводились суперклеи, жидкий парафин, цемент и другие материалы не пригодные для медицинского вмешательства. После его операций с инфекцией стафилококка погибла 20-летняя британка.

Последние несколько лет, благодаря социальным сетям такие истории переданы огласки, и если раньше можно было решить все более мирным путем или через судебные инстанции, то сейчас к данной проблеме подключают медиа- и теле-ресурсы.

За последние несколько лет были громкие скандалы с участием пластических хирургов и их пациентов. Часто, таким пациентам были предложены бартерные условия, человеку делают операцию, а он в свою очередь, рассказывает о ней своим подписчикам в социальных сетях. Огромную огласку получила история Насти Шпагиной – популярного блогера и известного питерского хирурга Нугаева Т.Ш., у которого она делала себе нос на бартерной основе. В программе «Пусть говорят» Настя рассказала свою историю, и как оказалась, была не одна с претензией к результату работы врача. На программе присутствовали и другие пациенты доктора. Лично для меня данная тема очень актуальна, так как моя магистерская работа напрямую связана с оказанием платных медицинских услуг. Пролистав интернет, я нашла не только группы, где рассказывалось о деятельности данного хирурга, но были и живые примеры с фотографиями. Как оказалось, сам врач консультацию ведет только по мессенджерам. Изначально, сама Настя была очень довольна своим носом, пока люди, которые читали ее социальные сети и смотревшие ее видео не стали замечать «дефекты». Только после того, как комментариев стало очень много, она решила публично сказать, что с носом у нее не все так хорошо, как ей казалось. Также я хочу заметить, что бывают и очень удачные результаты, когда и пациент, и врач получают прекрасный результат своей работы.

В таких условиях огромную роль играет знание потребителями своих прав при получении медицинских услуг [3]. Большинство врачей не рассказывают пациентам про возможные риски и неблагоприятные последствия от операции. Вместо того, чтобы разъяснить все теоретически допустимые проблемы, доктор предлагает подписать соответствующие бумаги, стараясь не доводить содержание их до пациента. Причиной является – боязнь напугать и в дальнейшем потерять клиента, что особенно актуально в коммерческих клиниках.

В Европе число исков к клиникам пластической хирургии и врачам минимально, поскольку операции страхуются на случай неудачи и в случае отрицательного результата пациент получает солидную компенсацию вреда. Естественно, что институт страхования в России при оказании пластических операций практически не используется, а если клиника и допускает заключение договора страхования пациента со страховой компанией, то клиент не готов вносить достаточно крупную страховую премию и полагается на «авось».

Если пациента не устраивает результат, то первым делом необходимо подготовить претензию, которую необходимо отправить заказным письмом в клинику, где была проведена операция. Именно заказными, что играет ключевую роль – почтовое уведомление позволит подтвердить факт получения вашего письма. В претензии нужно указать: фамилию, имя, отчество и адрес пациента, наименование клиники и ее адрес; номер договора на оказание медицинских услуг, дата когда была проведена операция, результат; причины, по которым пациент считает операцию неудачной, а результат – не оправданным условиями договора и ожидание клиента; требования пациента: вернуть деньги, провести бесплатно повторную опера-

цию, компенсировать моральный вред и т.д. – в зависимости от ситуации: срок, в течение которого должна быть рассмотрена претензия, а о результатах ее рассмотрения должно быть сообщено заявителю. Клиника имеет право, как удовлетворить требования полностью, так и пригласить пациента на переговоры, предложив ему другие варианты. Согласие пациента на встречные условия или нет – это право, но не обязанность каждого клиента.

Если клиника в установленный срок на условия пациента не согласилась и не предложила свой вариант переговоров, проигнорировала претензию, пациент имеет право обратиться в суд с иском в рамках закона «О защите прав потребителя» [3]. Еще можно обратиться в обычном гражданско-правовом порядке по факту неисполнения или ненадлежащего исполнения договора. В соответствии с законом «О защите прав потребителей», действие которого распространяется в том числе и на медицинские услуги, заявитель имеет право не только на удовлетворение заявленных требований, но и на взыскание штрафа в свою пользу в размере 50% от присужденных ему сумм [3, ст.13]. Исковое заявление в суд должно быть подготовлено и подано в соответствии с требованиями ст. 131-132 ГПК РФ [2, ст.131-132]. В иске должны быть указаны: – наименование суда, в который направляете иск; – наименование истца, ответчика, адреса и их реквизиты; – описание обстоятельств нарушения прав: – дата проведения операции; – результат от ожидания операции; – что прописано в договоре; – что истец получил вследствие оказания медицинской услуги; – ссылки на нормы закона и доказательства, а также основания, по которым права были нарушены; – требования к ответчику; – приложения, дата, подпись. При подаче иска в рамках исполнения гражданско-правового договора заявление подается по месту нахождения ответчика, если же истец подает иск со ссылкой на нормы закона «О защите прав потребителей», то действует правило подсудности по выбору истца – иск может быть заявлен как по месту нахождения ответчика, так и по месту жительства истца. На практике практически все истцы пользуются альтернативной подсудностью, предпочитая подавать иск по месту жительства. Как говорится, «на своей» территории истец чувствует себя спокойнее и не испытывает необходимости куда-либо ездить, а ответчик (нередко находящийся в другом городе или даже регионе) вынужден тратить время и нервы на поездки. Но следует быть внимательным – если требования истца суд признает необоснованными, то с него будут взысканы все расходы, понесенные ответчиком!

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 05.12.1994. Глава 39. Возмездное оказание услуг.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.10.2017) ст. 131, 132.
3. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 01.05.2017).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей".
5. Бегонян А.Н. Когнитивно-концептуальная терапия телесного дисморфического расстройства: анализ случая // Теория и практика психотерапии. 2015. № 5 (9). – С. 38-48.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Симонова С.В.

студентка магистратуры, Российский государственный социальный университет;
начальник организационного отдела, Совет депутатов городского округа Истра,
Россия, г. Истра

Черячукина Е.А.

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н.,
Филиал Российского государственного социального университета г. Дедовск,
Россия, г. Дедовск

Пунина И.С.

студентка, Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина, Россия, г. Москва

В настоящей статье рассматриваются вопросы в сфере взаимодействия общества и природы, права и обязанности государства и граждан в области экологии и природопользования и отдельные законодательные акты, регулирующие вопросы охраны природы.

Ключевые слова: экологическое право, природоохранное право, благоприятная окружающая среда, особо охраняемые природные территории, рекреационные зоны.

В результате исторического развития общества происходит непрерывное воздействие человека на окружающую среду, ее постоянное преобразование, которое имеет нежелательные последствия как для природы, так и для самого человека. Загрязнение почвы, воды и воздуха, нерациональное использование природных ресурсов, проблема утилизации отходов, сокращение видового разнообразия – все это составляющие части жизнедеятельности человека.

Глобальными проблемами современности стали экологический кризис и охрана окружающей среды. Нежелательные последствия для природы и человека требуют безотлагательного системного подхода всего мирового сообщества к решению сложившихся проблем в области охраны природы. В последние годы наступил новый этап развития природоохранного права, экологические аспекты включаются в различные отрасли права.

Развитие знаний в области рационального использования природных ресурсов, их восстановления и сохранения для обеспечения пригодных условий для жизни человека является одним из этапов системного подхода в природоохранной деятельности. На сегодняшний день общественные отношения в области природопользования и охраны окружающей среды регулируются одной из самостоятельных отраслей права-экологическим правом, в котором можно выделить: природоохранное право, обеспечивающее комплексное регулирование концептуальных вопросов всей окружающей среды и природоресурсное право, регулирующее вопросы рационального использования земли и ее богатств.

Первостепенным источником права в России является Конституция Российской Федерации, в ряде статей которой закреплены права в области экологических отношений. Согласно Конституции Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, которые

являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Право на благоприятную окружающую среду – это одно из основных, естественных прав человека, затрагивающих основы его жизнедеятельности, связанные с поддержанием нормальных экологических, экономических, эстетических и иных условий его жизни. Само понятие «благоприятная среда» можно рассматривать как набор компонентов природной среды, которые обеспечивают комфортную жизнь человека, не оказывают вредного воздействия на его здоровье и которые соответствуют всем установленным в природоохранном законодательстве стандартам, критериям и санитарно-гигиеническим нормативам. Благоприятная окружающая среда характеризуется видовым разнообразием растительного и животного мира, обладает способностью удовлетворять эстетические потребности человека. Благоприятная среда – это такая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Еще одним из экологических прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации является право требовать предоставления достоверной, полной и своевременной информации о состоянии окружающей природы и мерах по ее охране, право на возмещение вреда, причиненного гражданам правонарушениями в области экологии, право требовать в судебном и административном порядке отмены решений о разрешении на строительство, реконструкцию и эксплуатацию объектов, наносящих вред окружающей среде. Эти права являются средствами реализации прав граждан на благоприятную среду [2].

Основные принципы охраны окружающей среды сформулированы в Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3]. В законе содержатся принципы и нормы, составляющие основу регулирования отношений в области охраны окружающей среды, определены задачи и подходы к решению экологических вопросов, распределены полномочия между федеральными, региональными органами, органами местного управления, введен принцип материальной ответственности за вредное воздействие на природу при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, определены правовые основы государственной политики в природоохранной области. Соблюдение данных принципов является обязательным для всех участников правоотношений в области охраны природной среды. Государственная политика, руководствуясь законом, обеспечивает сбалансированное решение социально-экономических задач в области сохранения природных ресурсов и биологического разнообразия для удовлетворения потребностей граждан нашего и будущих поколений и экологической безопасности.

Для удовлетворения потребностей человека, создания благоприятного состояния окружающей среды и сохранения природы необходимо создание особо охраняемых природных объектов, территорий и рекреационных зон, и обеспечения на них соответствующего режима пользования. Различают несколько видов земель особо охраняемых территорий: федерального, субъектов Российской Федерации и местного значения. Органы исполнительной власти в пределах своих полномочий могут объявить территорию особо охраняемой, изъять соответствующий земельный участок и установить на нем режим особого использования и охраны. Правительство РФ, правительства и администрации субъектов РФ, городов федерального значения, органы местного самоуправления устанавливают и иные виды особо охраняемых территорий регионального и местного значения. Так нормативными правовыми актами Москвы Санкт-Петербурга и ряда городов регулируются осо-

бый правовой режим использования и охраны земель городских лесов, парков и выделяемых зеленых зон.

История развития правоотношений в области охраны и использовании особо охраняемых природных территорий уходит корнями в начало XX века. Создание, функционирование и защита земель данной категории – задача, которой уделяется большое внимание на всех уровнях власти Российской Федерации. В настоящее время в России площадь, выделенная под особо охраняемые территории, является самой большой в мире. Общая площадь более чем 15.5 тысяч охраняемых территорий, принадлежащих к различным категориям, с установленными на них режимам охраны и уровнями управления превышает 11% площади страны. С учетом особенностями регулирования и использования различают следующие категории охраняемых земель: государственные природные в том числе биосферные заповедники, национальные и природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады. Федеральным законом от 14.03.1995 № 33 «Об особо охраняемых природных территориях» регулируются отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных объектов и достопримечательностей, которые имеют научное, культурное и эстетическое значение в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения. Согласно закону, территории изымаются из хозяйственного оборота, все природные ресурсы, находящиеся на территориях, могут предоставляться во владение или пользование научно-исследовательским учреждениям, имеющим своей целью изучение и сохранение природных явлений и процессов, редких ландшафтов, видовой и генетический фонд растительного и животного мира и уникальных природных комплексов. Запрещается изъятие или иное прекращение прав на земельные участки и другие природные ресурсы, которые включаются в государственные природные заповедники. Земельные участки, ограниченные или изъятые из оборота, не могут становиться объектами сделок, предусмотренными гражданским законодательством [3, ст.27].

К землям рекреационного назначения относятся пригородные зеленые зоны и леса вокруг крупных городов и населенных пунктов. Эти земли не изымаются из хозяйственного оборота, но на них устанавливается особый режим ограниченного использования, который заключается в запрещении хозяйственной деятельности, оказывающей негативное влияние на выполнение этими зонами экологических и рекреационных функций. Некоторые вопросы, связанные с использованием и охраной земель рекреационного назначения, регулируются Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об туристской деятельности в Российской Федерации». В частности, законом обеспечиваются права граждан на отдых, свободу передвижения в путешествиях, рекреационного использования природного и культурного наследия, определяется классификация и оценка туристских ресурсов и режим их охраны, закрепляются права и обязанности туриста.

Государство проводит мониторинг окружающей среды с целью разработки комплексной программы мероприятий по ее охране, предотвращению деятельности, наносящей ущерб, оздоровлению окружающей среды, предупреждению и ликвидации последствий техногенных аварий, катастроф и стихийных бедствий. Важной составляющей этой программы является государственное и социальное стра-

хование граждан, организация доступного и качественного медицинского обслуживания населения. Государство должно осуществлять свои функции в области использования природных объектов, не причиняя ущерба гражданам своей страны как настоящего, так и будущих поколений, гарантировать и охранять права собственников и пользователей земли, осуществлять контроль отношений в области взаимодействия общества и природы, соблюдать принципы земельного права и природоохранного законодательства, которые рассматривают значение земли, как основы жизни и деятельности человека.

Список литературы

1. Батычко В.Т. Земельное право в вопросах и ответах. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2007.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Консультант плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 29.07.2017): (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.11.2017) // Консультант плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]
4. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Консультант плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]
5. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об особо охраняемых природных территориях» // Консультант плюс. Версия Проф [Электронный ресурс]

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тарасова Е.Б.

магистрант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Россия, г. Чебоксары

Перепелкин В.И.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Россия, г. Чебоксары

Статья посвящена изучению особенностей допроса при расследовании преступлений. Рассмотрены проблемы проведения допроса, возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: допрос, организация допроса, тактика допроса, предварительное расследование.

Одной из форм получения доказательств по расследуемому уголовному делу – это допрос различных категорий участников уголовного процесса, без которого невозможно представить ни одно расследование и судебное разбирательство. Доказательства, полученные в ходе допроса, позволяют воссоздать целостную картину преступления, выявить участников преступного сообщества, их роли в противоправном деянии, цели, средства, умысел преступной деятельности, и в конечном итоге осуществить справедливое и разумное судебное разбирательство.

Допрос различных категорий граждан, проходящих по тому или иному уголовному делу, имеет свои специфические особенности и закономерности, которые

определяются различными факторами, включая внешние обстоятельства того или иного дела, а также комплексом личностных характеристик допрашиваемого, наиболее важными из которых являются его интеллектуальная и психологическая составляющие.

Поэтому для наиболее эффективного проведения допроса различных категорий граждан крайне необходимо выявить и исследовать основные закономерности, зависящие как от внешних обстоятельств, так и от внутренних качеств личностей и с учетом установленных особенностей достичь наиболее высокого результата в раскрытии преступлений, и восстановлении законности и справедливости.

Изучению тактики допроса и ее значения в раскрытии преступлений посвящены работы многих отечественных ученых-процессуалистов, тем не менее, некоторые специфические аспекты тактики допроса (применение системного анализа, достижений прикладной психологии), а также ее особенности в делах отдельных категорий представляются нам недостаточно исследованными.

Допрос на предварительном следствии – это регламентированный уголовно-процессуальным законом устный диалог между должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело (дознатель, следователь), и подозреваемым, обвиняемым, свидетелем и потерпевшим в целях получения сведений, имеющих доказательственное значение [1]. Как наиболее простое и эффективное средство получения вербальной информации допрос широко применялся в следственной практике с давних времен и упоминался во многих источниках.

Для достижения поставленных целей огромное значение имеет процесс подготовки к допросу. Если следователь не определил цели и задачи предстоящего допроса, его предмет, не составил перечня конкретных вопросов, по которым нужно получить ответы, и не продумал их четких формулировок, то его шансы получить исчерпывающую информацию значительно снижаются. Наблюдая неподготовленность и некомпетентность следователя допрашиваемый теряет к нему доверие и уважение, что негативно сказывается на результатах допроса.

Изучение ряда материалов уголовных дел позволяет говорить о том, что следователи зачастую не уделяют должного внимания подготовке к допросу, пытаются экспромтом добиться поставленных целей. Это приводит к серьезным упущениям и ошибкам, требующим проведения повторных допросов, что существенно затрудняет расследование, снижает авторитет правоохранительных органов, вызывает справедливое недовольство граждан низким уровнем организации следственного действия [2-4].

Важнейшим моментом при подготовке допроса является определение его предмета. С целью определения предмета предстоящего допроса необходимо тщательно изучить и проанализировать материалы дела, исследовать все известные следствию факты и обстоятельства, для того, чтобы иметь четкое представление о том, какое информационное поле нужно исследовать и какие сведения получить от допрашиваемого лица [5-7].

Особую сложность представляет проведения допроса и получение объективных сведений в случаях конфликтной ситуации между следователем и допрашиваемым [8, 9]. При наличии доказательств, позволяющих полностью установить ложность показаний допрашиваемого, необходимо разумно, логически обосновано и тактически правильно предъявить ему эти доказательства. Предъявление доказательств может использоваться как эффективный тактический прием, позволяющий во многих случаях добиться необходимого следователю результата. Однако для

наибольшего эффекта его необходимо сочетать с другими тактическими приемами: использование фактора внезапности при допросе, что не позволяет допрашиваемому заранее подготовиться, воздействие на психологические качества (стимулировать страх перед наказанием или желание его уменьшить либо избежать), а также интеллектуальную составляющую личности (убеждение, разъяснение того, что смягчает ответственность).

Для получения полной и объективной информации о тех или иных фактах неоценимую помощь могут оказать передовые достижения прикладной психологии и в частности методика нейролингвистического программирования. Нейролингвистическое программирование (НЛП), как указывает один из исследователей, представляет собой прогрессивную методику воздействия на мозг человека, активно использующую компьютерные термины и технологии. НЛП – это модель психических процессов и поведения человека.

Таким образом, допрос представляет собой сложное взаимодействие между сторонами – следователем и противоположными противостоящими ему лицами. Успех проведения допроса в первую очередь определяется личными морально-психологическими качествами, уровнем подготовленности, целеустремленностью следователя на получение доказательств по уголовному делу, а также психофизиологическими качествами противоположной стороны участников допроса. Тактика допроса имеет специфические аспекты в зависимости от вида противозаконного деяния и должна строиться с учетом всего комплекса особенностей расследуемого преступления.

Список литературы

1. УПК РФ от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I) – ст. 4921.
2. Перепелкин В.И., Константинова Ю.С. Особенности подготовки к проведению допроса несовершеннолетних по грабёжам и разбойным нападениям. В сборнике: Суд присяжных в России: история становления, современное состояние и перспективы развития Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 177-180.
3. Перепелкин В.И., Константинова Ю.С. Актуальные проблемы организации и проведения осмотра места происшествия по грабёжам и разбойным нападениям на открытой местности В сборнике: Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения. Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ответств. за выпуск: Т. Н. Потапова. 2017. С. 436-440.
4. Перепелкин В.И. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств. В сб.: Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества Матер. XVI межвуз. научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 192-198.
5. Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А Криминалистическая характеристика квартирных краж. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 476-480.
6. Перепелкин В.И. Некоторые проблемы фиксации доказательственной информации при допросе. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 350-353.
7. Адюкова Е.В., Перепелкин В.И. Использование идеальных следов в расследовании преступлений. В сб. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменитель-

ной практики Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова г. Чебоксары, 1 декабря 2017. С. 557-559.

8. О проведении допроса подозреваемых и обвиняемых. В сб. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова г. Чебоксары, 1 декабря 2017. С. 560-563.

9. Исаева Е.П., Перепелкин В.И. Современные способы фиксации, обстановки, проведения следственного действия. В сб. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова г. Чебоксары, 1 декабря 2017. С. 568-571.

КОНСТИТУЦИИ ГОСУДАРСТВ И ТРАНСГРАНИЧНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ¹

Умнова (Конюхова) И.А.

зав. отделом конституционно-правовых исследований, д-р юрид. наук, профессор,
Российский государственный университет правосудия, Россия, г. Москва

В статье анализируются современные тенденции расширения предмета и границ конституционного регулирования с целью противодействия терроризма. Рассматривается опыт конституций государств и транснационального конституционного регулирования, международная и конституционная судебная правоприменительная практика.

Ключевые слова: конституция, противодействие терроризму, международное и антитеррористическое право, решения международных и национальных судов.

В современную эпоху конституции играют все более значительную роль актов прямого действия и прямого применения в защите от глобализации угроз со стороны терроризма. Реализация этих задач обуславливает расширение предмета конституционного регулирования, установление дополнительных запретов и ограничений в деятельности, возникновение новых конституционно-правовых комплексов, расширение судебной правоприменительной практики.

Для конституций последних поколений характерно закрепление разделов, посвященных национальной безопасности; в них напрямую вводятся предписания, обязывающие государства бороться с терроризмом. Подобные положения можно найти в конституциях стран различных континентов и регионов.

В конституциях ряда государств содержится упоминание о терроризме как о зле, закрепляется принцип отказа от него, определяются ключевые средства борьбы с ним. В частности, в ст. 4 Конституции Бразилии 1988 г. особо закреплён принцип отказа от терроризма и расизма. В соответствие со ст.7 Конституции Исламской Республики Афганистан 2004 г. государство преследует все виды террористической деятельности и потребление интоксикантов, включая алкоголь, производство и контрабанду наркотиков. Конституция Чили 1980 г. в ст.9 определяет, что терроризм в любых его формах по существу противоречит правам человека. Конститу-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-03-00187.

ция данного государства формулирует основные положения национального закона, регулирующего вопросы борьбы с терроризмом: закон, принятый квалифицированным большинством, определяет проявления терроризма и устанавливает наказание за него. В ст.7 Конституция Ирака 2005 г. устанавливается, что организации или общественные объединения, поддерживающие, провоцирующие, оправдывающие расизм, терроризм, такфир (провозглашение кого-либо неверным), сектантские чистки запрещены под любым именем, в особенности – партия Saddamistbaath в Ираке и ее символика. Ирак осуждает воинствующий терроризм во всех его проявлениях и обеспечивает защиту своих территорий от возникновения террористических баз, путей их сообщения и областей.

Борьбе с терроризмом посвящена ст.237 новой Конституции Египта 2014 г., предусматривающая, что государство обязано бороться со всеми типами терроризма и отслеживать финансирование в течение определенного срока в свете угрозы, которую он представляет для государства и граждан, гарантируя тем самым права и свободы. Закон определяет положения и порядок борьбы с терроризмом и справедливой компенсации за ущерб, нанесенный терроризмом. Статья 74 Конституции Египта запрещает политическую деятельность и создание политических партий на религиозной, расистской, географической или секторальной основе. Вне закона, таким образом, оказались партии, базирующиеся на религиозной идеологии, в числе которых «Братья-мусульмане», Партия свободы и справедливости, ультраконсервативная салафитская партия «Ан-Нур».

В государствах, где отсутствуют писанные конституции, а также в государствах с традициями широкого законодательного регулирования мер безопасности принимаются антитеррористические законы.

Так, более 14 антитеррористических законов принято во Франции. Закон «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» 1986 г. французские юристы считают основным в широкомасштабном наступлении на терроризм. Меры по борьбе с терроризмом были еще более ужесточены во Французском законе от 22 июля 1996 г., который ввел понятие «преступного сообщества, связанного с терроризмом», а власти получили право применять упреждающие меры, в частности лишать гражданства. Закон 2006 г. продолжил развивать антитеррористическое законодательство: перед операторами телефонной связи и провайдерами была поставлена обязанность сохранять данные в течение года. Закон облегчил условия установления видеонаблюдения, увеличил срок временного задержания подозреваемых в терроризме с четырех до шести суток, разрешил полицейскому кордону открывать огонь по автомобилям, которые не останавливаются по его требованию. В 2008 г. комплекс антитеррористических мер был дополнен мерами по контролю на международных железнодорожных линиях. Французские полицейские получили право проверять документы у пассажиров в 20-километровой зоне от национальных границ. Нарастающие угрозы и вызовы со стороны терроризма были учтены во французском Законе от 4 ноября 2014 г. «О борьбе с терроризмом», который ввел запрет кандидатам в джихадисты, которые отправляются в Сирию или Ирак, покидать территорию Франции. Этот Закон допускает возможность внесудебной блокировки исламистских веб-сайтов, содержит определения, в том числе и экологического терроризма, распространяющиеся не только на физических, но и на юридических лиц; устанавливает их ответственность в случае пособничества террористам названием, репутацией или деньгами [1, с. 130].

В целях ужесточения антитеррористических мер в Великобритании в 2015 г. вступил в силу Закон о безопасности и противодействии терроризму. Он предоста-

вил представителям власти право временно изымать документы, если лицо подозревается в намерении покинуть страну для ведения террористической деятельности, или же запретить въезд в страну на два года. Были расширены возможности Минюста страны по получению доступа к интернет-данным пользователей и введению в действие схемы, по которой авиаперевозчикам могут запретить брать на борт как конкретных британских граждан, так и граждан определенной национальности. Обязанность заниматься профилактикой терроризма и экстремизма была возложена также на местные власти, тюрьмы, больницы и школы [2, с. 16].

В странах ЕС изменения правового регулирования, осуществляемые в целях повышения эффективности борьбы с терроризмом, обусловлены важностью взаимодействия национального и европейского права. Так, конституционно-правовое регулирование в ФРГ, направленное на борьбу с терроризмом, в значительной мере опирается на положения, сформулированные в актах ЕС. Германское антитеррористическое право учитывает определение терроризма в ст.1 III Общей позиции Совета ЕС 2001/931/GASP, в котором он обозначен как преднамеренные действия, способные в силу своей природы или содержания нанести серьезный ущерб стране или международной организации, в том случае, если они совершены с целью устрашения населения или незаконного склонения правительства или международной организации к исполнению или воздержанию от исполнения какого-либо действия, или к серьезной дестабилизации или разрушения основных политических, конституционных, экономических или социальных структур страны или международной организации.

Немецкие ученые отмечают, что с учетом норм международного права, превентивная деятельность государства в сфере борьбы с терроризмом предполагает при создании новых норм права защитительного характера прогнозирование наличия опасности. При ограничении прав и свобод, осуществляемых по соображениям безопасности или в случае потенциальной опасности, должна существовать причинно-следственная связь между адресатами применяемых мер, особенностями их поведения и возможным вредом. Законодатель при регулировании полномочий, предоставляемых в целях обеспечения безопасности, не может отказаться от указания причинно-следственных связей и заменить их политической оценкой или субъективным ощущением безопасности [17, с. 8].

15 июня 2016 г. израильский парламент принял новый Закон о борьбе с терроризмом. Закон пересматривает и расширяет израильское законодательство во многих областях, в том числе установлена уголовная ответственность за подстрекательство к терроризму и за «демонстрацию солидарности с террористической организацией или поддержку акта терроризма». Изменения касаются использования Интернета и социальных сетей в террористических целях и направлены на снижение угрозы терроризма в киберпространстве. Закон предусматривает уголовную ответственность за поведение, соответствующее террористическим действиям, в том числе в киберпространстве (публичная демонстрация солидарности с террористической организацией; участие в действиях, которые могут привести к террористическому акту, вербовка лиц для террористической организации или участие в учениях, проводимых террористической организацией; публикация прямых призывов к совершению террористического акта; публикация сообщений, восхваляющих или поддерживающих террористический акт). В соответствии с этим Законом частные лица и группы, координирующие террористические действия, могут быть объявлены «террористическими организациями». Это определение распростра-

ется и на другие преступления, которые могут быть совершены посредством компьютерных средств, в том числе членами террористической организации или лицами, оказывающими услуги такой организации [3, с. 81].

Одним из самых жестких является антитеррористическое законодательство США, сформированное после терактов 11 сентября 2001 г. Оно объединяет федеральные акты и законы, действующие на уровне штатов. Основным является Акт о патриотизме 2001 г., наделивший спецслужбы возможностью реагировать практически на любые действия, которые могли бы помочь в предотвращении терактов, в том числе по выявлению групп террористов через отслеживание их активности в Интернете, путем проверки электронной почты подозреваемых в причастности к террористической деятельности. Появилась возможность при наличии чрезвычайных обстоятельств вести розыск подозреваемых без судебного ордера с санкции прокуратуры; телекоммуникационные компании были наделены обязанностью сохранять данные и представлять информацию по требованию суда.

Наряду с расширением предмета конституционного и законодательного регулирования в целях противодействия терроризму, развивается международное право, формирующее обязательства государств в формировании антитеррористического права, основанного на единых стандартах, отражаемых в конституциях и законах государств.

ООН и другие международные организации заговорили о «новой парадигме безопасности» после событий 11 сентября 2001 года. Важным импульсом для расширения научных исследований и дискуссий в контексте неразрывного взаимодействия государств по борьбе с терроризмом, обеспечения всеобъемлющей взаимосвязи норм международного и внутреннего права в этом направлении послужила *Глобальная контртеррористическая стратегия ООН*, принятая государствами-членами 8 сентября 2006 года. Эта Стратегия служит уникальным глобальным документом, укрепляющим национальные, региональные и международные усилия по борьбе с терроризмом. Впервые все государства-члены согласились с общим стратегическим подходом борьбы с терроризмом: признанием того, что терроризм неприемлем во всех его формах и проявлениях, была выражена общая решимость предпринять практические шаги, как в индивидуальном, так и в коллективном плане, по предотвращению терроризма и борьбы с ним. Эти практические шаги включают широкий круг мер, варьирующихся от укрепления государственного потенциала в деле борьбы с террористическими угрозами до лучшей координации контртеррористической деятельности системы ООН. Глобальная Контртеррористическая Стратегия ООН в форме резолюции и прилагающегося Плана действий (A/RES/60/288) содержит 4 основных раздела: 1) меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма; 2) меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним; 3) меры по укреплению потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы ООН в этой области; 4) меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом.

Международно-правовые меры по решению проблем терроризма предпринимаются и на уровне региональных международных организаций, в том числе в рамках Совета Европы, ЕС, ОАГ, СНГ, АС и др.

В условиях глобализации международного терроризма актуальное значение приобретает деятельность по противодействию сотрудничеству национальных террористических организаций друг с другом, их согласованному базированию на

территории различных государств, что в итоге приводит к формированию единой сетевой структуры международного терроризма. Ученые указывают на недостаточность международных и национальных правовых средств по предотвращению сращивания радикальных террористических религиозных организаций и криминального терроризма. В условиях становления единой мировой сети террористических организаций обращает на себя внимание возрастание немотивированного, спонтанного, «одиночного» терроризма; заметный всплеск этнического и религиозного терроризма, в котором сегодня господствует исламское направление.

Динамика роста числа терактов на всех континентах, расширение масштабов запрещенной международной террористической организации ИГИЛ свидетельствует о важности расширения правовых мер противодействия терроризму как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в своем выступлении 23 февраля 2017 г. на заседании Генеральной Ассамблеи предложил разработать «стратегию мира и безопасности», которая позволит отдавать должные приоритеты вопросам предотвращения конфликтов и поддержанию мира, реформировать систему взаимодействия между государствами – членами ООН, а также управления всей Организацией, выстроить новое партнерство с государствами-членами по противостоянию межнациональной угрозе терроризма.

В результате интенсивного развития норм международного права и национального права, направленных на противодействие терроризму, не только формируются институты антитеррористического права, меняется сама сущность либерально-демократической концепции права. Сужение прав и свобод, расширение запретов и повышение мер ответственности – все это активизирует споры о правомерности вводимых правовых ограничений свободы и деятельности субъектов права, о допустимости более узкой трактовки принципов уважения прав человека и верховенства права.

Среди наиболее востребованных тем исследования можно назвать профилактику терроризма на международном и национальном уровнях [7, с. 819]; международно-правовая ответственность и средства правовой защиты от терроризма в международном и национальном праве [23, с. 21]; действие принципов уважения прав человека и верховенства права в условиях борьбы с терроризмом [3, с. 81]; развитие миграционного права с учетом глобальной террористической угрозы [14, с. 1075].

Современные исследователи стремятся рассмотреть взаимодействие норм международного права и национального права по борьбе с терроризмом как на региональном уровне [5, с. 272], так и на примере отдельных государств.

Интенсивно развивается антитеррористическое право в рамках международного уголовного права, которое решает задачи определения терроризма как международного преступления; выявления видов международных террористических преступлений [8, с. 224]. Отдельный блок исследований посвящен такому виду террористических деяний как кибертерроризм и цифровой терроризм [9, с. 524]. Актуальными темами научных исследований следует назвать глобализацию терроризма (транснациональный терроризм), формирование макротеррористических международных организаций и квазигосударственных образований на примере ИГИЛ [6, с. 31].

Среди фундаментальных монографических исследований, посвященных антитеррористическому международному и национальному праву выделяются рабо-

ты, содержащие глобальный сравнительный обзор правовых и политических мер по борьбе с терроризмом [21, с. 120].

Так, фундаментальная книга *«Терроризм и международное право: ответственность, средства правовой защиты и реформа»* (2011 г.), подготовленная профессором Элизабет Стаббинс Бейтс [23, с.201], содержит глубокий экспертный анализ основных вопросов, связанных с терроризмом и противодействия терроризму; затрагивает изменения в международном праве и практике в динамически развивающихся и зачастую спорных антитеррористических правоотношениях. Автор рассматривается соответствующая практика правительств государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке; приводятся примеры и обучающие кейсы по решению правовых ситуаций в странах Ближнего Востока, Африки, Азии и Южной Америки.

Другая фундаментальная работа под редакцией профессоров Лариссы Ван ден Херик и Нико Шрайвера *«Антитеррористическая стратегия и фрагментарный международный правопорядок: встреча с выводом»* (2015 г., Кембриджский университет) [10, с. 760] всесторонне рассматривает вопросы функционирования и применения международного и национального права в контексте решения задач противодействия терроризму [11, с. 171].

Важным импульсом по развитию международного права, по мнению Лариссы Ван ден Херик и Нико Шрайвера, послужит обеспечение взаимосвязи между различными отраслями международного права и системного применения их норм для борьбы с терроризмом. Авторы отмечают, что, несмотря на постоянные попытки решения проблем терроризма, до сих пор существует настоятельная необходимость совместного и согласованного применения различных нормативных актов, касающихся международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия, применения силы и международного права прав человека. Эффективность международного антитеррористического права должна обеспечиваться взаимосвязью между различными отраслями международного права и их применимостью к решению проблем терроризма и борьбы с терроризмом, усилением акцентов на международное сотрудничество в деле предупреждения и расследования терроризма, расширением оснований применения силы против террористов, и взаимосвязи между правом прав человека и международным правом в области прав человека в процессе борьбы против терроризма.

Изданные за последнее десятилетие работы, исследующие национальное законодательство по борьбе с терроризмом, как правило, сопоставляют динамику развития международного права и национального права. Примером такого исследования является книга *«Терроризм и право»*, написанная Клайвом Уокером, профессором в области уголовного правосудия юридического факультета Университета Лидса [24, с. 79].

Она содержит системный анализ законодательства и практики борьбы с терроризмом в Великобритании до 2010 года. Уокер выходит за рамки национального антитеррористического законодательства, сопоставляет соответствующие положения внутреннего законодательства с нормами международного права, подробно останавливается на практике реализации законодательства, пилотных исследованиях и судебном преследовании.

Французские исследователи публичного права также активно дискутируют в настоящее время о потенциале нарушения норм международного и национального права прав человека в связи с обозначенной на официальном уровне перспективе

внесения изменений в Конституцию Франции и принятии более жесткого по ограничениям свободы закона о разведке [12, с. 5].

В частности, почетный профессор политических наук *О.Дюамель* в своей статье *«Терроризм и поправки к Конституции Франции»* (2016 г.) [13, с. 11] размышляет о том, чтобы произошло, если бы Франция воплотила заявление Президента страны о двух поправках в Конституцию Франции, касающихся упрощенного порядка введения чрезвычайного положения и возможности расширения оснований лишения гражданства. Это заявление было сделано Президентом сразу после серии терактов на стадионе, в кафе и других объектах массового скопления людей 13 ноября 2015 года, повлекших за собой гибель 130 человек и многочисленные ранения.

О.Дюамель стоит на либерально-демократической позиции в оценке последствий возможных конституционных нововведений, он опасается роста авторитаризма и ксенофобии. Вместе с тем, автор статьи не может не признать изменение ситуации в контексте обеспечения национальной безопасности и призывает по-новому взглянуть на достижение баланса между свободой и безопасностью. С учетом изменившейся ситуации *О.Дюамель* размышляет и о возможности расширения оснований лишения гражданства лиц, подозреваемых в совершении терактов.

Особый интерес у современных исследователей вызывает оценка роли судов в определении правомерности законодательных и иных мер по ограничению прав и свобод в условиях борьбы с террористической угрозой. Речь идет о вовлечении в этот процесс как международных судов (в особенности, ЕСПЧ), так и национальных судов. Ряд исследователей отмечают непоследовательность судов в разрешении правозащитных дел, на смену правовых позиций и трудности в обеспечении непреклонного авторитета судебных решений.

В частности, профессор *Ф. Фаббрини* в своей статье *«Европейский Суд по правам человека, экстрадиция в обход права и право на правду: обеспечение ответственности за массовые нарушения прав человека»* (2014 год), размышляет о противоречивых правовых позициях ЕСПЧ, усложнении правозащитной функции международного правосудия в контексте определения оснований ответственности за нарушения прав человека, в том числе в условиях ожесточения контроля в целях борьбы с терроризмом [15, с. 85].

Профессор *Э.В.Вет* (Университет в Претории) считает, что решения Суда ЕС с точки зрения их последствий обосновывают приоритет норм, устанавливающих права человека по отношению к санкциям, вытекающим из резолюции Совета Безопасности ООН 1267, поскольку санкции были наложены без учета норм о правах человека. Так, решения Суда ЕС от 18 июля 2013 г. и 12 сентября 2012 г. повлияли на общепризнанную иерархию норм, устанавливающих права человека, и обосновывали существование международного конституционализма [22, с. 120].

Среди авторов, исследующих вклад национальных судов в сбалансированную защиту одновременно прав человека и национальной безопасности, можно отметить статью *К. Мюррея* «Пошаговые изменения или жульничество? Контртеррористическая практика судов Великобритании после 9 сентября 2001 года» [18, с. 23].

Мюррей пишет, что антитеррористические решения высших апелляционных судов, как правило, нацелены на международное признание. Объяснения судебной властью триангуляции между безопасностью и основными правами человека, по мнению автора статьи чрезмерно упрощают роль судебной власти. Суды сегодня

вовлечены в правовую оценку предпринимаемых исполнительной властью мер по противодействию терроризму, в том числе касающихся организации Королевством (Великобританией) системы занятости населения и борьбы с безработицей, содержания под стражей без суда и мер по контролю. Оценивая деятельность исполнительной власти, суды Великобритании все более вовлекаются в определение конституционности мер по эрозии прав человека. Несмотря на важность системы уголовного правосудия в реализации контртеррористических стратегий, судебная система Великобритании по сути согласилась на подрыв гарантий против злоупотреблений исполнительной власти, объясняемый интересами борьбы с терроризмом [19, с. 2].

В немецкой литературе особое внимание уделяется решениям Федерального конституционного суда ФРГ [16, с. 13], определяющего необходимость выработки новых правовых инструментов для обеспечения эффективной борьбы с терроризмом и расширения полномочий государственных органов, особенно следственных органов и полиции. Органы конституционного контроля в ФРГ стремятся найти конституционно обусловленный баланс выполнения государством функции по обеспечению общественной безопасности и соблюдением прав человека. Важнейшую роль в этом играет доктрина Федерального конституционного суда, выраженная в его решениях. Последние тенденции состоят в формулировании данным органом требований к законодателю по более тщательной проработке важных деталей в законах по борьбе с терроризмом, затрагивающих основные права граждан. Показательным в этом смысле является решение Федерального конституционного суда ФРГ от 20 апреля 2016 г. по жалобе по Закону о защите федеральным управлением уголовной полиции от угрозы международного терроризма от 25.12.2008 г.

Оценивая в целом направленность современных исследований, посвященных противодействию терроризму в международном праве и национальном праве, можно отметить стремление привести к единому знаменателю теоретические и концептуальные определения терроризма как международной проблемы, обобщить и сравнить опыт противодействия терроризму в отдельных странах и на международном уровне, всесторонне проанализировать деятельность государств в борьбе с террористической угрозой и дать рекомендации по расширению этой деятельности и международного сотрудничества, опираясь на многочисленные документы ООН и ее отраслевых структур, региональных международных организаций.

В международном праве и национальном праве так и не сформировалось единого понятия «терроризм». Отсутствие единообразного определения терроризма объясняется наличием его квазиопределения. В международных конвенциях (к примеру, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1999 г., Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. и др.), резолюциях Совета Безопасности ООН (например, резолюции 1368, 2001 г.; 1373, 2001; 1624, 2005 г.), в международной судебной практике (Специальный трибунал по Ливану), в национальном законодательстве (США, Великобритании, Австралии, Канады и Израиля) выделяются элементы понятия «терроризм». Среди них: насилие или угроза насилия, причинение смерти и тяжкого вреда здоровью человека, существенный вред имуществу, политические цели.

Попытки последних лет разрешить парадокс неопределенности не смогли преодолеть политизированности понятия «терроризм». Эффективное международное определение могло бы ограничить стремление государств самостоятельно объявлять лиц террористами, а события – как террористические акты. Без решения

этой задачи трудно осуществлять правовую квалификацию действий сверхдержав (*muscular states*) по «глобальной войне с терроризмом», юридически оценивать их транснациональные контртеррористические операции, в том числе вне санкций Совета Безопасности ООН.

Лейтмотивом научных работ является озабоченность ученых низкой эффективностью права в борьбе с терроризмом. Существование международного терроризма как глобальной угрозы ставит на повестку дня формирование нового типа межгосударственных и международных отношений, свободных от геополитического, национального, экономического и социально-культурного эгоцентризма; формирование адекватных для достижения данной цели мер правовой ответственности и правового поощрения. Отмечается важность создания в структуре ООН специального центра, занимающегося мониторингом и анализом международной террористической деятельности, выработкой рекомендаций для стран-членов, обеспечивающих единую программу противодействия, предотвращения и ликвидации террористических угроз.

Мировая ситуация свидетельствует, что борьба с терроризмом может быть успешной только как долгосрочная программа, при условии тесного взаимодействия международного права и национального права, синхронной кодификации внутригосударственного законодательства и систематизации международно-правовых норм, достижения солидарности и активного сотрудничества большинства государств мира.

Список литературы

1. Международный терроризм и мировой опыт борьбы с ним. – Режим доступа: http://studbooks.net/1099229/pravo/problemy_borby_terrorizmom_razlichnyh_gosudarstvah#330
2. Терроризм и закон: как разные страны борются с экстремистами. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/124016/>
3. См.: Фидлер Д. Новый израильский закон о борьбе с терроризмом в киберпространстве. – Режим доступа: <http://newknowledge.ru/articles/novyiy-izrail-skiy-zakon-o-borbe-s-terrorizmom-v-kiberprostranstve/>; Шульман А. Война против террора – израильский опыт. – Режим доступа: <http://shaon.livejournal.com/186762.html>
4. Argomaniz J., Bures O., Kaunert C. A decade of EU counter-terrorism and intelligence: A critical assessment // Intelligence and national security. – N.Y., 2015. – Vol. 30, N 2-3. – P. 191-206; Counter-terrorism strategies in a fragmented international legal order: Meeting the challenges / Larissa van den Herik and Nico Schrijver (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 760 p; Dragu T., Polborn M. The rule of law in the fight against terrorism // American journal of political science. – Michigan, 2014. – Vol. 58, N 2. – P. 511-525; Duffy H. The «war on terror» and the framework of international law. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 2015. – 993 p. Wagstaff R. Terror detentions and the rule of law. US and UK perspectives. – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – 400 p.
5. Alexander Y., Myers K. Terrorism in Europe. – N.Y. : Routledge. – 2015. – 224 p.; Dalacoura K. Islamist Terrorism and Democracy in the Middle East. – Cambridge etc. : Cambridge univ. press. – 2011. – 213 p; Police and adolescents in multiethnic societies: Conflict-prone interactions and their causes in Germany and France: Research report 2015/ Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law // Mode of access: http://www.mpg.de/8932222/STRA_JB_2015?c=9262538; The geographical dimensions of terrorism / Ed by Cutter S., Richardson D., Wilbanks T. – N.Y. : Routledge. – 2014. 272 p.
6. Braithwaite A. Transnational terrorism as an unintended consequence of a military footprint // Security studies. – Routledgepress. – 2015. – Vol. 24. – P. 349-375; Murphy C. Transnational counter-terrorism law: law, power and legitimacy in the 'wars on terror' // Transnational legal theory. – Routledgepress. – 2015. – Vol. 6, No. 1. – P. 31-54.

7. Gal-Or N. International cooperation to suppress terrorism. – N.Y.: Routledge, 2015. – 402 p; Roach K. Comparative counter-terrorism law. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2015. – 819 p.
8. Cassese A., Gaeta P. Cassese's international criminal law. 3th ed. – Oxford etc. : Oxford univ. press. – 2013. Par. 8: Terrorism as an international crime; Defence against terrorism review. – Ankara : COE-DAT. – 2014. – Vol. 6, N 1. – 96 p.; Said W. Crimes of terror. The legal and political implications of federal terrorism prosecutions. – NY etc. : Oxford univ. press. – 2015. – 224 p.
9. Clough J. Principles of cybercrime. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 2015. – 524 p.; Radzivil Y. Cyber-attacks and the exploitable imperfections of international law. – Leiden : Brill | Martinus Nijhoff Publishers. – 2015. – 412 p.; Shackelford S. Managing cyber attacks in international law, business, and relations : in search of cyber peace. – N.Y. : Cambridge univ. press. – 2014. – 393. p; Taylor R., Fritsch E., Liederbach J. Digital crime and digital terrorism. 3rd ed. – NJ : Prentice hall press Upper Saddle river. – 2014. – 408 P.
10. Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order: Meeting the Challenges Authors: Larissa van den Herik and Nico Schrijver (eds) Publisher: Cambridge University Press Publication date: January 2015. Format: Softcover ISBN: 9781107480100 Length: 760 pages.
11. Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order: Meeting the Challenges Authors: Larissa van den Herik and Nico Schrijver (eds).
12. Duhamel O. Terrorism and Constitutional Amendment in France // European Constitutional Law Review. – Cambridge, 2016. – Vol. 12. № 1. – P. 1 – 5.
13. Duhamel O. Terrorism and Constitutional Amendment in France // European Constitutional Law Review. – Cambridge, 2016. – Vol. 12. № 1. – P. 1-5. Mode of access: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/B57D86210050B542C6C07780C5C0CBD1/S1574019616000067a.pdf/div-class-title-terrorism-and-constitutional-amendment-in-france-div.pdf>
14. Filipczak I. Immigrant to a terrorist: On liquid fears in Hari Kunzru's transmission // Brno studies in English. – Brno, 2014. – Vol. 40, N 2. – P. 67-76; Messina A. Securitizing immigration in the age of terror // World of politics. – Princeton etc.: Cambridge univ. press, 2014. – Vol. 66, N 3. – P. 530-559; Rimmer S. Dangerous intersection: Migration and counter-terrorism laws in the case of Dr. Mohamed Haneef // Connecting international law with public law. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2014. – Vol. 4: Allegiance and identity in a globalized world / Ed. By F. Jenkins, M. Nolan et al. – P. 291-308. Singer S. Terrorism and article 1F(c) of the refugee convention exclusion from refugee status in the United Kingdom // Journal of international criminal justice. – Oxford, 2014. – Vol. 12, N 5. – P. 1075-1091.
15. Fabbrini F. The European Court of human rights, extraordinary renditions and the right to the truth: ensuring accountability for gross human rights violations committed in the fight against terrorism // Human rights law review. – Oxford: Oxford univ. press. – 2014. – N. 14. – P. 85-106.
16. Gnüchtel R. Das Gesetz zur Verlängerung der Befristung von Vorschriften nach den Terrorismusbekämpfungsgesetzen auf Grundlage der dritten Evaluation // NVwZ. – München, 2016. – H. 1-2. – S. 13-17.
17. Kluth W. Verfassungsrechtliche Direktiven der Bekämpfung des internationalen Terrorismus am Beispiel der Dschihadisten // ZRP. – München, 2015. – H 1. – S. 8.
18. Murray C. Nudging or fudging? The UK courts' counterterrorism jurisprudence since 9/11 // Journal of conflict & security law. – Oxford: Oxford univ. press. – 2015. P. 1-23.
19. Murray C. Nudging or fudging? The UK courts' counterterrorism jurisprudence since 9/11. – P. 2-5.
20. Olusanya O. Using the macro-micro integrated theoretical model to understand the dynamics of collective violence / Criminological approaches to international criminal law. By I. Bantekas, E. Myioaki. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 2014. – P. 192-221.
21. Roach K. Comparative counter-terrorism law. – N.Y. : Cambridge univ. press. – 2015. – 819. p; Terrorism and International Law: Accountability, Remedies, and Reform. A Re-

port of the IBA Task Force on Terrorism. Elizabeth Stubbins Bates, IBA Task Force on Terrorism, Richard Goldstone, Eugene Cotran, Gijs de Vries, Julia A. Hall, Juan E. Méndez, and Javaid Rehmanhttps: 2011; Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order: Meeting the Challenges Authors: Larissa van den Herik and Nico Schrijver (eds) Publisher: Cambridge University Press Publication date: January 2015.

22. Rajska D. Transgraniczny konstytucjonalizm w walce z terroryzmem// Państwo i Prawo/-W-wa, 2015. – № 6. – S.120-122.

23. Terrorism and International Law: Accountability, Remedies, and Reform. A Report of the IBA Task Force on Terrorism. Elizabeth Stubbins Bates, IBA Task Force on Terrorism, Richard Goldstone, Eugene Cotran, Gijs de Vries, Julia A. Hall, Juan E. Méndez, and Javaid Rehmanhttps: 2011.ISBN: 9780199589180. 2011//global.oup.com/academic/product/terrorism-and-international-law-accountability-remedies-and-reform-9780199589180?cc=ru&lang=en&

24. Terrorism and the Law. Оксфорд Акад. Книга Clive Walker, Professor of Criminal Justice Studies, Department of Law, University of Leeds //http://global.oup.com/academic/covers/uk/listing/9780199561179".

25. Terrorism and international law: Accountability, remedies, and reform. A report of the IBA task force on terrorism / Elizabeth Stubbins Bates, Richard Goldstone, Eugene Cotran, Gijs de Vries, Julia A. Hall, Juan E. Méndez and Javaid Rehmanhttps. – Northampton: Edward Elgar, 2013.

26. Terrorism and the Law. Оксфорд Акад. Книга Clive Walker, Professor of Criminal Justice Studies, Department of Law, University of Leeds //http://global.oup.com/academic/covers/uk/listing/9780199561179".; Ruiz J. The 'Red terror' and the Spanish civil war. Revolutionary violence in Madrid. – N.Y. : Cambridge univ. press. – 2014. – 385 p.

27. Rajska D. Transgraniczny konstytucjonalizm w walce z terroryzmem// Państwo i Prawo/-W-wa, 2015. – № 6. – S.120-122.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РФ

Устинов С.Г.

магистрант второго года обучения,

Институт государственного и международного права,

Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

В статье раскрываются основные юридические гарантии граждан на образование: гарантии реализации права на образование и гарантии качества образования. Представлены основные принципы государственной политики РФ в области образования.

Ключевые слова: конституционное право, государственные гарантии, образование, юридические гарантии.

Как известно, повышение доступности и эффективности образования является одним из важнейших стратегических ресурсов социально-экономического и общественно-политического развития России в XXI веке.

В связи с продолжающейся в России реформой системы образования, а также с учетом постепенной интеграции нашей страны в единое европейское образовательное пространство, особую актуальность приобретают проблемы реализации конституционных гарантий права граждан на получение образования. В широком смысле под термином "гарантии" понимается вся совокупность объективных и

субъективных факторов, которые направлены на подлинную реализацию прав и свобод российских граждан, на устранение возможных причин и препятствий их неполного или ненадлежащего осуществления и защиту прав от различных нарушений.

По мнению Л.Д. Воеводина, под гарантиями необходимо понимать «условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод всех и каждого» [1, с. 56].

В литературе достаточно единодушно под юридическими гарантиями понимаются те правовые средства и способы, с помощью которых в обществе обеспечивается гражданам реализация их прав и свобод.

Как отмечают исследователи, юридические гарантии конституционных прав и свобод граждан России выражаются, прежде всего, в нормах федерального законодательства, которые раскрывают и конкретизируют определённые права. Юридические гарантии прав и свобод непосредственно связаны с применением правовых норм и выражаются в правовой деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, самих граждан.

Что касается права человека и гражданина на образование, то оно обеспечивается посредством гарантий, предусмотренных в действующем законодательстве Российской Федерации в сфере образования. Установление федеральным законодательством минимальных гарантий прав человека и гражданина в области образования следует рассматривать в качестве необходимых условий для обеспечения права на образование.

Говоря о гарантиях реализации права на образование, можно выделить две самостоятельные группы гарантий: гарантии реализации права на образование и гарантии качества образования. К первой группе относятся гарантии, направленные на создание благоприятной обстановки для пользования основными правами и свободами – гарантии-условия реализации права. Это, прежде всего, наличие конституционно и законодательно закреплённых норм, регулирующих правоотношения в образовательной сфере и создание нормативно-правовой базы реализации этих норм. Ко второй группе относятся гарантии, выступающие в качестве способов, приемов и методов охраны и обеспечения прав и свобод личности – это гарантии-средства охраны права [2, с. 10].

Что касается норм федерального законодательства, закрепляющих гарантии реализации права на образование, то необходимо отметить следующее. Конституция РФ [3, с. 12], в статье 43, наряду с провозглашением права каждого человека на образование, закрепляет также гарантии этого права. Конституционные нормы получили развитие в нормах Закона РФ «Об образовании». Для граждан Российской Федерации особое значение имеет ст. 5 Закона РФ «Об образовании» [4, с. 19], в которой определяются государственные гарантии их прав в области образования. Важнейшей из них является обеспечение государством права граждан на образование «путем создания системы образования и соответствующих социально-экономических условий для получения образования» (п.2 ст. 5). При этом гарантируется равенство прав всех граждан Российской Федерации на получение образования, то есть «возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям (объединениям), возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости» (п.1 ст. 5).

В силу конституционных гарантий равенства прав граждан РФ (п. 2 ст. 6, п. 2.ст.19 Конституции РФ) и государственных гарантий прав граждан РФ в области образования (ст. 5 Закона РФ «Об образовании») образовательно-правовой статус всех российских граждан должен основываться на единых принципах, выводимых на основании Конституции РФ, международных правовых актов, российского образовательного законодательства и соответствующих основным принципам государственной политики РФ в области образования (ст. 2 Закона РФ «Об образовании»). Эти основные принципы предполагают:

- 1) равенство всех граждан в получении образования;
- 2) общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся и воспитанников;
- 3) обязательность получения всеми детьми и подростками основного общего образования;
- 4) свободу выбора языка обучения;
- 5) свободу и плюрализм в образовании, свободу выбора образовательных учреждений и форм получения образования;
- 6) бесплатность основных видов образования;
- 7) материальную поддержку обучающихся и воспитанников со стороны государства.

Помимо перечисленных основных принципов, опосредованное влияние на образовательно-правовой статус граждан оказывают принципы, определяющие характер и структуру российской системы образования в целом:

- 1) единство федерального культурного и образовательного пространства;
- 2) защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства;
- 3) демократический государственно-общественный характер управления образованием;
- 4) широкая автономия образовательных учреждений, наличие академических свобод;
- 5) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности;
- 6) научный характер образования, его постоянное развитие и совершенствование;
- 7) светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;
- 8) совместное обучение лиц мужского и женского пола.

Определение таких принципов имеет важное общетеоретическое и практическое значение. В то же время, как подчеркивает Л. Д. Воеводин, следует учитывать, что, с одной стороны, принципы представляют собой «императивные нормы, в соответствии с которыми должны быть приведены все остальные нормы», но, с другой стороны, они являются своего рода «идеальной установкой, которая не всегда претворяется в жизнь» [1, с. 87].

При условии наполнения данных принципов конкретным правовым содержанием они являются надежной основой, позволяющей обеспечить соответствующий правовой статус российских граждан и как субъектов образовательного права, и как субъектов образовательных правоотношений.

Таким образом, можно констатировать, что основополагающие федеральные нормативно-правовые акты России устанавливают базовые государственные гарантии права на образование, которые направлены на создание условий и средств, обеспечивающих реализацию и всестороннюю охрану указанного права.

Что касается законодательства субъектов РФ, то оно, наряду с подтверждением норм, содержащихся в федеральном законодательстве, может устанавливать дополнительные гарантии права на образование в конкретном субъекте, например с учетом местных национальных, социально-экономических, географических, демографических и других конкретно-исторических особенностей региона.

По нашему мнению, в силу особенностей государственного устройства России, многонационального состава её населения одной из важнейших гарантий права на образование в условиях нашей страны является возможность обучения на родном языке. В связи с чем, необходимо более подробно остановиться на данном вопросе.

Как известно, Конституция РФ [6, с. 26] относит право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества к числу основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. При том, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык (ч. 1 ст. 68), Конституция РФ гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68).

С учетом особенностей конституционно-правового статуса республик в составе России Конституция РФ признает за ними право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации (ч. 2 ст. 68). Языковая политика, в том числе обеспечение права российских граждан на получение образования на родном языке, а также свободы выбора языка обучения, является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В соответствии с Конституцией РФ (п.п. «б», «е» ч. 1 ст. 72) и Законом Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» субъекты РФ вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Кроме того, указанным законом устанавливается принцип государственных гарантий равноправия языков: Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения [7, с. 28].

Аналогичные положения содержатся в Законе Российской Федерации «Об образовании» [5, с.30], который, кроме того, закрепляет, что субъекты Российской Федерации в соответствии с их статусом и компетенцией вправе принимать в области образования законы и иные нормативные правовые акты, не противоречащие федеральным законам в области образования (п.3 ст.3).

Право на получение основного общего образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения зафиксировано также в Федеральном законе «О национально-культурной автономии». При этом установлено, что органы государственной власти РФ и субъектов РФ обеспечивают проведение государственной политики, направленной на сохранение и развитие национальных (родных) языков.

Необходимо отметить, что в целом в системе образования изучается 76 родных языков народов России. Около 20% российских образовательных учреждений обучает на родном (нерусском) языке моноэтнический контингент учащихся. В структуре российской образовательной системы эти школы, традиционно называемые «национальными», выступают как особый и самостоятельный тип учебных заведений.

В соответствии с Законом РФ «Об образовании» изучение русского языка во всех имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях, за исключением дошкольных, регламентируется государственными образовательными стандартами. При этом устанавливаются государственные образовательные стандарты, включающие федеральный и региональный (национально-региональный) компоненты, а также компонент образовательного учреждения [8, с. 24].

На основании сказанного, можно констатировать, что федеральное законодательство в сфере прав граждан на свободный выбор языка обучения в целом соответствует взятым Российской Федерацией международным обязательствам и создает надлежащую правовую основу для реализации конституционного права на образование.

Таким образом, подводя краткий итог необходимо отметить, что право человека и гражданина на образование обеспечивается посредством гарантий, предусмотренных в действующем законодательстве Российской Федерации в сфере образования. Главным требованием, предъявляемым к таким гарантиям, является их действительность и эффективность: они должны обеспечить человеку и гражданину реальное пользование предоставленными Конституцией и законом благами. Юридические гарантии права на образование служат тем надежным мостиком, который обеспечивает необходимый в основах правового статуса личности переход от общего к частному, от прокламируемой в законе возможности к действительности. Можно также отметить, что важнейшей гарантией права на образование является его доступность. Доступность образования определяется двумя факторами: политикой государства в этой сфере и уровнем материального благосостояния его граждан. Ввиду того, что в соответствии с Конституцией РФ наряду с Федерацией правом законодательного регулирования отношений в сфере образования наделены и субъекты Российской Федерации, их подходы могут оказывать значительное влияние на возможности реализации права на образование., в связи с чем проблемы с реализацией права на образование в субъектах РФ могут возникать даже при наличии государственных гарантий в федеральном законодательстве.

Список литературы

1. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. – М.: Инфра – М, 2007. – С. 203.
2. Гранин Ю. Роль образования в формировании российской нации / Ю. Гранин // Высшее образование в России, 2006. – № 10. – С. 150-156.
3. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (в ред. от 03.12.2011). – М.: ТК Велби, 2011.
4. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.12.2002) "О языках народов Российской Федерации"// Ведомости СНД и ВС РСФСР", 12.12.1991, N 50, ст. 1740.
5. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (в ред. от 03.12.2011). «Об образовании» – М.: ТК Велби, 2011.
6. Закон РФ от 17.06.1996 N 74-ФЗ (ред. от 09.02.2009) "О национально-культурной автономии"// "Российская газета", N 118, 25.06.1996.

7. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 30.12.2008) // Российская газета, № 7, от 21.01.2009.

8. Никитина Е. В. К вопросу о гарантиях права на образование в контексте становления гражданского общества в России // Право на образование: проблемы его реализации. Тезисы и доклады IV Международной научно-практической конференции. М., 2011. – С. 35.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Хабиров Д.Г.

студент четвертого курса юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В современном теоретическом правоведении вопросам изучения правосознания и правовой культуры уделяется достаточно большое внимание. В данной работе автор останавливает своё внимание на исследовании вопроса изучения правосознания как одного из элементов правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, современное теоретическое правоведение.

В современном теоретическом правоведении вопросам изучения правосознания и правовой культуры уделяется достаточно большое внимание. Особенно актуальным данный вопрос становится в связи с тем, что изменения, происходящие в различных сферах общественной жизни, (духовной, социальной, экономической, политической) оказывают влияние на уровень правосознания и правовой культуры.

В данной работе мы остановим своё внимание на исследовании вопроса изучения правосознания как одного из элементов правовой культуры. Для того, чтобы проанализировать данный вопрос необходимо определить, что же понимается под правосознанием, правовой культурой. Затем необходимо выявить вследствие каких причин существует низкий уровень правовой культуры и правосознания. В настоящее время, в частности, правосознание обычных граждан, чей уровень осознания норм права исходя из классификации, приведенной в современном теоретическом правоведении и в зависимости от уровня представления юридической действительности, в целом именуется обыденным.

В.В. Лазарев говорит о том, что данный уровень правосознания «свойственен тем людям, которым необходима юридическая сфера общества только эпизодически» [2, с. 397].

С данной точкой зрения мы согласны, так как граждане обращаются за юридической помощью лишь тогда, когда она им необходима для разрешения вопросов, споров, урегулирования конфликтных ситуаций с другими субъектами правоотношений во многих сферах общественной жизни. Им необходима квалифицированная юридическая помощь для разъяснения норм закрепленных в нормативно – правовых актах как федерального, так и регионального уровней власти. Для этого в современной России должна формироваться стратегия правоприменительной политики [3] в которой такая её сфера как организационно – исполнительная правовая политика, должна способствовать конституционной защите прав и свобод граждан.

Данную проблему рассматривает Степаненко Р.Ф., отмечая, что в условиях ненадлежащей идеологии государства и правовой реальности, юридической невежественности и неграмотности, остались неизменными, получив при этом дальнейшее развитие, качественно ущербные формы отечественного, отчужденного от ценностей, идеалов права, а также правовой культуры, правового сознания. Совокупность данных факторов обуславливает негативные свойства и качества, участвующие в формировании правового сознания и правовой культуры. Деформация и деградация правосознания ведут к совершению правонарушений, в т.ч. преступлений. Одним из наиболее распространенных видов современной преступности является маргинальная преступность, детерминантами которой выступают как раз деформированное и деградированное правосознание, отрицающее право [5], пренебрегающее предписаниями нормативной сферы. Эти же факторы влияют и на снижение уровня правовой культуры.

Данная точка зрения, на наш взгляд является верной, так как в реальности современной жизни социума общественная правовая культура в целом и правосознание, в частности, в действительности оторваны от представлений и взглядов других субъектов правоотношений, которые соблюдают и используют право с позиций осуществляемых ими полномочий.

В юридической литературе приводится множество определений правосознания и правовой культуры. Так, к примеру, В.Н. Карташов считает, что: «Правовая культура это разновидность духовно – материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние российской правовой системы (совершенствование и эффективность права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (идеи, убеждения, знания, умения, навыки и др.), обеспечивает юридическую коммуникативность, законность и правопорядок, прогрессивно влияет на регулирование всех сфер жизнедеятельности общества, индивидов, их коллективов, всего населения» [1, с. 9].

Такой подход автора, на наш взгляд, справедлив так как правовая культура, действительно, является обобщающим компонентом правосознания, правового воспитания, с её помощью происходит соблюдение законности и обеспечивается необходимый уровень правопорядка в государстве.

Правосознание, как известно, является связующим звеном, в первую очередь, между правом и моралью. Нравственное воспитание человека призвано развить и углубить его правосознание, наполнить его социокультурным содержанием [4]. В то же время, сознание выступает своего рода единством всех психологических процессов, состояний и свойств человека как личности.

В.В. Лазарев под правосознанием понимает форму общественного сознания, представляющую собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении юридической действительности в целом. Рассматривая понятия правовой культуры, автор делает акцент на том, что: «С одной стороны правовая культура любого общества включает в себя законодательство (юридические предписания), юридические учреждения, юридическую практику, правовое сознание, с другой же стороны правовая культура рассматривается как определенный уровень развития индивидуального, группового и общественного правосознания» [2, с. 396].

На наш взгляд, необходимо рассмотреть следующую субъектную классификацию, при помощи которой правосознание разделяется на индивидуальное и групповое, а также правосознание общества в целом.

1. Индивидуальное правовое сознание – это эмоции, чувства, убеждения конкретного человека.

2. Групповое правовое сознание – это мнения о праве отдельной социальной группы.

3. Общественное правовое сознание охватывает правосознание всего населения в целом.

Говоря о правосознании как об элементе правовой культуры, хотелось бы также сделать акцент на том, что обычным гражданам тяжело самим разобраться с большим количеством принимаемых и изменяющихся нормативно – правовых актов, а также самостоятельно разрешать споры в практических и правовых вопросах сфер общественной жизни.

Степаненко Р.Ф., отмечает, что в современной России граждане оказались не подготовленными к сложившимся изменениям в общественной и правовой жизни. Они в полной мере не пришли к осознанию конституционных прав и свобод, формально закрепленных в Основном законе России 1993 г. [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государство и само общество должны быть заинтересованы в повышении уровня правосознания, прежде всего обыденного правосознания граждан. Сделать это можно с помощью просвещения населения в области права о вопросах которые непременно затрагиваются в общественной жизни и проблемах, происходящих в экономической, политической, социальной, духовной сферах жизнедеятельности общества. Правосознание и правовая культура тесно взаимосвязаны между собой, мы не можем рассматривать их в отдельности друг от друга, так как правосознание является важным компонентом правовой культуры, а она в свою очередь является элементом правовой системы [7]. Государство должно уделять большое внимание правосознанию и правовой культуре, потому что оно опирается и использует их в общественных интересах.

Список литературы

1. Карташов В.Н. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова; Яросл. гос. ун–т. – Ярославль. ЯрГУ, 2008. – 200 с.
2. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 634 с.
3. Лягин К.А. Конституционные основы современной правоприменительной политики // Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В. Обзор материалов IV Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права и государства «Конституция и конституционализм: проблемы законотворчества и правореализации» // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С.135-136.
4. Солдатов Я.В. Актуальные вопросы изучения социокультурного содержания правового сознания. В сборнике: Человек, общество и культура в XXI веке Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 5 частях. Под общей редакцией Е.П. Ткачевой. 2017. С. 131-135.
5. Степаненко Р.Ф. Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и её предупреждение монография / Р.Ф. Степаненко. Казань, 2008.
6. Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. №4. С. 46-54.
7. Юн Л.В. Конституционное правосознание в правовом государстве // Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В. Обзор материалов IV Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права и государства «Конституция и конституционализм: проблемы законотворчества и правореализации» // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С. 142-143.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

ИДЕИ НАЦИОНАЛИЗМА И НАЦИЗМА КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ ГЕРМАНИИ

Гафурова З.А.

студентка, Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Сметанин А.Г.

старший преподаватель кафедры физического воспитания,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

В данной статье рассматривается всестороннее идеологическое воздействие национализма на демократическую платформу современной Германии. Анализируются факторы, оказывающие существенное воздействие на изменение политической системы немецкого государства в сторону усиления националистических установок.

Ключевые слова: демократия, национализм, национал-социализм, мультикультурализм, Германия, Европа.

Гитлеровский режим потерпел военное и политическое поражение. После Второй мировой войны ничего не осталось от прежнего Третьего рейха. И, тем не менее, в современном мире проблематика национализма и национал-социализма является объектом многих научных исследований. И эти исследования крайне важны. Идеи национал-социализма в послевоенные годы стали понемногу распространяться, а особое распространение этих идей происходит в последние годы в Германии. Феномен германского фашизма имеет множество предпосылок к превращению его в новейшее социально-политическое явление.

Национализм, в свою очередь, в послевоенные годы воспринимался сугубо как негативное понятие. Большая часть общества ассоциировала национализм с агрессией, ненавистью и насилием, а также считало его лишь ослабленной формой шовинизма. Оживление идей и процессов национализма происходит чаще всего в странах или народах, которые претерпевают социальные, экономические и политические изменения. Смена старого строя ценностей на более новый способствует появлению чувства незащищенности у людей. Общество обретает твердое желание вернуть свою социальную идентичность, что нередко перерастает в открытую форму национализма.

Национализм возник в Европе в 18-19 вв. и прошел довольно неоднозначный путь развития. Изначально он предполагал идею формирования национальных государств, а уже в начале 20 века стал неотъемлемой деталью тоталитарных режимов Италии и Германии и, действуя в «тандеме» с фашизмом и национал-социализмом, негативно повлиял на дальнейшее развитие многих наций.

Но следует отметить, что национализм может сосуществовать с демократией, если не противостоит ей. Вместе они могут добиться отличных социально-политических успехов. Но как только национализм начинает идти против демократии – его неминуемо ждет крах, пусть даже и при временных победах. Иными словами, националист, находящийся у власти и желающий её сохранить, должен стать еще и демократом.

В современной Германии имеется ряд факторов, способствующих популяризации нацизма и национализма:

1. Развитие Западной и Восточной Германии идет довольно неравномерно, о чем свидетельствует разный уровень доходов, безработицы и др. Но несмотря на высокие показатели безработицы, в стране наблюдается дефицит рабочей силы, который правительству проще всего устранять посредством привлечения дешевого труда мигрантов.

2. Страна предоставляет обширные льготы мигрантам и беженцам. Например, сокращение денежных надбавок в пользу мигрантов идет во вред финансовому положению немцев, которые получают социальные пособия и помощь от государства. Безусловно, данная политика вызывает бурную волну возмущения и недовольства граждан Германии. Можно так же отметить, что поведение и действия самих мигрантов способствуют росту популярности ультраправых взглядов: большинство беженцев и мигрантов категорически отказываются вливаться в немецкий социум, и даже стремятся навязать христианскому обществу свою культуру и ценности (например, создание исламских патрулей, массовые протесты против празднования христианских праздников, стремления ограничить местных девушек и женщин в одежде). При этом политика государства очень лояльна к беженцам, но противоречит интересам собственных граждан.

3. Появление движения «Альтернатива для Германии». Фрауке Петри и Йёрг Мойтен создали консервативную евроскептическую партию 6 февраля 2013 года. Партия постепенно набирала популярность и обретала поддержку. 24 сентября 2017 года в Германии выбирали парламент: партия заняла третье место на выборах в Бундестаг.

Гитлеровский режим давно свергли, а идеи национал-социализма по-прежнему живы, хоть и в очень слабом проявлении под названием «неонацизм». Новое движение унаследовала все черты предшествующего ему национал-социализма: категорическое отрицание демократического режима, антисемитизм, расизм и многое другое. Неонацисты строят приблизительно те же самые цели – создание исключительного немецкого государства с населением, состоящим из достойных классов (недостойные – евреи, цыгане, инвалиды и др.).

Безусловно, популяризация и национализм в Германии сейчас представляет потенциальную угрозу, как внутривнутриполитическим порядкам страны, так и всему миру. Нельзя закрывать глаза на этот масштабный феномен, ведь без должного внимания правительства и мирового сообщества, а также действий, направленных на устранение этой проблемы, рост националистических настроений в социуме Германии будет расти и распространяться далеко за её границы.

Часть западных политологов считает, что синтез демократии и национализма будет полезным, если он происходит в монокультурных государствах (например, Япония или Польша). Во многих западноевропейских государствах национализм используется открыто и прикрывается политкорректным термином «гражданственность», искусственность которого очевидна на сегодняшний день. Например, иммигранты с получением своего желанного гражданства во Франции или Германии с этого момента не становятся французами или немцами соответственно.

Во времена существования Римской империи многие «дикари» хотели стать римлянами и отстаивать свои права уже в качестве римлян. В современном мире все совершенно по-другому. Нынешний «дикарь» не желает утрачивать свой статус «дикаря», но при этом хочет спокойно пользоваться всеми благами цивилизован-

ной жизни, которые доступны за счет налогов, добросовестно выплачиваемых гражданами. Так происходит постепенное и незаметное оттеснение местных коренных жителей от собственности и власти. А данные события не могут не повлечь за собой массу недовольства граждан. Становится совершенно очевидно, что при таких условиях национализм не приживется в западной демократии и скорее представляет ей угрозу.

Демократия вправе считаться политически абстрактным явлением. Либеральная модель демократии является лишь политической химерой. Она выступает скорее как деталь политического строя, которая в разных странах проявляется по-разному. События в Европе показывают нам, что даже сформировавшаяся демократия может работать некоторое время в условиях национализма. Напротив, любые попытки образовать демократию на контрнационализме обречены на неминуемую гибель.

Сегодня в условиях распространения идей мультикультурализма и полиэтничности многих государств защита и отстаивание интересов одной нации несет угрозу демократии. Национализм может сохранить свою позитивную роль в демократических государствах только в случае отказа от защиты интересов определенной нации с помощью переосмысления сущности данного термина в условиях глобализационных изменений пространств.

Национал-социализм со всем презрением к демократии никогда не сможет сосуществовать с ней в границах одного государства. Идеология в большинстве своем противоречит принципам и основам демократии. Национализм, в свою очередь, нельзя рассматривать как однозначную угрозу современной демократии. Это можно объяснить тем, что понятия «демократия» и «национализм» очень многогранные и имеют множество трактовок, а их комбинаций друг с другом еще больше.

Список литературы.

1. Калхун, К. Национализм / К. Калхун ; пер. А. Смирнова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
2. Кедури, Э. Национализм / Э. Кедури. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2010. – 136 с.
3. Мизес, Л. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война / Л. Мизес ; пер. Б. Пинксер. – М.: Изд-во «Социум», 2009. – 476 с.
4. Шмелев, Б. А. Национализм: роль в международной политике / Б. А. Шмелев. – М.: ИМЭПИ РАН, 1993.
5. Дрожжин С. Н. Призрак неонацизма. Сделано в Новой Европе / С. Н. Дрожжин. – М.: Алгоритм, 2006. – 240 с.
6. Щипков, А. В. Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики / А. В. Щипков. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2015. – 88 с.

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жукова Ю.Н.

студентка четвертого курса финансового факультета,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва

В статье рассматривается коррупция, негативное для экономики Российской Федерации явление, которое стало частью российского менталитета. Данная социальная про-

блема встречается в экономической, социальной сферах жизни общества, а также влияет на статус России на международной арене. В виду этого, выявление причин и противодействие коррумпированности властных структур является одной из первостепенных задач правительства.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, противодействие коррупции, рейтинг коррумпированности стран мира, антикоррупционная политика.

Противодействие такому социальному явлению как коррупция является основной задачей современной России. Проблема взяточничества значительно влияет на развитие государства, затрагивает экономическую, политическую и социальную сферы жизни общества. Коррупционные отношения стали неотъемлемой частью нашей жизни. Большинство граждан нашей страны, услышав о взяточничестве, не удивляются и спокойно воспринимают данный факт как обыденное явление. При этом наиболее распространенными и очевидными являются нарушения коррупционного характера в финансовой сфере.

Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимают «незаконное использование физическим лицом своего должностного положения... в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества... для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Примерами такого противоправного действия являются злоупотребление служебным положением (начальник отделения Почты России в Вологодской области присвоила себе 120 тыс. руб.), дача и получение взятки (начальник ОРЧ СБ МВД по Адыгее был задержан за дачу взятки в сумме 150 тыс.руб.) [6, 7].

Основными признаками коррупции являются следующие:

- 1) факт правонарушения или преступной деятельности (нелегальный характер сделки);
- 2) скрытый характер деятельности (коррупция не поощряется, что ведет к необходимости проведения сделок тайно);
- 3) распространяется там, где есть власть и возможность получения выгоды (стремление к увеличению своего богатства, возможность использования своего положения в обществе);
- 4) распространена как в системе государственной службы, так и в бюджетном и частном секторах (любой человек, обладающий властными полномочиями и высоким положением и злоупотребляющий ими, будет коррупционером);
- 5) неформальный характер взаимоотношений между субъектами коррупционной деятельности (круговая порука, взаимное укрывательство совершенного преступления);
- 6) может быть как личная заинтересованность, так и давление лиц из вне [8].

Явление коррупции, которое в нашем понимании закрепилось с формированием бюрократического аппарата, как следствие проблемы волокиты, стало частью российской истории. Однако еще в Древней Руси существовало такое понятие как «кормление» – содержание должностных лиц за счет местного населения. Вплоть до вступления в права царствования Ивана III взяточничество никак не регулировалось законом.

В настоящее время разработана целая антикоррупционная политика, подкрепленная рядом нормативно-правовых актов. Тем не менее, такая позиция не

встречает должного одобрения со стороны общества. Во многом это объясняется национальным характером, однако само взяточничество стало восприниматься как проявление российского менталитета.

Среди общих причин коррупции в России можно перечислить:

- стремительный переход от централизованной экономики к рыночной;
- изменение государственного устройства (децентрализация власти по административно-территориальным единицам);
- в результате приватизации, которая была проведенная со значительными нарушениями, в выигрыше оказалась незначительная часть новых собственников;
- изъяны законодательства и его отставание от развития социально-экономических отношений;
- состояние общественной морали, стремление каждого к личному успеху и обогащению;
- правовая неграмотность большей части населения страны;
- неэффективность функционирования большинства институтов власти;
- кадровая, техническая и оперативная неподготовленность правоохранительных органов к противодействию организованной преступности, в том числе коррумпированным структурам всех уровней власти;
- отсутствие развитых институтов гражданского общества.

Последствия коррупции могут быть всеобъемлющими: реализация крупномасштабных, экономических и социальных, проектов может быть остановлена или заторможена, что может оказать влияние на развитие всего Российского государства. В результате коррупционных действий расширяется теневой сектор экономики; сокращается сумма налоговых поступлений в бюджет, а, значит, социальные программы, здравоохранение, дорожное строительство и другие статьи расходов бюджета РФ не будут исполнены; не используются по назначению бюджетные средства [2, с. 101].

Увеличение имущественного неравенства граждан способствует формированию в общественном сознании представления о беззащитности граждан и перед преступностью, и перед лицом власти. Стоит отметить и рассмотреть психологический аспект данного вопроса. Одни люди экономят время, давая взятку, а другие считают, что им окажут более качественную услугу, если они доплатят сверх указанной суммы. Есть те, кто, давая взятку, проявляют жест благодарности и надеются на дальнейшее сотрудничество, тогда как берущие взятку люди надеются на увеличение суммы сверх положенной при следующей встрече.

Развитые коррупционные отношения негативно влияют на имидж страны в глазах ее политических и экономических партнеров. Сегодня можно посмотреть рейтинг коррумпированности стран мира, который определяется в диапазоне от 0 до 100. Чем меньше значение индекса коррупции, тем больший уровень коррупции в стране. За период с 2012 г. по 2016 г. наибольшее значение индекса наблюдалось у Дании (в пределах от 90 до 92). Посмотрим на ситуацию в России (рисунок).

В 2016 г. Россия занимала 136 место (индекс составил 27) из 174 в рейтинге коррумпированности стран, то есть практически 80% участвующих в рейтинге стран менее коррумпированы, чем Россия. Как сообщает национальная служба новостей, Россия в 2017 г. по индексу коррупции занимает 131 место, что свидетельствует об улучшении позиций за этот год.

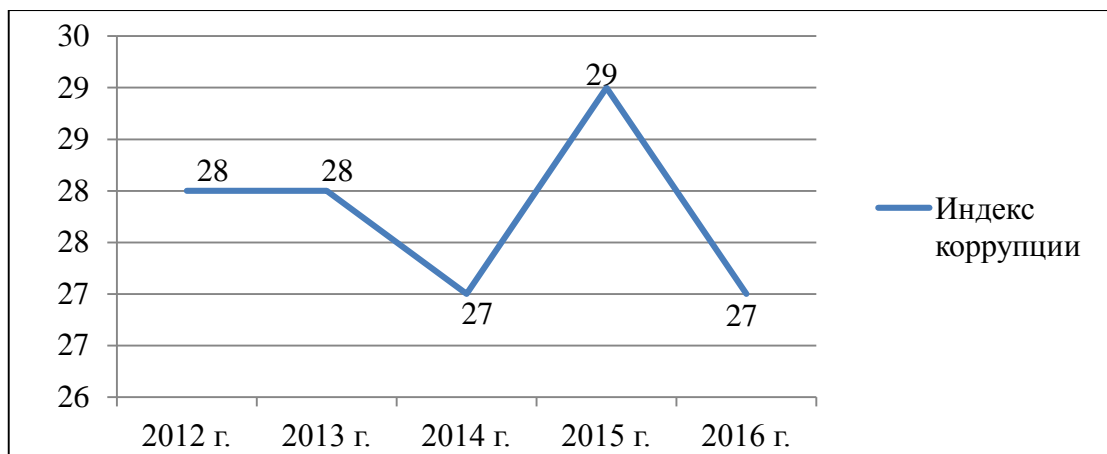

Рис. Динамика индекса коррупции по России за 2012-2016 гг.

Объем взяток, которые ежегодно даются по всему миру, составляет порядка одного триллиона долларов. Такие данные приводит центр новостей ООН. По данным аналитиков, еще 2,6 триллиона долларов мировая экономика теряет из-за коррупционной деятельности [5].

По сообщению Генпрокурора РФ Юрия Чайки, стало известно, что с 2014 г. в России было совершено около 122 тысяч коррупционных преступлений на общую сумму в 148 млрд. рублей (из них добровольно возмещено 11 млрд. руб., а принудительно (изъято имущество) – на 78 млрд. руб.). Виновными по этим преступлениям было признано 45 тысяч человек (из них 4,5 тысячи сотрудников правоохранительных органов, более 400 депутатов регионального и муниципального уровня, а также почти 3 тысячи должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, большинство из которых – главы муниципальных образований и местных администраций) [4].

В результате подсчета количества дел по разным видам коррупционных правонарушений была представлена следующая статистика: наиболее популярный вид коррупции в России – взятка, на втором месте – мошенничество, на третьем – присвоение и растрата. При этом установили, что каждый четвертый россиянин хоть раз давал взятку.

Основным ресурсом противодействия коррупционной деятельности выступает российское законодательство: ужесточение законов, введение новых штрафов и увеличение старых. Однако, как говорилось ранее, коррупция является следствием продолжительной бюрократизации, администрирования со стороны государства, что делает ее неискоренимой, а борьбу с ней затруднительной.

Коррупция порождает ряд негативных факторов, но, если посмотреть на коррупцию с другой стороны, то можно увидеть следующее. В стране существует иерархия, в которой обычные рядовые граждане стоят внизу. Народ проявляет недоверие в отношении государственных институтов и стремится обойти выстроенную структуру власти [2, с. 102]. Таким образом возникает коррупция. Следовательно, основной стратегией борьбы с коррупцией должна стать стратегия, направленная на устранение условий существования это явления.

Снижение уровня коррупции можно достичь, если действовать систематически и прогрессивно. В борьбе с коррупционной деятельностью помогут такие методы, как:

- создание различных структур контроля за деятельностью чиновников;
- публикация независимых расследований;

- организация прозрачной системы оплаты штрафов и других взысканий, что позволит каждому видеть как, когда и на что будут направлены выплаченные средства;
- обновлять законодательную систему;
- следить за тем, чтобы санкции были соблюдены в отношении любого гражданина вне зависимости от занимаемой им должности [1, с. 68].

Противодействие коррупции – дело каждого, проживающего на территории России. Реализация мер борьбы с коррупционной деятельности невозможна, если не изменить мнение народа. Необходимо дать понять каждому, что взятка и подкуп не выход из любой ситуации [3, с. 190]. У каждого есть права и обязанности, за осуществление которых не надо доплачивать. Коррупция влияет на экономику городов, регионов, страны в целом. Уровень коррупции напрямую связан с экономико-социальным развитием государства, его международным статусом. Потому необходимо обеспечить создание соответствующих институциональных, материально-финансовых и организационно-управленческих условий для эффективного противодействия коррупции во всех ее проявлениях.

Список литературы

1. Давыдова Ю.А. Методы борьбы с коррупцией. // В сборнике: Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности (российский и зарубежный опыт) сборник тезисов докладов и статей III международной научно-практической конференции российских. Ответственный редактор Р.А. Абрамов. 2016. С. 68-69.
2. Давыдова Ю.А., Платова Т.В. Коррупция как общественное явления. //Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 6. С. 100-103.
3. Давыдова Ю.А. Способы противодействия коррупции в Российской Федерации. // В сборнике: Современные тенденции развития науки и технологий. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 5-ти частях. Под общей редакцией Ж.А. Шаповал. 2017. С. 190-191.
4. Московский комсомолец от 8.12.2017: <http://www.mk.ru/social/2017/12/08/svyshe-148-milliardov-genprokuror-ocenil-ushherb-ot-korrupcii-v-rossii.html> (дата обращения: 13.12.2017).
5. Национальная служба новостей от 10.12.2017: <http://nsn.fm/hots/ezhegodnyy-obem-vzyatok-v-mire-oceneni-v-odin-trillion-dollarov.htm> (дата обращения: 13.12.2017).
6. Новости Вологодской области от 22.11.2017: <http://xn--35-dlcmp7ch.xn--plai/news/novosti-raionov/nachalnik-otdeleniya-pochty-rossii-v-ferapontovo-ukrала-120-tysyach-rublej/> (дата обращения: 10.12.2017).
7. Новости Краснодарского края от 21.10.2017: http://tvkrasnodar.ru/news/glava_sobstvennoy_bezopasnosti_mvd_adyigei_zaderjan_za_vzyatku-73052/ (дата обращения: 13.12.2017).
8. Румянцева Е.Е. /Противодействие коррупции как угрозе финансовой безопасности компании // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент» №2, 2015 URL: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/13499.pdf> (дата обращения: 10.12.2017).

ИДЕЯ: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ

Каргаполов Е.П.

доктор педагогических наук, профессор,
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия,
Россия, г. Ханты-Мансийск

В статье дается анализ понятиям "идея", "идеология"; раскрываются взаимоотношения между идеей и идеологией, а также процесс формализации идей.

Ключевые слова: идея, Русская идея, идеология, национальная идея.

Путаница и разброс во мнениях, относительно содержания и форм русских идей возникает от неоднозначности толкования понятий "идея", "идеология", "национальная идея", "государственная идея", "цивилизационная идея". Мир культуры полон идеями всякого рода: о природе, о Вселенной, о технике, о обществе, о национальной культуре, государстве, Русской цивилизации и пр. Когда же мы говорим о феномене Русской идеи, то имеем в виду представления русского народа, его лучших представителей об общественной жизни и творчестве русского народа, его культуре, о его представлениях о русском пути, идеальном общественном и государственном устройстве России, о Русской цивилизации. Это представления, которые ещё не реализовывались, они касаются совершенного будущего, совершенного, возможно, никогда не достигаемого. Идея государства, культуры, общества и само государство, культура и общество не совпадают, ибо идеальное отличается от реального. Реальное богаче идеального, ибо идеальное есть продукт мышления субъекта. В идеальном заложено субъективное, вымышленное, мифологическое, религиозное и т.п. Идеи будоражат умы, зажигают сердца, побуждают людей на подвиги и свершения. В этом отношении Русская(-ие) идея(-и) не исключение, они имеют свою динамику развития, начало и конец, формализуются в конкретные и понятные формы, становятся доктринами, концепциями, теориями, идеологиями. Но важно то, что они стимулируют общественное развитие, изменения в сознании, преобразование мира сего.

Роль идей в культуре народа, конкретного человека велика. Так, по мнению физика-теоретика Д. Уэста "Поиск широкомасштабных обобщений, закономерностей, идей и концепций, выходящих за узкие пределы конкретных проблем или дисциплин, – это один из великих вдохновляющих импульсов для науки и ученых. Вероятно, это к тому же и определяющая черта Homo sapiens sapiens (возможно, само удвоение слова sapiens в этом определении – некий отзвук поэтического признания этого факта)" [6, с. 29].

Для того, чтобы понять серьезность и актуальность проблемы, приведу два высказывания авторитетных мыслителей относительно Русской идеи. Данные авторы отождествляют понятия "идея" и "идеология", из-за чего у них сужается пространство и время мышления, и, следовательно, возникает отрицательное отношение к доминирующей идее, в данном случае к Русской идее. Так, Д. Лихачеву был задан вопрос, относящийся к необходимости "единой консолидирующей идеи" для русской нации. Он ответил так: "Всё это крайне опасно!.. Нигилизм разовьется. Государство должно быть деидеологично. А вооруженное какой-то, пусть самой правильной идеологией, оно опасно, потому что становится нетерпимым к чужой идеологии. В государстве должно быть много идеологий. Так же, как не должно

быть одного ислама. Почему Русская Православная Церковь потеряла столько своих приверженцев? Потому что в ней видели воплощение императорской государственной идеологии. Самодержавие и православие не должны быть рядом. Государство пусть стоит с алебардой на площади и следит, чтобы не грабили подданных" [1]. Государство, не имеющее идеологии, теряет цели, задачи, ориентиры в будущее. Такому государству не нужны национальные доктрины, концепции внешней и внутренней политики, национальной безопасности. Кому нужно рыхлое государственное образование, только недругам государства Российского, а их вокруг России очень много. То же самое можно говорить об русской нации, лишенной объединяющей идеи. Эта нация не способна выработать русскую национальную идеологию, видеть прошлое и будущее, понимать настоящее, соединять их в едином "потоке времени", укреплять свое место среди народов мира. Далее Д. Лихачев вообще говорит об "удивительных вещах": "Если не хватает своих идей – пожалуйста, приобретайте "за свой счет" чужие, заимствуйте. Но стоит ли пренебрегать своим богатством? У нас есть блестящие философы, у нас живопись, музыка, близкие к религии. Когда я слушаю "Хованщину" или "Град Китеж", меня охватывает почти религиозные чувства. Но когда я вижу: весь первый ряд в театре заполнен людьми, украшенными орденами, эполетами, с кортиками воинственными, восхищающимися одномерностью идеологии, идущей со сцены, я легко представляю их марширующими по улице. Разве не так? Поэтому я противник любой идеологии – сегодня она таит в себе страшную опасность. Всякая идеология ведет к деспотизму" [1]. Быть противником всякой идеологии, значит не понимать сущность политической культуры и государственного управления, быть слепым в отношении будущего. Ибо идеология, хотя и в огрубленной, упрощенной форме есть процесс формализации идеи, была, есть и будет источником развития, побед и свершений народов, особенно к критическим моментам исторического развития. Не только идея дает толчок к формированию идеологий, но и идеология стимулирует рождение и развитие новых идей.

Приблизительно такой же точки зрения, как и у Д. Лихачева, придерживаются другие мыслители, опубликовавшие свое мнение в "Новой газете" (находится под контролем Фонда Горбачева) относительно Русской идеи 9 декабря 1996 года: "Знаю, что сейчас многие убеждены в том, что спасение наше в общенациональной идее. Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед – это не просто глупость, это крайне опасная глупость! А разве гитлеровская идея не была национальной? Именно поэтому я с большим вниманием слежу за нарастанием напряженности и усилением диктаторских настроений в Белоруссии. Необходимо очень внимательно заниматься этой проблемой, иначе мы имеем ближайшего соседа – страну, где попираются права человека, свобода мысли и свобода слова.

Я категорический противник всех общенациональных идей. Вы посмотрите, что в таком случае получается: приняли идею, живем по ней, а вот всех тех, кто в нашу русскую идею "не вписывается", – в острог? Я бы сказал так: жизнь по общенациональной идее приведет сначала к ограничениям, а потом возникнет нетерпимость к другой расе, другому народу, другой религии. Нетерпимость же обязательно приведет к террору" [2]. Непонятно, почему государство, имеющее свою доктрину, концепцию и идеологию, обязательно должно скатиться к нетерпимости, а как следствие и к террору. Государство, создающее противовесы, стоящее на демократических началах, проводящее грамотную социальную политику, как правило, не "скатывается" к нетерпимости. Важно то, что является основой государственно-

го строительства: нравственность, духовность и культура или деньги, власть, жажда наживы. Деидеологизированное государство не есть нормальное государство, ибо оно теряет системные ориентиры в будущее. Далее автор отмечает, что главной заботой государства должна быть забота о культуре.

Противопоставление культуры в целом и его отдельных элементов тормозит формирование новых, более глубоких представление народа о своей культуре, о государстве Российском, об общественном и экономическом устое, о путях русской жизни и творчества, о Русской цивилизации. Авторы этих высказываний страшатся больше не идей как таковых, а идеологии государства, путь даже самой правильной. Они считают, что государство, имеющее одну единственную идеологию, будет развиваться не по пути прогресса, демократии, а будет деградировать, постепенно превращаться в диктатуру. Эта тенденция возникает из-за непонимания сущности идеи и идеологий, процесса возникновения идеи и идеологий, отношений между идеями и идеологиями. Например, борьба с терроризмом на международной арене и внутри страны – это идея или идеология? Разумеется, борьба с террором является составной частью идеологии государства. Значит эту идеологию надо отменить, заменить культурой борьба с террором(?). Тогда государство теряет способность бороться с террором во всех его проявлениях.

В этих двух высказываниях идея отождествляется с идеологией. национальная идея с государственной идеологией. С. Пыхтин эту позицию называет "академическим маразмом". Он считает, что "Человек без идеологии – дикарь, нация без идеи – сброд". Кто прав: академик или его оппоненты? Для этого необходимо разобраться в основных понятиях "идея", "идеология", "национальная идея", "русская идеология", "государственная идея", "цивилизационная идея".

Феномен идеи волновал мыслителей прошлого. Идея от греческого слова *idea* – представление. До Платона под идеей понимали форму, природу, образ или способ, класс или вид. Платон под идеей разумел вневременную сущность, динамичный и творящий архетип существующего. У стоиков под идеей понималось общее понятие ума человека.

Более глубоко вскрывается сущность идеи представителями немецкой классической философии. И. Кант сводит идею к совершенству, которого ещё нет в настоящее время в опыте. Так, по мнению И. Канта "Идея есть ни что иное, как понятие совершенства, которого (совершенства) ещё не существует в опыте, например идея совершенного, справедливо управляемого государства. Пусть только наша идея будет правильной, и тогда, несмотря на наличие препятствий, стоящих на пути к её осуществлению, она не является невозможной". Такой идеей может быть идея совершенного общества, совершенного государства или совершенной культуры! Например, "город Солнца" Т. Комапанелы, утопии Т. Мора и другие идеи утопистов прошлого, мечтавшие о лучшем и совершенном государстве и общественном устройстве. Представление о будущем совершенстве должно быть правильным. Что значит правильное / неправильное совершенство? Как определить эту правильность / неправильность зависит от человека, сообщества, общества в целом. Где граница между правильностью и неправильностью представления? Неправильная идея, аккумулировавшаяся в одну единственную идеологию, ведет народ (-ы) в своем развитии в тупик. И. Кант исходил из интеллектуальной природы идеи. Идея есть понятие разума. И. Кант выделял три чистых идеи разума: идею Бога, свободы и бессмертия. Эти идеи и ранее давали импульс для развития мысли на протяжении тысячелетий.

Немецкий мыслитель Фихте акцентирует свое внимание на силе идеи, если она овладевает умами. Он отмечал, что "Идея, в том, где она проникает в жизнь, дает неизмеримую силу и мощь, и только идея является источником силы". Народы, сообщества, отдельные люди, овладевшие идеями, обретают силу, уверенность, проявляют активность, характер, целеустремлены в своих действиях. Цельная, соответствующее духу народа, идея становится силой, которую одолеть очень трудно. Ибо идея есть основная мысль, заложенная в теоретическую систему.

Сущность идеи волновала и Г.В.Ф. Гегеля. Для него идея есть объективная истина и одновременно истинное бытие. Идея разворачивается в диалектическом процессе мышления. Торжество идеи с само собой едино с процессом познания.

В настоящее время существует несколько трактовок понятия "идея". Во-первых, идея трактуется как умонастроение, представление, умственное изображение. Так, понимал её русский мыслитель В. Даль. Он писал, что идея – это "... умонастроение, представление, воображение предмета; умственное изображение // Мысль, выдумка, изобретение, вымысел; // намерение, замысел". Отсюда, идеей может быть представление / или умонастроение об образе жизни, о государственном устройстве, о целях и задачах России, русской культуры, русской нации, о будущем российского образования, науки, культуры и искусства, экономики и политики, в Русской цивилизации. Умонастроение, представление, воображение или умственное изображение жизни, творчества, внутреннего и внешнего развития человека, общностей и государства, также является идеей. Через умонастроения, представления, умственное изображение человек постигает действительность, явления субъективной и объективной реальности. Идея включает в себя: постановку; цели и способы её достижения; формы противоречий между проблемной ситуацией и субъектом, требующей своего разрешения. Формализация идей влечёт за собой формирование идеологий. Идеология же подвергает идею формализации, огрублению, значительному упрощению. К идеям В. Даль относит и всякие изобретения, вымыслы и выдумки. С этой точки зрения в Русскую идею могут быть заложены крайности: от представлений и умозаключений о народе, государстве Российском, культуре и Русской цивилизации, до выдумок, фантазий, многообразных вымыслов и мифов. Эти крайности Русской идеи усложняют её понимание, а следовательно, возникает непонимание и результатов формализации Русской идеи, то есть доктрин, стратегий, концепций и идеологий.

Во-вторых, идея – это образ. По мнению Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой и В.А. Лутченко идея – "...зрительный образ, наглядный образ" [5, с. 170] Каждая вещь, предмет несут в себе идею. Идея предмета – это не сам предмет, ибо она отрывается от предмета и в человеческом сознании становится образом. Согласно данной точки зрения, Русская идея есть зрительный и наглядный образ русского народа, государства Российского, Русской цивилизации. Но этого недостаточно, ибо с данной точки зрения образ реального, сегодня существующего; в нем нет совершенного, четкого понимания того, к чему должен стремиться человек, отдельные общности, народ в целом.

В-третьих, идея – форма постижения объективной реальности. Так думает А.Н. Данилочкина. Автор отмечает: "Идея – форма постижения явлений объективной реальности, включающей в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира" [4, с. 176]. Действительность меняется, а вместе с ней меняется содержание и формы идей этой действительности. Например, представление о будущей политике Российского государства на между-

народной арене связаны с тем, как будут вести себя глобальные игроки: Евросоюз, США, Китай, Индия, Япония, Германия, Франция, Бразилия и некоторые другие страны, транснациональные компании, международные организации. Проследив динамику развития стран, транснациональных компаний и международных общественных и неправительственных организаций, мы сможем представить новую идею внешней политики России, определить или скорректировать цели, задачи в этой области, определить ресурсы для реализации политики. Новая идея стимулирует дальнейшую формулировку новых гипотез, процесс познания мира, выработку новых стратегий, концепций, идеологий с тем, чтобы опираясь на имеющиеся ресурсы, преобразовывать этот мир.

Идея – это результат синтеза накопленных знаний, прогнозов на будущее на основе известных тенденций развития, синтеза прошлого, настоящего и будущего. Поэтому, достижение синтеза знаний выступает как главная функция идеи. Идею несет любой предмет (в том числе человек, общество), любая норма, красота, разум, культура, наука, образование искусство и пр. Идея об этих предметах есть представление об человеке, общности, народе и государстве, их культуре, науке, образовании, интеллекте и пр. Человек, общность, народ изображают эти предметы не такими, какие они есть, а такими, какими они могут быть в совершенстве.

По мере же накопления информации о предмете представления человека, народа, государства могут меняться, то есть развиваться. То есть содержание и её формы находятся в постоянном развитии. Опираясь на взгляды И. Канта относительно понятия идея А.Н. Данилочкина пытается понять идею нормы, разума и эстетическую идею. Она отмечает: "... идея нормы есть единичное созерцание воображения, критерий суждения, правильность. Идея нормы не выведена из пропорций, взятых из опыта в качестве определенных правил. Именно благодаря идее нормы возможно правило суждения. Эстетическая идея есть представление воображения; эстетические идеи (созерцание, представление воображения) позволяют, т.е., мыслить больше, чем может быть выражено в понятии, определенном словами. Эстетическая идея находится в обратном соответствии с идеей разума. Идея разума есть понятие, которому никогда не может быть адекватно созерцание, поскольку оно сверхчувственно" [4, с. 177]. То есть идея норме, но не сама норма, есть представление о норме, эстетическая идея есть идея представлений человека, общности, всего общества о красоте, но не сама красота, идея разума есть представление о мышлении, интеллекте, о сверхчувственности. В этом представлении заложено идеальное, совершенное, которое сейчас непонятно, его нет, но возможно будет в будущем, будет осознано, что даст импульс для нового развития.

Работа сознания направлена на постижение идеи (или эйдоса). Идеи постигаются в своей целостности, чаще всего это постижение осуществляется на интуитивном и воображаемом уровне. Для того, чтобы постичь идею, включая Русскую идею, необходимо всмотреться в поток переживаний. Трогают ли эти идеи наши чувства, возбуждают ли нашу эмоциональную сферу, побуждают ли на действия или нет? Необходимо понять эти внутренние процессы в личности, общности, народе. Идеи доступны сознанию, хотя их невозможно увидеть, услышать, потрогать. В сознании идеи доступны благодаря формируемым образам предмета и понятиям, с помощью которых объясняется содержание этих предметов.

Идеи рассматриваются как универсалии. Они принадлежат всему: вещам, предметам, процессам, явлениям. Поэтому можно говорить о реальности идеальной предметности. Идеи несут независимый от людей смысл, ибо они объективны.

Познание же человека всегда субъективно. Постигание идей (эйдосов) начинается с исходных впечатлений человека, которые в последующем реконструируются в поток его переживаний. Поток переживаний приближает исследование к познанию сущности идеи.

Как происходит превращение идеи в идеологию? Если идея – это представление о совершенной жизни и творчестве, которых и достигнуть невозможно; идеология – это преобразование представлений в конкретные цели, задачи, механизмы и технологии, нормы и регулятивы, ценности и символы, которые помогают достигать стандартов этой "совершенной" жизни. В идеологии идея упрощается, огрубляется, деформируется и представляется в форме мировоззрения, которое, как точно отмечено в "Философском словаре", отдалается от истины, становится "неистинным мировоззрением", предназначенного для обмана "ради материального благополучия, либо для защиты политических интересов. Такое превращение происходит с религиозными, национальными, культурными, политическими и экономическими идеями. Разумеется, такая идея перестает быть духовным явлением, становится обыденным, хорошо скрываемым либо СМИ, либо политиками, либо бизнесменами, прагматическим интересом. Такое мировоззрение, защищающее прагматические интересы отдельных групп населения, маскируются под научные знания, претендующие на "исключительную значимость". Проходит время и это мировоззрение разоблачает само себя. А.Н. Данилочкина приходит к заключению: "Скрытый идеологический характер большинства религиозных и политических мировоззрений, маскирующихся под науки и тем самым ("как доказано") претендующих на истинность и исключительную значимость, выдвинул на повестку дня современной критической мысли "критику идеологии", но оказалось, что она сама нуждается в дополнительной проверке научными теориями" [4, с. 169]. Идеология опирается на реальные общественные факты. Идеология – это синтез реального и желаемого, ценностного и научно-фактологического подходов. В настоящее время известны такие формы идеологий, как консерватизм, либерализм, социализм, национализм, коммунитаризм, гуманизм и другие. Русская идеология связана с православной религией. Православие является теоретической доктриной русского народа. Поэтому, отмечается в "Русской доктрине", необходимо "... закрепить право русской нации на изменение главенствующих принципов вероисповедальной политики: представляется желательным, например, предусмотреть в законодательстве возможность перехода из режима светского государства в режим государства конфессионального..." [3, с. 136-137]. Отступление русского народа от этой доктрины приводило к катастрофическим последствиям для народа, государства, русской культуры в целом.

Если говорить о национальной идее, например, такой как Русская идея или Татарская идея, или Мансийская идея, то мы имеем в виду представления конкретного народа / конкретной нации о совершенной национальной жизни в будущем, о национальной культуре, о месте народа в многонациональном государстве, о духовных основаниях жизни и деятельности народа, о совершенном государственном устройстве, где эта национальная идея будет реализована. Для более глубокого понимания «национальной идеи», нам необходимо понять сущность нации. Нация – это народ, вообще люди, говорящие на одном языке, связанные общностью и происхождением, историческими традициями, племенным единством (А.Н. Чудинов).

Народы, имеющие свою национальную идею и живущие в одном государстве, должны прийти к согласию на существование одной государственной идеи, в рамках которой могли бы реализовать свои национальные представления о буду-

щей народной / национальной жизни. Например, Русская идея и Татарская идея, и Мансийская идея, и Мордовская идея могут быть реализовываться в рамках одной государственной идеи в том случае, если они будут правильными (как говорил И. Кант) идеями. Правильная национальная идея – это такая идея, которая исключает из своего содержания характеристики исключительности для своего народа на своей территории, которая не ставит свою нацию / народ и культуру выше других наций / народов, которая не дает приоритетов для титульной нации на своей территории, формирует представления о равноправии всех народов во всех уголках необъятной России.

Русская идея – это национальная идея, которая на протяжении длительной истории не всегда совпадала с идеей государства Российского. Русская идея – это представления русского народа о своей судьбе, о совершенном государстве, в котором он живет и творит, где ему хочется раскрыться и жить комфортно; представления о совершенном образе жизни, о русском творчестве, образовании, культуре, науке, праве, искусстве, спорте.

Русская идея – это, с одной стороны, национальная идея русского народа (например, идея Русского домостроительства, идея Славянского единства), с другой стороны, идея государства Российского (так, например, как идея "Москва – третий Рим", «Православие, Самодержавие. Народность», идея сохранения и умножения русского народа). Представления русского народа о жизни и творчестве, о России, о государстве, а также представления государства институтов могут совпадать, могут и не совпадать. Много зависит от того, какие формы идеи берутся на вооружение государством. Ибо форма Русской идеи, взятая государством, упрощает и огрубляет содержание Русской идеи, а сама идея превращается в идеологию. Для реализации этой формы Русской идеи государство формирует нормы и регулятивы, вырабатывает ценности и идеалы для поведения, что характерно для идеологии.

Список литературы

1. Век / Д. Лихачев. – 1996. – № 46.
2. Новая газета. – 1996. – 09 декабря.
3. Русская доктрина (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. – М.: Яуза-пресс, 2008. – С.136-137.
4. Философский словарь / Перер. изд под. ред. Г. Шишкоффа. 22 изд. – М.: Республика, 2003. – С. 169.
5. Философский энциклопедический словарь / Авт.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева и В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 170.
6. Уэст, Д. Теория всего / Д. Уэст // Эта идея должна умереть. Научные теории, которые блокируют прогресс / Под ред. Д. Брокмана. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – С.2.

УЧАСТИЕ НКО В РАБОТЕ ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мальцева К.С.

магистрант по специальности «Политология»,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль

Анализ составов совещательных и консультативных структур при органах исполнительной власти Ярославской области возглавляемых членами Правительства области

показал, что в их участие вовлечены порядка 3% от общего числа руководителей НКО, зарегистрированных в Ярославской области. При этом половина из них – члены Общественных Палат Ярославской области или города Ярославля. Руководители НКО входят лишь в 54% указанных структур, а составы совещательных структур в области финансов, имущества, госзакупок, развития ЖКХ, строительства, тарифного регулирования полностью лишены участия общественности.

Ключевые слова: НКО, общественно-консультативные структуры, органы исполнительной власти.

Консультативные и совещательные структуры при органах власти (ОКС) признаны в качестве одной наиболее часто используемой и эффективной формы взаимодействия власти и общества.

В большинстве случаев целью создания такого органа является выяснение точки зрения общественности на решение той или иной социальной проблемы, а также легитимация решений, выработанных чиновниками. Как правило, общественные консультативные структуры не наделяются властными полномочиями. Решения этих органов носят рекомендательный характер. А создание и содержание не несет дополнительных расходов из бюджета.

В их состав, как показывает практика, входят представители органов государственной власти (ОИВ), представители различных коммерческих и некоммерческих организаций, представители, научного сообщества, средств массовой информации, а также иные лидеры общественного мнения.

Такие совместные органы могут создаваться при органах власти всех уровней или в качестве самостоятельного органа.

В Ярославской области можно выделить 4 основные группы ОКС при областных органах исполнительной власти:

1. Структуры, возглавляемые членами Правительства области (Губернатор, Заместители Губернатора, Советники Губернатора, Председатель Правительства, Заместители Председателя Правительства);
2. Структуры, возглавляемые иными должностными лицами органов исполнительной Ярославской области;
3. Общественные советы при органах исполнительной власти;
4. Общественные структуры, возглавляемые иными лидерами общественного мнения, создание и деятельность которых регламентировано нормативно-правовыми актами Ярославской области.

В области нормативно закреплены 138 ОКС из первой группы и 27 Общественных советов.

С 2014 года с момента вступления в силу Федерального закона N 212-ФЗ начинается повсеместное формирование общественных советов при региональных и федеральных органах исполнительной власти. Эти структуры вызвали большой интерес в исследовательских кругах. С этого момента большая часть исследований по изучению совещательных и консультативных структур при ОИВ проводились в ключе изучения формируемых общественных советов. Многие исследователи начали изучать качество составов общественных советов, формировать портреты их участников. В этом момент интерес к остальным ОКС практический полностью пропал.

Более ранние исследования ОКС, как правило, ставили перед собой задачи, изучению их порядков создания, количества и разнообразия, эффективности

ОКС [1, 4, 5]. За последние 10 лет в единичных исследованиях составов ОКС при ОИВ можно найти данные лишь по нескольким субъектам РФ [1, 2, 3] либо данные по ОКС при отдельных федеральных органах власти [5].

На территории Ярославской области зарегистрировано более 2000 НКО, более половины из которых действует на территории города Ярославля. Целью данного исследования стало поредение анализа составов совещательных и консультативных структур при органах исполнительной власти Ярославской области возглавляемые Членами Правительства области (Губернатор, Заместители Губернатора, Советники Губернатора, Председатель Правительства, Заместители Председателя Правительства с целью изучения представительства в составах экспертов из числа руководителей НКО и членов ОП.

Предметом данного исследования стала первая группа ОКС – 136 структур, возглавляемых Членами Правительства Ярославской области, в т.ч.: 16 координационных советов; 4 отраслевых совета; 18 межведомственных комиссий; 18 отраслевых комиссий; 6 комиссий по разработке законопроектов; 17 межведомственных рабочих групп; 2 межфункциональные группы; 4 организационных комитета; 6 штабов; 45 иных форм ОКС.

В качестве объекта исследования понимаются все НКО Ярославской области, созданные в формах, предусмотренных Федеральным законом от 12.01.96 г № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (за исключением государственных корпораций, компаний, бюджетных учреждений).

Эмпирические данные необходимые для данного анализа взяты из нормативно-правовых актов Ярославской области по состоянию на январь 2016 года (момент завершения формирования ОС при ОИВ ЯО).

Для начала следует отметить, что первоначальная гипотеза исследования была сформирована на основе предположения, а том что, в области существует пул из руководителей НКО, основная часть которых включены в составы общественных палат Ярославской области и города Ярославля. Экспертный потенциал руководителей иных некоммерческих организаций (не входящих в составы общественных палат) используется в единичных случаях.

Однако, результаты первичного исследования показали, что из 136 ОКС действующих на момент исследования представители НКО входили в составы только 74 из них, что составляет 54%. При чем представители НКО встречаются во всех вышеперечисленных видах ОКС (координационные и отраслевые советы, межведомственные и отраслевые комиссии, комиссии по разработке законопроектов; межведомственные и межфункциональные группы; организационные комитеты; штабы). В 80 ОКС полностью отсутствуют, как руководители НКО, так и члены общественных Палат.

Далее для анализа все 136 ОКС были разделены на 11 групп в соответствии с наименованием должностных лиц, возглавляющих структуры (таблица). В каждой ОКС был произведен подсчет общего количества членов, включенных в состав структуры, общее количество руководителей НКО, включенных в состав, количество членов Общественной палаты Ярославской области (ОПЯО) и Общественной Палаты города Ярославля (ОПГЯ), в том числе тех, кто является руководителями НКО, а также число руководителей НКО, не являющихся членам общественных палат города и области (иных НКО).

Таблица

	Кол- во ОКС	Общее кол-во членов ОКС	Все- го НКО	НКО вхо- дящих в состав ОПЯО	НКО входя- щих в состав ОПГЯ	иных НКО
1. Губернатор ЯО	29	706	89	4	56	56
2. Зам. Губернатора, курирующий вопросы внутренней политики	7	117	17	1	6	6
3. Зам. Губернатора, курирующий вопросы правового, кадрового и организационного обеспечения ОИВ	11	142	12	1	3	3
4. Зам. Губернатора, курирующий вопросы информатизации	6	96	8	2	3	3
5. Председатель Правительства	17	365	11	3	1	7
6. Зам. Председателя Правительства, курирующий вопросы экономики	4	37	4	1	0	3
7. Зам. Председателя Правительства, курирующий вопросы образования, культуры, спорта и молодежной политики	7	156	21	7	2	12
8. Зам. Председателя Правительства, курирующий вопросы здравоохранения, труда и социальной защиты	27	484	37	20	1	18
9. Зам. Председателя Правительства, курирующий вопросы финансов, имущества, государственных закупок	10	139	1	1	0	0
10. Зам. Председателя Правительства, курирующий вопросы развития ЖКХ, строительства, энергосбережения и тарифного регулирования	7	85	0	0	0	0
11. Зам. Председателя Правительства, курирующий вопросы АПК и природопользования	11	164	2	0	0	2

На основе полученных данных были сформированы рейтинги участия НКО в составах ОКС.

1. Лидерами по привлечению НКО являются следующие ОКС:

- 1) Координационный совет ЯО по вопросам межнациональных отношений – 68% НКО (19 из 28 членов);
- 2) Координационный совет при Губернаторе области по делам ветеранов войны и боевых действий – 59% (13 из 22 членов);
- 3) Совет по поддержке благотворительной деятельности в ЯО – 50% (8 из 16 членов).

2. Лидеры по привлечению членов общественных палат Ярославской области и города Ярославля:

- 1) Совет по поддержке благотворительной деятельности в Ярославской области – 37,5% (6 из 16 членов);
- 2) Совет по обеспечению реализации приоритетного национального проекта и федеральных целевых программ в сфере образования- 37,5% (6 из 16 членов);

3) Координационный совет при Губернаторе области по делам ветеранов войны и боевых действий – 36,4% (7 из 22 членов).

3. Должностные лица в чьих ОКС привлечено максимальное кол-во экспертов из числа руководителей НКО:

1) Заместитель Губернатора области, курирующий вопросы внутренней политики (Бойко Ю.А.) – 17 человек, что составляет 14,5% от общей численности членов подведомственных ОКС;

2) Заместитель Председателя Правительства области, курирующий вопросы образования, культуры, спорта и молодежной политики (Нечаев А.В.) 21 человек, что составляет 13,5 % от общей численности членов подведомственных ОКС;

3) Губернатор ЯО (Ястребов С.Н.) – 89 человек, что составляет 12,9 % от общей численности членов подведомственных ОКС.

4. Полное отсутствие НКО выявлено в составах ОКС под руководством следующих должностных лиц:

1) Заместитель Председателя Правительства области, курирующий вопросы развития ЖКХ, строительства, энергосбережения и тарифного регулирования (Шапошникова Н.В.);

2) также практически полное отсутствие НКО можно конституировать в структурах Заместителя Председателя Правительства области, курирующий вопросы агропромышленного комплекса и природопользования (Шилов А.Н.) 2 человека из 164 членов 11 ОКС и Заместителя Председателя Правительства области, курирующий вопросы финансов, имущества, государственных закупок (Долгов А.Н.) 1 руководитель НКО из 139 членов 10 ОКС.

При этом в состав 11 ОКС из этой группы включены только чиновники и руководители подведомственных учреждений.

Подобная картина требует дальнейшего детального сравнительного анализа положений вышеперечисленных ОКС, а также изучения динамики изменения составов данных структур. Не редки ситуации, при которых общественные эксперты переходят с основного места деятельности на государственную или муниципальную службу, при этом по обоюдному согласию сторон и нового работодателя место в ОКС может быть сохранено, а в НПА изменяется только наименование должности.

5. Наиболее активными участниками ОКС из Членов Общественной Палаты Ярославской области являются:

– Русаков Александр Ильич – Ректор ФБГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», председатель комиссии по науке и образованию Общественной палаты РФ, заместитель председателя Совета ректоров вузов Ярославской области (11 ОКС);

– Лягушева Светлана Николаевна – Председатель правления Ярославского областного отделения благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья» (11 ОКС);

– Соколов Алексей Владимирович – Председатель Ярославской областной организации профсоюза работников народного образования и науки РФ (7 ОКС);

– Афанасьев Владимир Васильевич – Заведующий кафедрой геометрии и алгебры ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», профессор (6 ОКС);

– Дьячков Александр Владимирович – заместитель председателя общественной организации «Объединение организаций профсоюзов Ярославской области» (6 ОКС);

– Грибов Александр Сергеевич – Председатель ОПЯО (по сост. на январь 2016 года) (6 ОКС).

Произведя элементарные вычисления можно констатировать, что в общей сложности топовая шестерка занимает 36% мест от общего числа занятых в составах ОКС членами Общественной Палаты Ярославской области. Эти данные свидетельствуют в пользу подтверждения первоначальной гипотезы о существовании губернаторского экспертного пула.

Всего в составы ОКС включены:

– 42 из 80 Членов Общественной Палаты Ярославской области, в том числе 17 из них выдвинуты в состав общественной палаты Губернатором;

– 10 из 30 Членов Общественной палаты города Ярославля.

Следует подчеркнуть, что 17 вышеупомянутых членов Общественной палаты Ярославской области выдвинутые в ее состав Губернатором в общей сложности встречаются в составах 66 раз, что оставляет 51% от общего количества мест в составах ОКС занятых всеми членами общественной палаты Ярославской области. Эти данные также подтверждают гипотезу о вытеснении представителями губернаторского экспертного пула иных экспертов из некоммерческого сектора, и как следствие, высокой вероятности искажения общественного мнения транслируемого в органы власти членами консультативно-совещательных структур.

Обширный сегмент в показателе «количество иных НКО» (НКО, не входящих в составы общественных палат города и области) составляют НКО, состоявшие в предыдущих созывах Общественных Палат, а также НКО, созданных органами региональной и муниципальной власти, а также Торгов-промышленная Палата. Если сделать допущение, что эти организации также относятся к НКО ОПЯО, то доля «Иных НКО» будет еще ниже.

Также, в составе показателя «иные НКО» (не входящие в состав Общественных палат города и области) следует подчеркнуть высокую встречаемость 3 основных групп на: 1.Национальные объединения – 14 НКО; 2. НКО агропромышленного комплекса – 7 НКО; 3. Казачьи сообщества – 6 НКО.

Таким образом, если откинуть информацию о вышеописанных трех ОКС как артефактную, получается, что в Ярославской области среди 2376 членов областных ОКС всего 6,8 % (163 человека) представители НКО, в том числе 3,6% руководители НКО, не входящих в общественные палаты области и города.

При учете, что некоторые персоны в составах повторяются неоднократно, реальная цифра для руководителей НКО около 5 % НКО (140 человек) и 2,5 % (60 человек) для НКО, не вошедших в состав ОП. Что составляет 3 % от общего числа НКО, зарегистрированных на территории области.

В заключении необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что Ярославская область относится к группе наиболее демократически продвинутых регионов, полученные данные свидетельствуют, в пользу, того, что лишь в половине ОКС, возглавляемых членами Правительства Ярославской области, присутствуют общественные эксперты. Отсутствие последних ведет к частичной или полной утрате части функций ОКС, таких как: формирование обратной связи, на принимаемые органами власти решения, выстраивание диалога между властью и обществом и обеспечение общественного участия в процессах управления. Подобная картина может спровоцировать социальное напряжение и нарушение оперативного информационного обмена между властью и обществом.

Список литературы

1. Тарасенко А.В. Инкорпорирование некоммерческих организаций в процесс государственного управления в России. [Электронный ресурс] // <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/81663032> (дата обращения: 15.02.2017).
2. Ариффулина Г.А. Совещательные органы при исполнительной власти – институт диалога с бизнесом [Электронный ресурс] // Официальный портал ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/02/28/1211524416/003.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Твердов И. В. Общественно-консультативные советы (ОКС) как институциональная форма структур гражданского общества (на примере ОКС при Ростовском УФАС) развития. [Электронный ресурс] // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Tverdov_OKS.pdf (дата обращения: 19.04.2017).
4. Тарасенко А., Дубровский Д., Стародубцев А. Навести мосты между обществом и государством: общественно-консультативные структуры в регионах Северо-Запада / Анна Тарасенко, Дмитрий Дубровский, Андрей Стародубцев. – Санкт-Петербург: Реноме, 2011. – 48 с.
5. Технологии общественного участия и межсекторного социального партнерства. Под редакцией М.Б. Горного, 2013. [Электронный ресурс] // Официальный портал ВШЭ – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/115119611> (дата обращения: 19.04.2017).

Подписано в печать 09.01.2018. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,14. Тираж 500 экз. Заказ № 4
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а